

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

5. 2023

9.09.23. г. Нальчик. «Кубок Эльбруса-2023» в честь Дня государственности КБР

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакуашева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

5. 2023 СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

От переводчика

Расула Гамзатова и Танзилю Зумакулову, двух великих поэтов Кавказа и России, связывала многолетняя творческая и личная дружба.

Расул Гамзатов писал о Танзиле:

«Четверть века тому назад, впервые перелистывая стихи Танзили Зумакуловой, я обнаружил в них много неожиданного и привлекательного. Они тут же захватили меня, и я стал внимательно читать одно, другое, третье.

Мною овладело радостное волнение – я понял, в балкарских горах родилась поэтесса...

Я до сих пор продолжаю любить поэзию, светлый талант Танзили...

Ее мир – средоточие всего прекрасного, подлинного и благородного на земле. А ее книги являются продолжением поэзии Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева и выражают дух и характер ее многострадального балкарского народа...

К Танзиле в полной мере относятся слова А. Твардовского об Анне Ахматовой: «У нее есть достоинство таланта»...

У Танзили самое драгоценное украшение – это ее поэзия, в основе которой глубокая мысль, щедрость души и любовь ко всему прекрасному» (Цит. по кн.: Танзиля Зумакулова. Слово и судьба. Нальчик: Эльбрус, 1994).

Дружеские стихи великому аварскому поэту посвятила и Танзиля Зумакулова. В год 100-летия Расула Гамзатова они впервые переведены на русский язык.

РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

Люблю я Дагестан, как отчий дом,
Соскучившись, опять спешу в дорогу.
Там ждет своих друзей поэт от Бога,
Он произносит «Танзиля», как дивный звон.

Когда встречает он, объятая распахнув,
И горными цветами осыпая,
Мне кажется, что я с небес ступаю,

И в дом вхожу – и нет блаженной чувств.
Благоуханные цветы в моих руках –
Мне снова день такой послал Аллах!

Чей каждый шаг здесь образцовым чтут,
Чье слово мудрецам дороже злата,
Любимец всего света – сын Гамзата,
Как-будто путь не долог и не крут,

Мне говорит: «Я, как бесценный дар,
Везу тебя в мои родные горы».
Он шутит с поэтическим задором –
Мир кажется и светел, и не стар.

Смеемся мы, и каждый шутке рад,
Как в рай, въезжаем в горские пределы,
Село гостеприимно загудело,
Беседы горцев сладостно звучат.

И речки горные по камушкам звенят,
И белоснежное лугов кипит цветенье,
И горы ждут в торжественном волнении,
К вершинам ослепительным манят.

Касаясь облаков, громады гор
Преодолели тьму тысячелетий,
Не сдавшись испытаньям, даже смерти, –
Поэта будто ждали с давних пор.

Смотрите, горы, головы склонив, –
Здесь – ваше солнце, ваш аварский гений,
До неба вас в своих стихотвореньях
Вознес Расул, вас славой озарив.

Сегодня гениев приветствует Кавказ,
До них вершинами седыми дорастая;
Их имена: Расул, Кайсын, Мустай,
Чингиз, Турсун-заде, Нафи, Олжас.

Спасибо им, что воздают мне честь
И, как сестру родную, принимают,
Какой я им кажусь – не представляю,
Всех слов высоких и не перечить.

Я с ними рядом за большим столом,
И, вдохновившись мудрыми речами,
Я славлю день и всех, кто вместе с нами,
И пусть стихи напишутся потом.

Нам жизнь дается, чтоб ее пройти
Храня достоинство и не роняя чести,
Степей и гор великие поэты,
Вас слышать – выше счастья не найти.

Суровый век, в котором мы живем,
Животворит ваш светлый гений,
Огонь не сможет превратить вас в пепел,
Каким бы ни пытали вас огнем.

Расул Гамзатов миру Богом дан.
Пусть мир он не покинет раньше срока!
Пусть Бог хранит Поэта и Пророка,
Воспевшего свой древний Дагестан!

1978

*Перевел с балкарского
Джамбулат Кошубаев*

СТИХОТВОРЕНИЕ,
НАПИСАННОЕ В АВАРСКИХ ГОРАХ

Расулу Гамзатову

1

Аварский дом приник к горе,
Здесь слово душу согревает.
Я мою руки во дворе –
Расул водою поливает.

Кувшин серебряный, клонясь,
Играет бликами в движеньи,

И с восхищением на нас
Магидов¹ смотрит в отдаленьи.

И шутит весело поэт,
И стар и млад ему внимает,
Мы все смеемся, и в ответ
Он речь шутливо продолжает:

– Склоняли головы цари
Передо мною в знак почтения,
Сокровищем родной земли
Признал народ мои творенья.

Меня так любят и так чтут
Из лучших лучшие, но я
И почитаю, и люблю
Из всех одну лишь Танзилю.

Ведь ты напишешь обо мне,
Когда приступишь к мемуарам,
Какие оды о тебе
Я сочинял с сердечным жаром.

И я, смеясь, и в тон, и в лад:
– Прошу оставить шутки эти!
Я расскажу все Патимат –
Не избежать тогда трагедий!

Хозяев смех, и над двором
Летают шутки друг за другом.
Вот нас, гостей, заводят в дом,
Где царский стол на всю округу.

Как воздух здесь кристально чист!
Чисты сердца и мысли наши,
Тут каждый весел и речист,
И день становится все краше.

---

¹ Магидов Шарабдин Гамидович (1928–2007), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Дагестана, заслуженный работник высшей школы РФ. Супруг Танзили Зумакуловой.

Расул танцует. Я же вдруг,
О танцах и не помышляя,
В широкий выступаю круг,
С Расулом будто состязаясь.

2

Танцуй, Расул, и пой, Расул!
Ты есть – и значит, нет печали!
Владеешь ты землей и небесами,
И пули не свистят над головами,
И в мире – мир, как ты сказал, Расул.

Такой поэт на целый свет – один.
Ты, как пророк, сын своего народа –
Явился ты в горах – сама природа
Бесценным даром одарила мир.

Ты из стихов своих воздвигнул башню,
Она уходит ввысь, под облака, –
И кто оценит, как она крепка,
Как прочен стих под мощной горской кладкой?

Ты смог достигнуть горней высоты,
Где только Бог, Поэзия и ты.

1976

*Перевел с балкарского
Джамбулат Кошубаев*

От редакции

Предлагаемый нашим читателям рассказ «Проклятие оборотня» одного из старейших писателей республики Магомеда Кудаяева – произведение в высшей степени примечательное и столь же уникальное. Достаточно сказать, что текст с полным основанием может претендовать на принадлежность к архаичной, но не исчерпанной и по сей день жанровой форме, известной как малая готическая, при этом опыт Кудаяева уникален для сообщества наших национальных литератур. Автору удалось добиться не только обязательного эффекта сжатого нарративного пространства, обязательного для готической литературы, но и весьма убедительно адаптировать своё произведение к практикам восприятия прозы читателем КБР. Ему удалось удачно совместить фантазийный хоррор-сюжет с аутентичным реалистичным обрамлением. Сцены и атрибутика повседневной жизни горцев выписаны М. Кудаяевым безупречно, в убедительной аргументации бытийными деталями. Особо следует отметить язык повествования – богатый и свободный в выражении смысловых нюансов, насыщенный гапаксами, зачастую требующими текстуального истолкования.

Тем ценнее видится работа переводчика текста – Ларисы Ахатовой, сумевшей в полной мере сохранить семантику и образность произведения, учесть все возможные вариации и колебания смысла, как в сюжетном повествовании, так и – особенно – в диалогах героев. По мнению редакции, перевод рассказа отмечен даже большей компактностью и динамикой, нежели оригинал, и в своём эстетическом качестве не уступает прототипу.

М. Х. Кудаяев

Магомед КУДАЕВ

ПРОКЛЯТИЕ ОБОРОТНЯ

Мать Расула тяжело болела. В последнее время она плохо ела, таяла на глазах, её почти не было видно в постели, кожа да кости остались. Словом, дошла до ручки, врагу не пожелаешь. У Расула, к сожалению, не было ни сестры, ни брата. Ему приходилось днем и ночью самому ухаживать за больной матерью. Отец Расула Хамзат редко спускался с коша, и то только для того, чтобы сменить своё белье.

Сестра матери Ханий, живущая в другом селе, постоянно пропадала в дороге между двумя аулами. К её чести, она часто навещала больную сестру и находилась возле неё. Расула немного огорчало то, что мать все время старалась отправить его из дома с какими-то мелкими поручениями. Ханий, оберегая Расула, успокаивала его: «Твоя мама в тебе души не чаёт, ты свет её очей. Просто она боится, что ты заразишься и заболеешь, только поэтому не хочет, чтобы ты находился рядом».

Желая угодить матери, Расул уходил пасти овец вместо отца. Но откуда взяться настроению, чтобы целыми днями ходить за баранами, когда перед глазами все время стоит лицо матери, пожелтевшее от болезни?

И этот чёрный день настал – один из напарников пришёл на пастбище сменить его. Пришёл с тяжкой вестью. Расул в панике помчался вниз, даже не дослушав приятеля, который кричал ему вслед: «Вернись в кош и скачи на лошади, так будет быстрее».

Запыхавшись, он добежал до верхней части села. Отсюда дом их был виден как на ладони. Когда Расул увидел собравшихся во дворе людей, у него земля ушла из-под ног и его детский мир рухнул в одночасье. Он в отчаянии побежал навстречу своему горю, ноги не подчинялись: он спотыкался, падал, вставал и снова бежал. Возле дома его встретили несколько человек и завели во двор. Стоявшие во дворе по очереди подходили к нему, говорили слова утешения и выражали свои соболезнования. А как найти те слова, которые могли бы облегчить горе мальчика, оставшегося без матери? Сельчане, родственники и близкие, соблюдая закон шариата, ждали Расула, чтобы предать тело земле. После прихода Расула не было причины затягивать церемонию похорон. Мужчины подняли тело и направились на кладбище.

Вернувшись, Расул горько и безудержно оплакивал мать. Однако закон природы таков: умерший умирает, а оставшийся в живых старается жить дальше. Примерно через два месяца после поминок матери отец вызвал сына из коша. Он в тот же вечер пришел домой, но сначала Хамзат ничего не стал говорить ему. И лишь утром отец издали начал разговор:

– Расул, мой дорогой, у меня ближе тебя нет никого. А значит, ты мой главный человек и советчик. Сам видел, что сестра твоей матери, спасибо ей большое, в течение пяти-шести лет жила между двумя сёлами. Она не обязана помогать нам всю жизнь. У неё тоже своя семья. Если подумать, даже перед народом стыдно, что в доме нет женского тепла, а о грехе я и не говорю. Если попадётся богобоязненный человек, то хоть вещи нам постирает да ужином накормит. Думаю, что женская рука в доме не помешает.

Расул понял, что отец для себя уже всё решил, и не видел смысла перечить и настраивать его против себя.

– Понимаю, делай, как считаешь нужным, отец.

Пользуясь тем, что Расул дома, Хамзат, несмотря на ненастье, взял коня у Хомуша, оделся празднично и вышел в дорогу. Через три дня Расул увидел возвращающегося отца с женщиной. Одну лошадь они вели под уздцы, другая была привязана к первой, на коне кто-то сидел. Когда они подошли чуть ближе, Расул разглядел девочку, которая крепко держалась за седло, хотя конь передвигался достаточно медленно. Женщина, увидев Расула, ещё с порога громко и игриво начала стрекотать:

– Ой, душа моя, эй, киши, его ты называл сиротой? Не стоит – я постараюсь относиться к обоим детям одинаково.

Как бы ласково ни разговаривала женщина, её бегающие глаза, холод, веющий от неё, насторожили Расула. Они вместе с отцом сняли девочку с лошади, та взяла в руки два узла и уверенно шагнула в двери. Расул привязал лошадей, расседлал их и тоже зашел в дом. Женщина, как полноправная хозяйка, уже готовила ужин. Всё, что ей было нужно, находила самостоятельно, без особого труда, словно всю жизнь жила здесь. Расулу почему-то стало неуютно из-за поведения новоявленной мачехи, и он вышел во двор, якобы посмотреть коров, хотя было еще рано для вечерней дойки. Расул задержался возле сарая. Неожиданно женщина подошла к нему и начала разговор:

– По словам отца, тебя зовут Расул, так?

– Да, так.

– Имя твоё такое же красивое, как и ты сам. А моё имя знаешь?

– Нет.

– Если мамой не захочешь называть, то можешь называть меня по имени. Меня зовут Дарийхан! Ну, а если будешь называть мамой, буду только рада. Постараюсь тебя не разочаровать.

– А та девочка твоя дочка?

– Да, ее зовут Саният. Как и ты, она сирота. Только у тебя нет матери, а у неё – отца. Ты мать знаешь. А когда отец Саният умер, ей еще и двух лет не было. Ничего у него не болело, днем вышел здоровый мужчина из дома, шел, упал со скалы и умер.

Расул снял ведро с сучка дерева и направился доить корову, а Дарийхан словно этого только и ждала:

– Я подою, – сказала она, выхватила ведро из рук Расула и села под корову.

«Я посмотрю, как ты будешь доить», – подумал Расул, представляя, как корова сейчас начнет лягаться. Однако Расул стал свидетелем странных вещей. Корова, которая от роду не подпускала к себе чужого человека, с места не сдвинулась, когда подошла Дарийхан. Сам Расул, когда доил корову, боялся поставить ведро на землю и удерживал его между коленок. Дарийхан же доила корову и разговаривала с Расулом. Раньше корова утаивала свое молоко для телятка, а тут, как ни странно,

полностью отдала. Дарийхан подоила корову и пошла домой. Вдруг корова задрожала и проводила её долгим взглядом, пока она не скрылась с глаз. Если бы Расулу кто-нибудь рассказал об этом, ни за что не поверил бы. Но он оказался невольным свидетелем происходящего. Корова вызывала жалость, она вся взмокла, от неё шёл пар и силы как будто покинули её. Странное поведение Дарийхан не выходило из головы Расула. В этот вечер Расул, невзирая на позднее время, хотел вернуться в кош и вернулся бы, но, опасаясь пересудов соседей и недовольства отца, остался в селе.

Ночь для Расула выдалась беспокойная. Он задыхался во сне, вскрикивал, просыпался в холодном поту, его мучили кошмары. Словом, он еле дождался утра.

На следующий день, как полагается в народе, соседи зашли в гости с поздравлениями. Дарийхан разговаривала с ними учтиво, располагая к себе. Они внимательно слушали её болтовню, словно речь почтенного старца. Любой мог позавидовать сноровке Дарийхан, которая, не отрываясь от домашней работы, могла умело поддерживать разговор. Расул же в это время, словно птица, изгнанная из своего гнезда, собирал узел, чтобы уйти обратно в кош.

Хамзат догадался о том, что Расул собирается в кош.

– В этот раз пойду я, а ты через одну-две недели придёшь, когда огород подготовишь к посеву.

В первую очередь Расулу нужно было сплести корзины, так как с прошлого года ничего не осталось. В тот же день он оседлал осла и спустился к речке. Осла привязал к дереву, нарезал прутьев, сложил их в одну кучу и направился к месту, где был привязан осел. Откуда ни возьмись перед ним появилась Дарийхан, в руке она держала узелок с едой. От неожиданности Расул растерялся, но Дарийхан сделала вид, что не заметила этого. Она отложила узелок с едой в тенечек.

– Дитя, мой мальчик, целый день у тебя не было маковой росинки во рту. Подойди, перекуси, – пригласила отобедать Расула, ловко разворачивая на траве трапезу.

Расул удивился, что она сумела найти его в этом огромном лесу. К тому же Дарийхан не выглядела уставшим человеком, который долго шёл пешком.

Расул ел, но не чувствовал вкуса еды, не следил за количеством съеденного. Его растерянный взгляд был устремлен в непонятное далеко, а ум поглощён странными действиями Дарийхан. После трапезы Расул встал, чтобы погрузить на осла заготовленные прутья, но Дарийхан уже успела всё сделать. Расул с удивлением смотрел на осла, который обычно упирался, убегал, отлынивал, а тут стоит спокойнее ягнёнка и позволяет нагружать себя тяжелым грузом. Что это? Как это понять?

Увиденное Расулом в эти два дня было за гранью его понимания,

давило на психику. Кому сказать, с кем посоветоваться бедному сироте? Он оказался один на один со своими проблемами. Расул смутно, как это позволяло его детское миропонимание, думал, что тут не обходится без темных сил. Для него оставался открытым вопрос, почему все без слов подчиняются Дарийхан, включая корову и осла? Как она усмиряет их? Об остальных не приходится и говорить. Кому сказать? Что делать? О чем думать? То, что Расул сегодня собирался в лес, никто не знал и не видел. Однако Дарийхан без особых усилий нашла его. Это, конечно, смущало и наводило на размышления.

И вот ещё – осёл уверенно и легко спускался вниз, ни разу не зартачившись, хотя груз был не из легких. А когда дома с осла сняли поклажу, он был весь вспенившийся и от него поднимался пар.

На третий день Расул проснулся из-за галдежа кур. Он наспех оделся, выбежал на улицу и опешил: Дарийхан выщипывала курам перья и собирала их в корзину, пух летел во все стороны, как хлопья снега в метель. Расул спрятался в доме, а через некоторое время, вновь выйдя на улицу, увидел, что Дарийхан и Саняит спускаются вниз по берегу реки возле моста. Птицы во дворе почти не осталось.

«Пропади ты пропадом с этими курами, только оставь нас в покое», – затравленно подумал Расул и, не зная, как успокоиться, занялся скотиной. Подоил корову и занес ведро молока в дом. В это время со двора вновь донеслось беспокойное кудахтање кур. Из курятника выбежали три чёрные курицы – Дарийхан оставила дома только чёрных. На всю округу был один петух, и того она забрала. «Будь что будет, нужно поскорей закончить с огородом и уйти в кош, пусть подавится, пусть все забирает. Уж если я смерть матери пережил, то это для меня что?» – решил Расул. Но при этом не переставал думать, что Дарийхан – страшная женщина, которая способна на всё, поэтому сильно переживал за отца. «Если с отцом что-нибудь случится, то никогда не прощу себе. Делать нечего? Грех не хочу на душу брать, но, наверное, и прежний её муж не по доброй воле пошел и упал со скалы. Ладно, время всё расставит на свои места», – подумал Расул и начал плести корзину. Руки Расула плели корзину, а мозг работал в поисках ключика к загадкам Дарийхан. Он решил узнать о ее странностях у знакомых с нею людей.

В селе таких людей двое. Один – Хумош-хажи, второй – Юсуп-эфенди. Юсуп-эфенди знает почти всё. Он с шести лет учился в Аравии, а вернулся обратно уже бывалым мужчиной. По словам сельчан, он так много и долго учился, что понимает язык зверей и птиц. Расул хорошо знает эфенди, но встретиться с ним вне дома крайне трудно. Юсуп-эфенди никуда не выходит: он или читает Коран, или делает намаз. Можно было пойти к нему домой и обо всем рассказать. Но разве он будет слушать такие глупости? Стидно, да и как сказать эфенди, что

отец привел домой ведьму? Расул так и не решился пойти к Юсупу.

А с Хумош-хажи он сможет встретиться в любое время. Хажи человек почтительный, умеет на равных общаться со старшими и младшими. Правда, он не такой ученый, как Юсуп-эфенди. Но то, что нужно Расулу, он может разъяснить даже в полудрёме. Говорят, в молодости он дрался с алмасты – снежным человеком – и даже бусы у него отобрал. Алмасты с тех самых пор служит Хумошу. По поверьям народа, никогда бедность не постигнет тот дом, в котором находятся бусы алмасты. Но если существо сумеет выкрасть свои бусы и вернуть их себе, то беспощадно обрушит на обидевший его дом сто несчастий.

Расул увидел, что Хумош-хажи работает в огороде, подошел к нему, но не решился начать разговор первым. Собранные камни Расул отнес и высыпал между двумя огородами. Хажи тоже. Огород очистить от камней можно за три-четыре дня, а значит, у Расула есть ещё время.

Закончив с камнями, мальчик принялся за плетение корзин. Дарийхан и Саният вернулись домой, когда он заканчивал плести вторую корзину. Дарийхан как ни в чем не бывало ласково обратилась к Расулу:

– Ты, наверное, проголодался, мой мальчик.

Потом, словно в свое оправдание, развязала ноги курам и из одной корзины выпустила во двор четырех чёрных кур, из другой – одну чёрную курицу и иссиня-черного петуха.

Расул, забыв о своем голоде, наблюдал за происходящим: «Астофируллах, что это такое? Куда она ходила и где выменяла кур? По всему видно, что она хочет разводить черных кур. Только зачем? В чем смысл? Голова идёт кругом от вопросов, на которые нет ответов...».

Расул совместил обед с ужином, посмотрел за скотиной и пошел спать, чтобы встать утром пораньше. Эта ночь выдалась относительно спокойной.

Утром Расул повозился по хозяйству и сразу направился в огород. Хажи пришёл чуть позже. Пока Хумош-хажи высыпал свою корзину, Расул подошел и весело поздоровался с ним. Хумош-хажи охотно ответил на приветствие, поинтересовался здоровьем и благополучием Расула, отложил в сторону свою корзину и помог Расулу снять с плеча корзину с камнями и высыпать их в яму. В этот день на этом месте они встречались несколько раз, между делом интересуясь делами друг друга. Наконец, они сели пообедать.

Хажи протянул мальчику айран, разбавленный водой, расстелил свою безрукавку на холодном камне и, усадив на него собеседника, начал расспрашивать о его жизни, словно они не виделись очень давно. Расул обстоятельно ответил на все вопросы, а потом подался к старику:

– Хажи, есть разница в зрении человека и животного?

Хажи немного подумал и сказал:

– По моему мнению, скотина видит больше. Например, то, что ночью увидит кошка или сова, человек никогда не заметит. Ты и сам

знаешь, что ночью глаза кошки и собаки по-особому блестят. Это нам кажется, что они только в темноте горят. Они точно так же и днем светятся. К примеру, ведьмы и джинны не всегда попадают в поле зрения человека. А животные их видят и днём, и ночью. Сам, наверное, замечал, как конь в дороге может встрепенуться из-за полета птицы или шелеста листьев. Так развлекаются ведьмы и джинны, которые служат Иблису.

– Хажи, почему я их никогда не вижу?

– Расул, мой дорогой, их не каждый может увидеть. В народе говорят, если это правда, что они показываются либо очень трусливому, либо очень храброму человеку.

Наконец Расул дошел до вопроса, который не давал ему покоя:

– Хажи, а какая разница между ведьмой и джинном?

– По моему мнению, и джинн, и ведьма обладают особенной силой. Они из рода нечистых, слуги Иблиса. Однако они очень разные. Если джинна не трогать, то он не преследует человека и не причиняет ему зла. А ведьме всё равно, каждому не прочь навредить. Иные из них подчиняют себе джиннов. Таких называют «человек с бесами» или «бесноватый человек». Эти люди способны лечить больных людей и тех, в ком поселился бес. Джинны могут быть белыми или черными. Белые джинны приносят человеку только добро. А черные джинны могут довести человека до сумасшествия. Но если белый джинн победит черного джинна, то человек может выздороветь и продолжит здравствовать.

Сила ведьмы передается по наследству. Например, если ведьма находит при смерти, а к этому дню кровный родственник не перенял её дар, то в страшных мучениях ведьма отойдет в мир иной. Также этот дар может взять человек, который не прочь продать душу дьяволу. Если ведьма заранее найдет человека, который готов перенять колдовские способности, то ведьма умрет спокойно, передавая ему бесовскую энергию. Иначе ведьма обречена на адские смертные муки. Расул, дорогой мой мальчик, таково народное поверье. Ведьма может вскочить на необъезженную лошадь (эмилик ат) и нестись без седла и уздечки. Слышал, что даже может принять образ зверя. Это всё из рассказов народа. А народ, как нам известно, просто так ничего не говорит.

Так завершил свой рассказ Хажи, и оба принялись за работу.

Расул обдумал слова Хажи и решил, что повадки Дарийхан очень похожи на повадки ведьмы. После того, как Хажи ушел с огорода, Расул ещё немного поработал и вернулся домой.

Дарийхан встретила его радушными словами:

– Лучше бы я умерла, даже некому тебе помочь, бедный ты мой, целый день таскал камни на спине, устал, наверное.

– Нет, нет, я не утомился, – ответил он, не утаивая, однако, свою усталость, и собрался доить корову. Но, зайдя в комнату за ведром,

обнаружил, что оно уже стоит там, полное молока. Дарийхан же объявила, что с этого дня за коровой будет смотреть сама – жалко, мол, ей Расула, и без того он мучается в огороде, таская на себе камни.

Постепенно Расул начал привыкать к странностям Дарийхан и перестал удивляться. Однако по истечении пяти-шести дней оказалось, что все ведра и бочки в доме заполнены молоком, даже воду набрать и корову подоить не во что.

Дарийхан похудела настолько, что, казалось, могла пройти через ушко иглы. Ведь она целыми днями делала сыры из молока единственной коровы. При этом молока в доме не убавлялось, его становилось всё больше. Расулу даже пришлось забросить дела в огороде и ходить продавать сыры. Ему хотелось уйти в кош, но он не успевал подготовить огород к посеву.

В один из дней Расул дал себе слово: «Я не человек, если не узнаю, откуда столько молока у нас появляется», – и начал следить за Дарийхан. По всей видимости, всё происходило вечером, так как днём она, как и все женщины, занималась варкой сыра. И вот как-то ночью долго выжидавшего и уже нечаянно задремавшего мальчика разбудил звон ведер. Дарийхан вполголоса журила Саният:

– Что, руки у тебя отсохли? Сейчас всех на ноги поставишь!

Расул, затаив дыхание, тихо лежал на спине.

Саният взяла оба ведра и вышла на улицу вслед за матерью. Как только они немного отделились, Расул быстро оделся и пошел за ними.

В эту ясную ночь со стороны Минги-тау веял прохладный свежий ветерок, луна поднялась над утёсами Айрыташ. За затененными скалами лес казался ещё темнее. Вокруг тишина, только слышен шум реки, который сливался с редким лаем собак.

Расул осторожно окинул взглядом округу и заметил два силуэта возле сарая Хумоша. Он не пошел за ними, нырнул за временку, по куче глины залез на крышу дома и спрятался за дымоходом. Отсюда всё видно как на ладони. Не прошло и получаса, как из-за угла дома Кызтуумы какой-то силуэт направился прямо на Расула. Лица не видно, но не было сомнения, что это Саният. Под тяжестью ведра она шла, накренившись вбок. Зашла во временку, освободила ведро и быстро вернулась обратно. Расул, как только узнал, откуда течет «молочный родник», не теряя времени, вернулся на свою кровать. Но как уснуть Расулу, который только что узнал, что жена его отца, его мачеха, обкрадывает сельчан?

В одну из ночей Расул снова отправился за ними. На этот раз он спрятался в узком проулке, решив любыми способами помешать им. Саният наполнила ведро и быстро вернулась в дом. Расул – за ней и быстро закрыл на дверях засов-вертушку, чтобы Саният не смогла выйти. Не ведая о кознях Расула, Саният подумала, что дверь захлопнулась

под собственной тяжестью и вертушка повернулась самостоятельно. Саният билась, шумела, стучала, как загнанный зверек, но возможности выйти у неё не было.

Дарийхан подоила очередную корову и из-за того, что Саният не возвращалась обратно, посылала на её голову шквал проклятий. В конце концов ей надоело ждать, женщина взяла надоенное молоко и двинулась обратно, сварливо понося Саният, которую так и не встретила по пути. Придя домой и не заметив, что входная дверь закрыта, дернула со злостью её на себя. Не открывается. Дарийхан неспешно окинула внимательным взглядом двор, дабы обнаружить подвох. Но не нашла повода для переживаний. Что она заметила бы? Ведь «причина» закрытой двери давно уже в постели.

Продолжая проклинать всех вокруг, Дарийхан открыла дверь и спросила у Саният:

- Когда во двор заходила, ничего не заметила?
- Нет, ничего не заметила. А что я должна была заметить?

Дарийхан не знала, на ком сорвать зло, и злобно зашипела на Саният из дальней комнаты:

- Ступай тихо, не шуми, разбудишь этого поганца, ещё хуже сделаешь.

В следующую ночь они опять отправились «на охоту». Расул взял старое покрывало и отправился вслед за ними. На беду, к нему прицепилась кошка, как ни отгонял, она идет и идет за ним. Парень накрылся покрывалом и спрятался за большой камень у выхода со двора. Кошка тоже присела рядом. Когда Саният с полными ведрами дошла до этого места, Расул, завернувшись в ткань, запрыгнул на камень, раскинул руки, наклоняясь из стороны в сторону. Кошка словно ждала именно этого момента, несколько раз ошалело мяукнула и тоже вскочила на камень. У Саният от испуга душа в пятки ушла, с криком она бросила в сторону свои ведра и покатила кубарем. Из темного сарая тоже доносились крики, вскинулись соседские собаки. Расул забежал домой, сложил на место покрывало и вышел на порог, словно только что проснулся из-за шума. Со стороны дома Юсупа-эфенди тоже неугомонно гавкали и визжали собаки, вся округа заполнилась криком, гамом, лаем.

Вскоре Расул увидел, как по дороге быстро поднимаются две тени. Это были Дарийхан и Саният. Только они вошли во двор, Расул, потягиваясь, словно спросонья, спросил:

- Вы слышали этот шум?
- А как же? Только глухой может не услышать этот гам. У Саният разболелся зуб, врагу не пожелаю такого, намучилась бедняжка.

От зубной боли по-волчьему выла, поэтому мы спустились к реке и ходили там, пока зуб не успокоился. Со стороны нашего дома слышались крики и поторопились обратно, – уверенно ответила Дарийхан.

У парня хороший учитель, он научился сочинять так же, как Дарийхан:

– А я не мог понять спросонья, в чем дело, наскоро выбежал, даже не успел одеться.

Расул закрыл калитку и зашел домой, Дарийхан и Саният скрылись в своей комнате.

Утром всё село знало, что Юсуп-эфенди в своем сарае нашел ведро молока. Поговаривали о том, что кто-то тайно доит коров по ночам. Некоторые даже охраняют свои сараи, чтобы поймать вора.

«Молочный родник» Дарийхан иссяк. Расул тоже перестал ходить на базар. Занимался огородом. Какое-то время всё было спокойно.

Но вот как-то, когда Расул спал сладким сном, его разбудил непонятный шум. Он заглянул в комнату женщин, их там не было. «Похоже, они снова пошли доить коров», – подумал Расул и вернулся в кровать. Ворочался с боку на бок, никак не мог уснуть.

Они пришли под утро, от обеих сильно пахло перегноем. «Интересно, кому они нанесли вред сегодня?» – думал про себя Расул, лежа на кровати. Когда встало солнце, подростка разбудил крик Дарийхан, требовавшей от Саният «поднять этого негодника, чтоб он в вечный сон провалился!».

Мальчик поднялся, оделся, умылся и вышел, не дожидаясь прихода Саният. Дарийхан, как обычно, вкрадчиво-ласково улыбнулась ему:

– Расул, душа моя, заболел, что ли? Что с тобой случилось сегодня? Столько ты никогда не позволял себе валяться в постели.

– Да, почему-то нездоровится, слабость какая-то в теле, всё ломит, – лгать с таким учителем, как мачеха, он научился на ходу.

Перед выходом в огород Расул всё внимательно осмотрел, но нигде не заметил лишнего молока. «Интересно, где пропадали они вечером, где так пропахли перегноем?» – эти вопросы не давали покоя Расулу. Перед тем, как пойти в огород, он долго искал корзину, в которой выносил мусор. А нашел в углу под навесом, куда складывают дрова. Расул не знал, о чем думать, и вернулся в огород.

Ночью Дарийхан и Саният опять тихо вышли из дома. Расул крался вслед за ними. Женщины забрали из-под навеса корзину и мимо дома Хумоша повернули в сторону «темных сараев». Мальчик дал им возможность немного отдалиться и зашел к сараям с нижней дороги. В свете луны он заметил, что женщины набрали в корзину перегноя. «Темные сараи» были построены, чтобы сохранить ослов и лошадей, находившихся на вольном выпасе, от диких зверей. Здесь чаще всего находился только осёл Какчы. Поэтому там вряд ли можно было найти много перегноя. А вообще никто не помешал бы Дарийхан взять его открыто, днём, сколько нужно. Расул не понимал, для чего обязательно красть ночью и приобщать к этому ребенка? По доносящемуся разго-

вору он понял, что Саният была недовольна проделками матери, но у неё не было выбора.

Дарийхан злило слабое сопротивление Саният:

– Бездельница, когда прекратишь ты своё нытье? Перегной должно быть больше, чтобы прикрыть сверху камнем, иначе яйца, лежащие там, подавятся. А если не прикрыть, то лиса выкопает да съест.

– Зачем таскать перегной отсюда, когда можно взять из сарая Чокуна?

– Вот бестолковая, сколько раз нужно говорить, что мне нужен лошадиный перегной.

– Хорошо, тогда давай здесь закопаем.

– Ох, как же ты меня достала, негодница, когда ты сгинешь, идиотка! Ты, наверное, родилась мне на горе. Всё время заставляешь меня нервничать, ничего не хочешь понять. Нужно спрятать подальше от человеческого глаза, тебе понятно?! И так колдовские мази, приготовленные в прошлом году, не помогли.

– А откуда знаешь, что в этом году получится?

– Не каркай много, чтоб тебя... Знаю, старшая смотрела свою волшебную книгу и сказал, что яйца не черной курицы были. А в этом году, если ты не ослепла, то видела, мы с тобой принесли черных кур. Шкуру змеи не могла найти, дай бог здоровья Чубурбию, хоть это нашла.

Только сейчас Расул окончательно поверил и осознал, что Дарийхан – настоящая ведьма. Если отец вернется с кошары и заметит что-либо, то Дарийхан попытается избавиться от Хамзата. Нет, нет, упаси Аллах! Любыми путями надо, чтобы отец там задержался. А там... Время покажет.

Дарийхан и Саният шли впереди, их силуэты были еле заметны. Расул начал было следить за ними, но женщины спешно повернули вверх по лощине Айырташ, и тогда он быстро вернулся и лег спать, не дожидаясь их прихода. Очевидно, мать и дочь вернулись очень поздно, поскольку встали утром уже после того, как мальчик посмотрел скотину.

Сославшись на то, что ему нужно принести дров, Расул направился на то место, где были вчера ночью. За рекой на песчаной дороге он заметил на земле следы перегной и пошел по ним. Когда поднялся чуть выше, увидел отчетливые следы этих двоих. После скалы Кызыл-кая был опять рассыпан перегной, а вот люди повернули в сторону. Подросток поднялся чуть выше и увидел на северной стороне скалы, среди зарослей кустарников, чёрную кучу, причём насыпана она не просто так – чтобы её обнаружить, нужно было искать целенаправленно, а иначе никто никогда не увидел бы неприметный холмик за кустами. Расул, наконец, нашел то, что искал, и до обеда вернулся домой. В обед он погнал скотину к речке, чтобы напоить, и встретил Хумош-хажи.

– Хумош-хажи, я с удовольствием помогу погнать и вашу скотину к водопою, – учтиво предложил мальчик.

– Да ладно, я их не на себе таскаю, чем сидеть на месте, лучше пройдуся, – и они вместе пошли к реке.

У обоих дома не было особой работы, поэтому они постояли немало у берега реки. Расулу было интересно выслушать Хумоша, и потому парень начал разговор с того, что у коров недавно пропало молоко и еле восстановилось.

– Хажи, как ты думаешь, могут в наше время существовать ведьмы, джинны, лешие? Может, беда от них исходит?

– Душа моя, если бы разговор шел только о моей корове, то можно было бы и так подумать. Но ведь во всей округе коровы одновременно перестали доиться, а потом одновременно начали давать молоко. Вот что удивительно! О таком мы ещё не слышали, хоть и живем давно.

Расул, желая отвести любое возможное подозрение от семьи, задумчиво молвил:

– Сколько времени мы не имели возможности сделать айран...

К счастью, некому было спросить, что за сыр каждый день продавал Расул, ведь в селе никто не знал об этом.

– В мире много удивительного, о чём мы не ведаем. По преданиям народа, вдали от поселений бывают сходы у ведьм. Они там собираются и обсуждают работу каждой по отдельности: кто сколько вреда нанес людям, кто ленился и ничего не сделал. Тех, от кого никакого вреда нет, ругают, дают срок исправления, но если и на следующий шабаш они опять ничего плохого не сделают, то их включают в черный список, выгоняют из содружества ведьм и больше близко не подпускают к себе. А отличившейся плохими делами ведьме вручают дорогую плетку из кийиза и метлу, организуют большой праздник в честь неё. И только потом возвращают в село.

– И что она делает с этой плеткой?

– Плетка из войлока и метла – самые важные атрибуты ведьм. Получить в подарок такую плетку для них гораздо ценнее, чем получить коня с седлом. Метлу и плетку вешают с внутренней стороны дымохода, чтобы огонь не доставал их, а зола постоянно садилась. Зачем это им, мне неизвестно. Вот, знаю, что в нужное время ведьма садится на метлу и вылетает через дымоход, делает свои грязные дела и возвращается обратно...

В тот же день Расул хотел обследовать дымоход, но ему не представилась такая возможность. До самого вечера Дарийхан крутилась над огнем вокруг большого казана. Целый день готовила айран, творог, сыр. Уже вечером Расул заглянул в дымоход, но ничего не обнаружил. Но утром, как только Дарийхан ушла в сарай доить корову, Расул проверил трубу по-настоящему. Одну ногу поставил на нижний камень

очага, голову засунул туда и осмотрел верх. Сначала ничего не заметил, но затем повернул голову направо и наткнулся на завёрнутые в войлочный коврик метлу и плетку. Он не решился взять в руки и рассмотреть поганые вещи, боясь испачкаться и выдать себя, осторожно спустился и отошёл от дымохода.

Чтобы увидеть, как работают эти колдовские предметы, Расул был готов на многое. Отец, словно читая происходящее в душе у сына, быстро поменял бельё, дал поручения мальчику и вернулся на кош.

Вскоре в одну из ночей Дарийхан и Саният вновь отправилась к скале Кызыл-кая. Расул двинулся следом. Сегодня последний пятничный вечер мая. Месяц новой травы, новой жизни природы. С тех пор как Дарийхан отнесла удобрения к скале, прошло больше недели. Женщины шли быстро, скрываясь от чужих глаз, но мальчик крался за ними, не отставая. Когда две тени исчезли за Кызыл-кая, Расул решил срезать дорогу и направился по ложине вверх, чтобы взобраться на скалу. Не привлекая внимания, он осторожно поднялся. Между ними и женщинами было не более тридцати шагов: он – вверху, под скалой – женщины. Их слова отчётливо раздавались в темноте ночи.

Дарийхан и её дочь начали свое дело. По всему было видно, что всё необходимое они подготовили заранее. Два одинаковых камня поставили один против другого. Казанок, который принесли с собой, установили между этими камнями, налили туда немного воды, из своих котомок вытащили сухой березовой коры и развели огонь. Когда пламя разгорелось, их движения стали лучше видны, но также осветились и ближайшие окрестности. Опасаясь, что его заметят, Расул как можно плотнее вжался в камень, не отрывая глаз от Дарийхан. Ведьма всё делала сама, не привлекая к колдовству дочь. Подняв руки и обернувшись на восток, она шипящим голосом начала читать колдовскую молитву, закончив, несколько раз погладила свое лицо руками, бросила в чугунок кожу змеи, подождала, пока варево закипит. Потом осторожно встала на выступ скалы, вытащила из перегнойя яйца и положила их у огня возле своего узелка из ткани.

Время от времени Саният подкидывала дрова, и огонь снова разгорался, освещая всё вокруг. Ведьма тем временем закинула кусок масла в бурлящую смесь, вновь затянула тёмный заговор, разбила и влила яйца в котелок. Затем Дарийхан велела дочери сделать огонь меньше, а сама продолжила колдовать, сняла с костра казан, а оставшиеся поленья понемногу начала кидать в огонь. Ветки сухих кустарников горели ярко, освещая округу. Дарийхан соскребла всё, что находилось в котле, и переложила на плоскую тарелку.

Расул, поняв, что ритуал вот-вот закончится, вышел на дорогу, чтобы раньше них добраться домой незамеченным. Идти было легко, бла-

го, луна щедро освещала поля и дорогу. Добрался до дома, быстренько разделся и, как всегда, залез в свою постель.

Вскоре появилась Дарийхан, тащившая дочь за шиворот, словно кошка пойманную мышь. Они тихо зашли в свою комнату, а Расул до утра лежал, не смыкая глаз и вслушиваясь. Всё было предельно ясно, кончились сомнения, мальчику оставалось лишь увидеть мачеху, летающую по воздуху.

Прошло несколько мучительных дней ожидания. В одну из ночей Дарийхан подошла к печке, достала из-под нижнего камня очага свою плоскую тарелку. Словно осторожный зверь, озираясь по сторонам, взяла с тарелки немного колдовской мази, приготовленной ночью на Кызыл-кае, остаток спрятала обратно. Этой мазью она растёрла ладони обеих рук и лицо. Всё это время Расул внимательно следил за каждым её движением.

Она достала из дымохода плетку и метлу, привычно оседлала её, словно ребенка, который играет с лошадкой из прутьев, размазала на лице сажу. «Плетка моя, коня моего заставь вспениться, конь мой из метлы, лети как орел и доставь меня на собрание, не изменяя мой образ», – скороговоркой проговорив эти слова, Дарийхан несколько раз ударила метлу плёткой. Закружилась, как смерч, сделала несколько кругов по комнате, словно птица в поисках выхода, ударилась о стенку и стремительно улетела через дымоход вверх, в воздух. Расул выбежал на улицу в нижнем белье, не теряя времени на одевание. Но ему не удалось ничего увидеть, кроме холодных звезд в небе, зыбко мерцающих на недосягаемой высоте. А Дарийхан в это время уже летела над Картлыковыми пастбищами, наслаждаясь ощущением полета, вдоволь используя бескрайнее темное небо. Домчавшись до перевала Суурак, зашла с южной стороны скалы Бодурку и повернула на её восточную стену. Она, как ошалевшая от свободы птица, впервые выпорхнувшая из своего гнезда, не спешила приземляться.

Было чему завидовать, и любой позавидовал бы Дарийхан, летящей, как ветер, в отсвете и под благословением новолуния. Расул же был расстроен тем, что не увидел Дарийхан в воздухе, и вернулся домой опечаленным. Он успокаивал себя тем, что увидел, как ведьма вылетает в дымоход. А это ведь немало! Подросток даже не мог понять, чего больше в его ощущениях – захватывающего любопытства или тревоги и страха перед силой колдуньи. Ничего, Бог даст, он еще увидит, как парит в небе Дарийхан.

Беспокойные мысли Расула оборвал странный звук тяжелого предмета, падающего в глубокую бездну. Это Дарийхан залетела обратно домой через дымоход. Она замерла перед очагом, но, убедившись, что никто её не видит, завернула метлу и плетку в войлочный коврик и спрятала обратно.

Утром мачеха светилась от радости. Даже не подумаешь, что это та

самая Дарийхан, которая только вчера собирала перегной в сарае, золу из дымохода, чтобы летать и творить непристойные дела. Она преобразилась вся: изменилась походка, одежда сидела по-другому, манера поведения, эмоциональный настрой. Расул понял причину её настроения: ранее дважды приготовленные колдовские мази не принесли желаемого результата, а теперь у неё получилось. Хоть днем, хоть ночью она может полететь на своей метле, куда захочет.

Её бесконечная радость видна невооруженным глазом, но, к её сожалению, ей не с кем даже поделиться своей радостью, кроме Саният. У Расула тоже настроение странное, как ни удивительно – приподнятое. Да, рядом ведьма, опасность, грозящая и отцу, и ему, но... Разве это не чудо? Пусть даже тёмное чудо! Он не сумел увидеть, как Дарийхан летела в воздухе, но зато стал свидетелем сказочного явления. Если представилась бы возможность, он тоже с удовольствием попробовал бы себя в полете! «Что трудного? Найду метлу и плетку, где находится мазь, знаю. Почему бы не полетать? Надеюсь, Дарийхан не будет вечно сидеть дома, вот тогда возьму плетку, метлу и полетаю хоть разок», – мечтал Расул.

В один из удачных дней, когда Дарийхан и Саният ушли в поле, Расул снял выкройку с плетки, измерил ширину и длину метлы, посчитал каждый пруттик в метле, всё сделал один в один как у Дарийхан. Если он поменяет эти колдовские атрибуты, то вряд ли кто заметит. Расул так понимал, что ему надо подменить плетку и метлу Дарийхан – вряд ли стоит рисковать и пробовать летать на метле, изготовленной своими руками. Улучив момент, он действительно подменил вещи колдуньи и потом несколько раз видел, как Дарийхан без проблем летала на метле, которую смастерил Расул. Таким образом, плетка и метла прошли испытания, но некоторое время Расулу пришлось находиться в коше.

Сам – в коше, а душа – в селе. Парень рвался домой.

Больше всего Расула волновало то, что Дарийхан может найти в дымоходе времянки припрятанные им плетку и метлу. Если она их вдруг найдет, то быть беде.

Как-то Расул пас овец на Песчаном пастбище и заметил двух женщин, идущих в лощине. Он не мог понять, почему они здесь оказались? Ведь малину и бруснику собирать ещё рановато. На этой территории не только сёл, но и кошар нет. Расул заметил идущих женщин, но они за густыми кустарниковыми зарослями не увидели Расула. Когда подошли ближе, то оказалось, что одна из них – Дарийхан, а другая – неизвестно кто. Расул подумал, что, очевидно, они не нашли его в коше, пошли искать на пастбище, и решил выйти к ним навстречу. Однако его одолели сомнения, и он затаился.

Обе женщины прямо тут разделись догола, как новорождённые,

и спрятали свои вещи за большой черной камень. Они обмазали друг друга колдовской мазью, повернулись лицом в сторону восхода солнца, прочитали заклинания, потом начали валяться на песке и превратились в волков. Волки прилегли, осмотрели округу, подавая понемногу голос, переходящий в вой, и начали подкрадываться к овцам. Обычно волки режут без разбора всех подряд, но оборотни выбрали одного валуха, а остальных не тронули. Они разорвали пойманного барана, как орел курицу. Расул растеряно и с ужасом смотрел на происходящее, не зная, как реагировать. «Пусть пропадом пропадет этот баран! Пусть это будет то, что должно убавиться от меня, лишь бы с моим отцом ничего не случилось», – но даже напуганный и обуреваемый такими мыслями Расул решил: подкрался к камню и, схватив одежду ведьм, перепрятал её. «Волки» сделали свое чёрное дело и, довольные собой, прилегли на землю. Повыли, повалялись в песке и опять обернулись людьми. Обе, не одеваясь, собрали в одну кучу лохмотья бараньей шкуры и кости, станцевали вокруг них, что-то прочитали, и баран ожил на глазах Расула. Бедняга даже на своих четырех ногах не мог сохранять равновесие, его заносило, как пьяного, из стороны в сторону, и он еле доковылял до стада. Закончив свои колдовские чёрные дела, женщины подошли к тому месту, где оставили одежду, и тут ударились в панику. Они плакали и причитали, хаотично бегали от камня к камню – здесь их хватало – и, наконец, выйдя из тени деревьев, заметили мальчика.

Видимо, даже ведьме было совестно подойти к пасынку нагой, и, после долгого спора со спутницей, Дарийхан отправила её к Расулу. Та кое-как прикрыла тело листьями и подошла к нему с мольбой, но поначалу он даже не хотел слушать её. Однако после долгих уговоров он немного смягчился и решил отдать одежду с условием, что они выведут из стада заколдованного барана (ирика) и дадут слово, что впредь никогда не ступят на эту землю.

Дарийхан со своей подругой опять начали тягать туда-сюда бедного заколдованного барана, еле вытащили его из стада, так же покружились вокруг него, почитали колдовские заговоры, поплевали на него, и баран, словно масло в горячей сковородке, начал распадаться по суставам, остались кости да лохмотья шкуры. Потом обе женщины руками выкопали яму, сложили а нее останки барана и сверху засыпали песком. Опять та же женщина, низко склонив голову, попросила одежду. Расул отдал, предупредив, что в следующий раз он поступит по-другому. Как только одежда попала в их руки, они даже не стали одеваться, схватили вещи под мышки и побежали вниз по лощине.

Пастухи с трудом поверили рассказу Расула о том, что барана зарезал и утащил волк. Они долго говорили о том, что если серый врывается в стадо, то не ограничивается одним бараном, режет несколько

из них, а часть обязательно ранит. А уж такого большого барана волк наверняка не смог бы далеко утащить. Расул молча слушал их, не проронив ни слова в свое оправдание.

...Наступило время сенокоса. Отец отправил сына домой, чтобы он немного отдохнул и подготовился к работе. Дарийхан, как всегда, встретила парня подчеркнуто радушно, словно не было никакой истории с бараном. Расул тоже сделал вид, что ничего не случилось. Спешно прошёл и посмотрел на свои метлу и плетку. Подросток не мог разобраться в своих чувствах – он даже ощущал зависть к способности Дарийхан летать, как большая птица, как орёл... Нет, летать без взмаха крыльев, без видимого усилия взмывать в небо. И, понимая, что ему не дано делать то, что делает мачеха, он продолжал следить за ней.

Однажды Расул стал случайным свидетелем спора между Дарийхан и Саният:

– Нет, ночью одна не смогу остаться, боюсь.

– Тогда пойдем со мной на собрание. Я познакомлю тебя со своими друзьями. С нами тебе будет веселее.

– Нет, это мне не нужно.

– Тогда на что ты надеешься?

– Надеюсь жить, как мои сельчане, тихо и спокойно.

– Бедная моя девочка, ты считаешь нормальной жизнь людей в этом селе? Вся их жизнь не стоит одного моего полета в открытое небо.

– А те гадости, которые вы делаете?

– Какие гадости?

– Обо всем сразу и не расскажешь, но забыть, промолчать, сделать вид, что ничего не знаю о вашем ежегодном шабаше ведьм, где вы не успокаиваетесь, пока не убьёте одного невинного ребенка! Даже я знаю о ваших бесчисленных убийствах. Это всё мне совсем не нужно. Почему я, юная девушка, должна ночью ходить в лесу, заходить в чужие сараи, воровать? Почему ты меня подвергаешь таким испытаниям? Ты можешь делать со мной что хочешь, но в твои дела, особенно связанные с убийствами, меня не впутывай. Мне лучше самой умереть.

– У-у-у, если в доме есть такая, как ты, даже враг не нужен. Поскорее нашла бы ты своё место, душа моя успокоилась бы, – проворчала Дарийхан, безрассудно проклиная свою дочь.

Расул закашлял, показывая, что он рядом, и подошел к ним, пока дело не зашло далеко. Он старался не встречать между ними. Увидев Расула, Дарийхан сразу изобразила на лице улыбку, начала расхваливать пасынка...

На следующее утро женщина бросила узелок в корзину, взяла Саният, и они направились в своё село. Расул без расспросов догадался о намерениях Дарийхан. «Видит Бог, не смогли они с Саният найти общий язык, а точнее – не смогла её подчинить себе и решила оста-

вить Саняет в селе. Ладно... Нужно подумать, как можно оказаться на шабаше ведьм, чтобы всё увидеть своими глазами. Нужно непременно воспользоваться метлой, иначе мне никак не угнаться за летящей Дарийхан», – размышлял Расул.

На следующий день Дарийхан вернулась домой одна и заявила: «Саняет осталась у тети в селе. Сестра её отца не захотела отпустить её».

– Очень хорошо, хоть немного развеется. Перед тем как я отправлюсь на сенокос, пойдем и приведем обратно.

Дарийхан, проигнорировав его слова, начала заниматься домашней работой. На третий день, словно девушка на выданье, в приподнятом настроении Дарийхан готовилась лететь на шабаш ведьм. Расул же, ссылаясь на усталость, пораньше отправился спать.

Ночью Дарийхан отвалила в сторону камень очага, взяла немного лекарства, завернутого в тряпку, остальное положила на место. Половину того, что взяла, завернула в платочек и спрятала за пазуху. А часть растерла в ладонях и намазала лицо. Дарийхан, словно патроны из патронташа, достала из дымохода метлу и плетку, осторожно осмотрелась вокруг, погладила свою метлу и села на неё, как на коня. Несколько раз провела плеткой по метле: «Плетка моя, коня моего заставь вспениться, конь мой из метлы, лети как орел и доставь меня на собрание, не изменяя мой образ!». Как только произнесла эти слова, её «скакун» дёрнулся, ведьма сделала несколько кругов в середине комнаты и вылетела через дымоход в воздух.

Как только Дарийхан вылетела из дымохода, Расул быстро забрал из времянки свою плетку и вынул метлу из-под камня очага, достал колдовское лекарство, половину намазал на лицо, половину спрятал в карман. Расул, не мешкая, сел на метлу, со всей силы ударил её плеткой и произнес заклинание не хуже Дарийхан: «Плетка моя, коня моего заставь вспениться, конь мой из метлы, лети как орел и доставь меня на собрание, не изменяя мой образ!». Он растерялся от бешеной скорости и слова «не изменяя мой образ» произносил уже внутри дымохода. Расул обтёр на ходу остаток сажи и пролетел сквозь трубу. Он старался не поддаваться паническому страху. Нога закинута на ногу, двумя руками держит метлу, почти не пользуется плеткой. Ветер, дующий в лицо, сдул всю сажу, которая была на нем. Немного успокоившись, парень попытался определить нужное направление полёта, но лишь после того, как над горой Тютю кто-то вдалеке в развевающемся платье обогнал его, он понял, что летит туда, куда и задумал. «Видит Бог, кто бы это ни был, она тоже летит на шабаш. Очевидно, по какой-то причине опоздала и теперь спешит», – понял Расул. К счастью, летящая ведьма не заметила его. Вскоре он заметил ещё несколько неясных фигур, так что справляться о дороге нужды не было.

Когда Расул пролетел через водоем Сылтыран, ещё две ведьмы обогнали его над пастбищами Кудавых. Они летели на такой скорости, что платки с их голов сползли на шею, а волосы развевались на ветру, как конские хвосты. И эти тоже скрылись с глаз. Подросток приземлился у водоема недалеко от местности Мёлюшку. С непривычки Расул замерз, не сразу смог встать и некоторое время лежал, смотрел по сторонам и приходил в себя. Недалеко от этого места горел большой костер, наверное, в качестве маяка для ведьм. Они подлетали к костру и собирались кучей, как вороны на падаль, и совсем не страдали, не дрожали от холода, как Расул. Колдуньи обнимались, веселились вокруг костра, подходили одна к другой. Мальчик спрятался подальше от случайных взглядов. Не обнаруживая себя перед ведьмами, поднялся с северной стороны на верхушку горы. Сверху хорошо видны ведьмы и слышны их разговоры. Дарийхан перевязала плетку и метлу вместе, забросила их на плечо и ведет себя свободно, даже, можно сказать, раскованно. Через некоторое время по приказу старшей веселье прекратилось и наступила полная тишина.

Главная колдунья выразила недовольство ленивыми товарками. А следом похвалила самых успешных вредительниц. Дарийхан была в числе ведьм, отличившихся своими плохими поступками. Старая бевсовка отдельно поблагодарила её за то, что по ночам доила коров и морочила головы людям.

Старшая вела собрание, постепенно повышая голос, говоря всё громче и громче, и закончила свою речь словами:

– Чтобы вы не испытали в своей жизни большего горя, чем слушать меня. Теперь до наступления рассвета продолжим свою вечеринку и разойдемся!

Сразу по окончании её речи две крупные женщины потащили неистово рыдающего маленького трехлетнего ребенка к костру. Кто угодно мог испугаться злых взглядов этих тварей, готовых растерзать жертву. Расул был в панике, но его сейчас заботило только спасение безвинного ребенка от смерти. У него не было времени думать о страхе. Сначала он хотел поднять шум, но вовремя понял, что криками ведьм не испугать. Более того, эти нелюди способны и его самого взять в круг и уничтожить. Времени было мало, а нужно всё обдумать, принять верное решение! Взгляд Расула упал на валун, торчавший на склоне, и его осенила мысль, что можно скатить камень на ведьм и всполошить их. Пока они опомнятся, он постарается выкрасть ребенка и бежать из этого злосчастного места...

Расул подпер плечом огромный камень и толкнул его изо всей силы, камень немного приподнялся и вновь встал на своё место. Попробовал по-другому, спиной уперся в соседний камень и сильно толкнул ногами. Камень удалось приподнять вверх, он опрокинулся в сторону и по-

катился кубарем, задевая другие камни, высекая из них разлетающиеся во все стороны искры, распространяя запах битых камней. Этот неожиданный камнепад обрушился прямо на горевший костёр, а из него на ведьм разлетались недогоревшие поленья, зола, угли, нагоняя страх и ужас даже на них.

Ведьмы сломя голову побежали в разные стороны, спасая свои шкуры. Дитя сидело у края костра, съёжившись от страха. Расул, используя переполох, схватил его, прижал к груди и скрылся в темноте. Ребёнок, поняв, что к нему подоспела помощь, вёл себя смирно. Тем более, Расул старался успокоить его: «Не бойся, я тебя никому не отдам! Бог даст, верну тебя матери и отцу!».

Ребенок, услышав ласковые слова, крепко обнял Расула за шею, и они помчались вниз по склону. Страх придал парню силы – он спотыкался, но не падал, кто бы ни погнался за ним, вряд ли догнал бы. Он не знал дороги, бежал в темноте, куда ноги несли, мчался, интуитивно перепрыгивая и оставляя позади встречающиеся на пути деревья и камни. Ребенок не капризничал, словно понимал, что лучше оказаться подальше от этого злосчастного места, чем останавливаться и отдыхать. Расул вырвался из леса и дошел до слияния Жайлык и Мёлюшкю. Бежать дальше сил не было, дыхания не хватало, парень решил немного передохнуть. Он остановился и внимательно осмотрелся. Убедился, что их никто не преследует. Зато услышал учащенный стук своего сердца. Они скрылись за белыми камнями, напоминающими снежный ковер.

Ведьмы начали расходиться, сильно встревоженные и взволнованные случившимся. Желая добраться до своих сел до рассвета, они торопливо взлетали в воздух по одной, словно испуганные вороны. Да уж, их шабаш начинался довольно весело, а прощание было неожиданно пугающим. Расул вдалеке увидел двоих улетающих в сторону горы Коргашин. Испугавшись, что его заметят с высоты, он прижал ребенка к себе и лег на землю. Остаток ночи они провели там, под ветвями низких приречных деревьев.

Рассвет весело заявил о себе пением птиц, утренним свежим ветерком, теплым проблеском солнечных лучей. Расул вспомнил, что его лицо измазано золой, и спустился к речке, оставив ребенка спать, но не успел он умыться, как тот тоже пришел следом, заглянул в лицо Расулу, словно спрашивая: «А я?»

Всё было понятно без слов. Напоил водой, аккуратно помыл личико, глаза, покрасневшие от слез. Поднимаясь по берегу реки, Расул взял ребенка на руки, поцеловал его в щеку и спросил: «Как зовут тебя?» Мальчик внимательно посмотрел на Расула и охрипшим от долгого плача грустным голосом ответил: «Хамит».

Вместе с рассветом оба направились по берегу реки вниз. Хамит

на ровном месте шёл пешком самостоятельно, если по дороге попадались ягоды – малина, ежевика, то Расул срывал для него. Так они дошли до впадения Мюлюшгю в Чегем. Дальше ориентировались по следам скотины, которые привели их к кошаре.

Погода стояла ясная, дым, выходящий из дымохода, не сразу рассеивался, он сначала немного поднимался к небу, только потом растворялся в воздухе. Расул несказанно обрадовался дымному ветерку и уверенно зашагал в сторону коша, держа ребенка на руках. Их лаем встретили две лохматые собаки, навстречу вышел высокий мужчина крепкого телосложения в кожаной безрукавке нараспашку. Он прикрикнул на собак и направился к неожиданным гостям. После приветствия пастух любезно пригласил их внутрь: «Добро пожаловать, будьте нашими гостями, славные джигиты! Мое имя Жарахмат, я из села Суузузла».

Расул назвал себя и маленького Хамита.

Если бы Жарахмат не сказал, что он живет в Суузузла, Расул не поверил бы, что он оказался в Чегемском ущелье.

Как только закончили трапезу, Жарахмат взял в руки посох и сказал: «Вы теперь немного отдохните, а я посмотрю за скотиной и приду». Расул вскочил с места: «Спасибо. Некогда нам задерживаться. Лучше покажите, пожалуйста, нам дорогу в сторону Басхана, и мы потихонечку отправимся в путь».

Жарахмат понял, что Расул настроен решительно. В белый бязевый мешочек положил сыр, хлеб в дорогу, оглядел их с ног до головы, словно только что увидел гостей: «Даже не думай о том, что ты уйдешь через перевал напрямую в Басхан с маленьким ребенком. Советую пойти вниз по берегу реки и выйти в село, в котором живу я. Там любой человек от мала до велика тебе покажет дом Жарахмата – мой дом. Скажешь, что я вас отправил. Наши найдут вам попутчика и отправят либо на коне, либо пешком до Басхана».

Расул, как посоветовал Жарахмат, шел по берегу реки, неся Хамита на руках. Временами Хамит изъявлял желание идти пешком. Так они добрались до села и переночевали в доме Жарахмата.

Утром нашелся попутчик, который помог перевалить им через Актотпак. К вечеру они уже были в Былыме. Вновь заночевали. Хамит всех сторонился и крепко держал за руку Расула, словно боялся потеряться. Утром отправились в Гирхожан на попутной арбе. К счастью, в этом селе жила тетя Расула, сестра матери. Ханий так обрадовалась неожиданным гостям, что даже прослезилась. Она обнимала, плакала, смеялась и снова обнимала своего племянника. После всех расспросов Ханий обратила внимание на Хамита: «Расул, сынок, что это за мальчик с тобой?».

– В Чымасе встретил его, играющего на берегу реки Басхан, – сказал Расул, прижимаясь к тёте. Ханий забеспокоилась.

– Тоба, тоба, лучше бы я умерла. Это ребенок кого-то из наших. Родители, наверное, беспокоятся. Нужно немедленно найти их.

«Тётю получилось обмануть, а как спастись от Дарийхан?» – подумал Расул. На ум пришло: «Если с Ханий договорюсь, то и от Дарийхан избавлюсь», – и ласково, по-домашнему обратился к Ханий:

– Абака, я у тебя хочу попросить...

– Проси, свет моих очей, моя душа, если это будет в моих силах, я тебе никогда не откажу.

– В эти два дня меня кто-нибудь искал?

– Нет. Почему спрашиваешь? Что случилось? Я ничего не могу понять из того, что ты говоришь.

– Аба, меня дома не было три дня. Сейчас я не смогу тебе сказать, где был. Только не думай, что я причинил кому-нибудь горе или сделал что-то плохое. Аба, прошу тебя, за меня не беспокойся. То, что я сказал о ребенке, ложь. Ребенка я нашел не в Чылмасде, а в другом месте. Два дня мы пережидали в Чегеме. Сегодня-завтра Дарийхан придёт сюда искать меня. Ты скажи ей, пожалуйста, что ты вызывала меня по срочному делу. Ребенка оставлю у тебя здесь. Если спросят, кто это, отвечай так, как я тебе сказал. Прошу тебя, меня не выдавай.

Ханий посмотрела в глаза Расулу ласково, но с удивлением:

– Кому какое дело, где ты находишься? Доверься мне, даже если мой отец Сейит с того света встанет и спросит, не прибавлю ни одного слова к тому, что ты посоветовал.

Расул и Ханий договорились. Пока Хамит играл с другими детьми, Расул потихонечку ушел.

В тот же день Расул вернулся в село. Дарийхан, как всегда, начала бегать вокруг него: «Расул, солнце мое, где ты пропадаешь целых три дня? Я так переживала за тебя, что, наверное, потеряла три года жизни. Никому не сказал, куда идешь. Вышел ночью и ушел. Разве так можно? Я думала, что ты в коше. И там тебя не было. Бедный твой отец, наверное, сходит с ума от переживаний. Ему нужно сообщить, что ты уже дома».

Расул понял, что Дарийхан ничего не знает о Ханий:

– Прости, Аба срочно вызвала меня, я не стал тебя будить рано утром. Думал, что вернусь в тот же день.

Больше Дарийхан ничего не спросила.

Несмотря на то, что Расул сильно устал, он сам посмотрел вечером скотину. До наступления темноты он управился с домашними делами. И уже когда начали зажигаться звёзды, случилось это. Навстречу ему из сарая вышел красный петух. Птица припала к земле, встопорщила перья, угрожающе заскребла землю когтями. Расул отгоняет его от себя, а он нападает, прыгает на подростка. Разозлившись, парень поставил ведра в сторону и хотел поймать петуха, но тот перелетел за плетень. Раздосадованный Расул вдогонку бросил палку в него. Палка

не попала в петуха, ударилась об забор и отскочила в сторону, птица залетела на крышу сарая, присела и обернулась человеком. Коренастый и краснорожий, он громоподобно захохотал, спрыгнул вниз и скрылся в темноте сарая.

У Расула волосы встали дыбом, мальчик весь напрягся и подумал, что всё самое интересное ещё впереди. Когда Расул уходил в сарай, Дарийхан оставалась дома, а когда вернулся – её не было. Должно быть, это мачеха приняла облик петуха и затем мужчины, но парень не до конца верил своим догадкам, поэтому искал её дома. Её там не было. Он сел во дворе на камень и задумался. Расулу показалось, что он сходит с ума. Даже одной колдовской выходки Дарийхан хватит на всю жизнь обычному человеку. Ну, раз она так открыто выказала перед ним свою бесовскую сущность, может, решила покинуть их, может, больше не покажется на глаза? Но, издеваясь над его надеждами, мачеха-ведьма выскочила как черт из табакерки, Расул аж задохнулся от её неожиданного появления невесты откуда:

– Расул, душа моя, почему домой не заходишь? В последнее время избегаешь меня почему-то, перестал, как раньше, разговаривать со мной.

– Устал, душа не расположена к разговорам.

– Неудивительно, что устаешь.

Показать свой страх? Нет! Они зашли в дом и зажгли лампу. У Расула не было желания ужинать, выпил немного айрана, лег на топчан, не раздеваясь, и внезапно для себя уснул. В тот вечер он чуть не задохнулся во сне, проснулся в холодном поту и до утра не смог сомкнуть глаза. Утром, после того как закончил со скотиной, взял тулуп отца и пошел отдыхать на сеновал. Тулуп постелил на теневой стороне, подальше от солнца. Начал засыпать, но сон Расула отогнал странный шум, похожий на взмах крыльев летящей птицы. Посмотрел по сторонам, но ничего не заметил. Снова начал засыпать, но из дальнего угла сарая донесся рев быка и ещё какие-то непонятные звуки. Расулу так и не удалось отдохнуть.

Вечером настороженный Расул готов был к любым пакостям, но, слава Богу, ничего не произошло.

Дарийхан быстро накрыла стол, и, хотя мальчика неудержимо клонило ко сну, он сел и поел вдоволь. Дарийхан опять завела свою непонятно льстивую шарманку, словно за все эти дни ничего и не случилось: «Расул, заболел, что ли, почему не кушаешь? На тебе лица нет».

– Спасибо, всё хорошо, – но про себя он подумал, что в поведении мачехи прослеживается своя недобрая цель. Во что превратилась его жизнь! Покоя нет ни днём, ни ночью. Даже железо не выдержит выходок ведьмы, и надо на что-то решаться, если только он не хочет сойти с ума.

Очередная ночь снова прошла в тяжких кошмарах – в какой-то момент непонятное существо навалилось на него и начало давить на глотку. Сколько ни старался Расул, не мог выдавить из себя какой-либо звук

и оказать сопротивление. Тело словно онемело, он не мог двинуть ни ногами, ни руками. Понемногу он освободился от тяжелого груза. У парня восстановилось дыхание. Ему вновь не удалось поспать. Но это всё, по крайней мере, было уже знакомой угрозой. Ведьму, лишаящую дыхания и сна, называют бастырык, и народ знает, как с ней бороться. Знал и Расул.

Дарийхан с утра направилась в Гирхожан. Какие бы причины она ни придумала, мальчик знал, что самое главное для неё – встретиться с Ханией, чтобы выяснить, где эти два-три дня пропал пасынок. Он беспокоился, что она ненароком увидит Хамита и узнает его. А в том, что Ханией ни за что и никогда его не выдаст, он несколько не сомневался...

Как только Дарийхан направилась вниз, Расул закрыл дверь на замки и ушел спать. Спал без приключений.

Судя по тому, что Дарийхан вернулась без настроения, она ничего не узнала. После ужина Расул положил под подушку нож и лег спать.

Ночью Расул с трудом прогнал навязчивый сон. Со стороны комнаты Дарийхан доносился странный шум. Но он даже не успел понять, в чём дело – дверь приоткрылась и в комнату ввалился тёмный силуэт. Какое-то волосатое существо надвигалось прямо на Расула. Он притих так, что слышал стук собственного сердца, которое словно собиралось выскочить из груди. Терпение. Только терпение и выдержка! Надвигающаяся фигура приблизилась, вскочила на топчан, на котором лежал Расул. Глаза чудища сверкали, как масляные лампы, оно потихоньку начало залезать на Расула. Расул незаметно взял из-под подушки нож, руки положил поверх одеяла, спрятав клинок вдоль предплечья и, сжав зубы, ждал. Существо, теперь напоминавшее крупную кошку, залезла ему на грудь.

И здесь Расул схватил «кошку» правой рукой за шею и что есть силы сжал её горло, сжал, держа на весу. «Кошка» не могла ни двигаться, ни царапаться, ни мяукать, просто висела, как старая тряпка. В таком положении мальчик вынес её во двор. Под лунным светом ничего не было видно, кроме высунутого языка чёрной, точно зола, «кошки». Теперь в её глазах не было прежнего блеска, прежней прыти. Обычно по мере наступления рассвета блеск звезд мутнеет. Гаснет и любая колдовская сила. Так и тут. Расул, довольный собой, приподнял «кошку» и провел по её языку отточенным ножом. «Кошка» дёрнулась, задрожала ногами и, внезапно обвиснув в руке, крупно задрожала. Расул решил, что дело сделано. «Иди теперь, куда хочешь», – с этими словами он бросил раненое существо во двор на камень и зашел в дом.

Под утро Расул так крепко уснул, что встал позже обычного. Коровы и телята мычали, требуя каждодневного ухода. Но ещё перед утренним умыванием Расул решил узнать о состоянии «кошки». На камне

– сгустки крови. Еле заметные капли ведут во времянку. Дверь в летнюю кухню открыта настежь, на ступеньках тоже сгустки крови. Расул быстро зашел во времянку, там на топчане без признаков жизни лежала Дарийхан. На обращение Расула она не реагировала. Расул еле-еле перевернул её и отшатнулся. И врагу не желают такого. Рот женщины был полон чёрной стылой крови, шея вспухла и посинела, судя по всему, Дарийхан находилась на последнем издыхании.

Расул не знал, что делать, и с воплем выбежал на улицу. На его крик собралась вся улица. Народ так растерялся, что никто ничего не мог понять. Юсуп-эфенди пришел, прочитал молитвы, поплевал вокруг Дарийхан. «Судьба! Здесь мы ни лекарством, ни молитвами не сможем помочь ей. Лучше не мучить, пусть найдет свое место», – сказал и ушел.

Собрались близкие и дальние родственники. Три дня и три ночи они дежурили возле Дарийхан. Она и не умирала, и не выздоравливала. Саният плакала во весь голос. «Нет, нет! Не возьму! Мне это не нужно!» – говорила и выбегала на улицу, потом вновь заходила в комнату, где мучилась её мать. Родственники в недоумении смотрели на девочку, ничего не отвечающую на расспросы тёток. Это поведение Саният сильно насторожило близких умирающей, они посоветовались и один из них пошел к Юсупу-эфенди. Эфенди, уже давно понявший, в чём дело, ответил ему весьма обтекаемо: «Этот человек обладает знаниями. Она знахарка. Её знаниям нельзя уйти вместе с ней. А у неё ближе дочери никого нет. Как вы видите, дочь не желает перенимать её знания. Поэтому Дарийхан мучается и не может умереть».

Родственники, услышавшие от эфенди эти слова, объединились и начали уговаривать дочь. Но Саният об этом даже слышать не хотела. Одна из ближайших сестёр Дарийхан, проклиная Саният, кричала на неё: «Чтобы тебе пусто стало, чтобы твой очаг погас, как ты смеешь так мучить свою мать? Как можешь ты не выполнить её последнюю просьбу?»

То, что сказал Юсуп-эфенди, никто не понял, кроме Расула и Саният. Если бы Саният открыто сказала всему народу: «Люди, моя мама – ведьма и меня хочет сделать ведьмой», – они, конечно же, так не настаивали бы. Расул не мог защитить Саният. Собравшиеся люди так напирали, так заставляли юную девушку забрать материнские знания и дать Дарийхан умереть спокойно, что Саният была вынуждена покинуть село, оставив мать в предсмертных муках. Горько плача, она ушла в тот аул, откуда сравнительно недавно привёз их Хамзат. После ухода дочери Дарийхан мучилась ещё один день и одну ночь. Но даже когда Саният сообщили о смерти матери, она не вернулась обратно.

На второй день, после того как Дарийхан похоронили, Расул проснулся в страхе. «Убийца, вставай, что лежишь? Не надо было меня так мучить, лучше зарезал бы, напился бы моей крови, сколько хочешь»,

– доносился голос как будто из глубины погребя. Расул встал, посмотрел по сторонам, но ничего не заметил. Только засыпает, опять этот голос. Так продолжалось до самого утра. А утром Расул пошел к Юсупу-эфенди и рассказал ему всё, с того момента, как Дарийхан пришла в их дом и до момента её смерти. Эфенди затряс головой: «Астофируллах, как ты с ума не сошел? Какое у тебя сильное сердце! Иди домой, искупайся, приведи себя в порядок, пойдем на кладбище».

Ночью, когда село успокоилось и все сидели по своим домам, Юсуп-эфенди и Расул пошли на кладбище. Как только они приблизились к свежей могиле, оттуда выбралась Дарийхан и двинулась на них. Она шла, чуть покачиваясь, из стороны в сторону, словно невесомая. При виде её эфенди сразу принялся читать священную книгу, которая умещалась в ладони. Какое-то время ничего не происходило, лишь ведьма слегка покачивалась поодаль от Расула и эфенди, но затем она переплыла к могиле и вдруг вспыхнула. Чем громче и быстрее читал эфенди, тем быстрее горело тело, и к рассвету Дарийхан полностью сгорела, превратившись в скудную горстку пепла. Край неба над горами зазолотился, Юсуп перестал читать, и откуда-то зашелестел свежий ветерок. Он дул всё сильнее и сильнее, начал закручиваться, постепенно превратился в смерч, стремительно поднявший золу вверх и просыпавший её оттуда невесомой и совсем уж незаметной пылью.

Юсуп-эфенди и Расул прочитали дуа и уже с солнцем вернулись в село.

Перевод с балкарского Ларисы Ахатовой

Саадула Галиевич Кануков (1927–1987) родился в с. Кызбурун-3 (Дыгулыбгей) КБР. Творческий путь начал рано: еще подростком писал стихи, в 1940-х годах они появлялись в республиканских газетах. Прозу стал писать в более зрелом возрасте. В 1960-х публиковал рассказы и отрывки из повестей в журнале «Ошхамахо», в газете «Ленин гъуэгу». Читателям запомнилась автобиографическая повесть «Неудержимое стремление», опубликованная в 1963 г.

Писатель работал над романом «По следам отца» («Адэм и лъэужь») и практически завершил его. Большое историческое полотно о первых послереволюционных годах в Кабарде и Балкарии с узнаваемыми героями, неоднозначными личностями и идеями существует пока в двух объемных томах, переплетенных типографским способом. Надеемся, что произведение дождет своего часа. Недописанным остался роман «Аушигер».

Роман под названием «Ленинград къикIа хъыджэбз» («Девушка из Ленинграда») вышел в свет в 1970 году сначала на кабардинском языке в издательстве «Эльбрус», а затем на русском языке в Москве, в издательстве «Детская литература». Сказать, что русский перевод не устроил автора, значит ничего не сказать. Произведение было сильно сокращено и практически переписано под детского читателя. Изменена сюжетная линия, опущены целые эпизоды, совсем иначе выписаны герои.

Стараниями детей писателя, а именно по инициативе его дочери, известного писателя и драматурга Зарины Кануковой, книга вернулась к читателю в 2022 году в той же последовательности – сначала на кабардинском языке, потом в переводе на русский. На этот раз без сокращений и искажений.

Отрывки из романа в переводе Ларисы Маремкуловой мы предлагаем вниманию читателя.

ДЕВУШКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Главы из романа

Первые дни войны

Папа ушел на фронт в первые дни войны. Мама была среди тех, кто возводил оборонительные укрепления. Приходила с работы обессиленная. С каждым днем Ирина выглядела все хуже, изможденное лицо пугало восковой бледностью, не было в нем прежних живости и улыбочивости.

Бомбы все чаще падали на город. Ирина определила свекровь с детьми в бомбоубежище, однако материнское сердце все равно не знало покоя. Бомбежки постоянно сотрясали город. Погибших едва успевали хоронить.

Началась эвакуация. Вскоре и семья Дмитриевых отправилась в путь, захватив лишь самое необходимое из вещей и продовольствия. Поезд, битком набитый беженцами, шел на юг. Люди в душных вагонах задыхались от недостатка воздуха и воды. Но это еще полбеды, у всех мысли были заняты одним: только бы проскочить, не угодить под вражеские бомбы.

Но это оказалось неизбежным. На подступах к Харькову сквозь легкую облачность вынырнули самолеты с крестами и обрушили на состав бомбы. Обезумевшие от ужаса люди прыгали из вагонов под откос, пытались спастись от смертоносного града в каждой ложбинке бескрайней степи. После бомбометания начался обстрел. Пулеметы безжалостно косили бегущих. Вой вражеских моторов смешался с криками и стонами людей. Вагоны пылали. Бабушка с Колей лежали под откосом неподалеку от железной дороги.

Чуть поодаль – Рая с мамой. Они боялись поднять голову, пули сыпались градом.

Сделав свое черное дело, самолеты улетели. Плач и стоны стояли над степью. Выжившие понемногу поднимались с земли. Только Ирина оставалась недвижима.

Рая подняла голову и окликнула:

– Мама, мамочка, почему ты не встаешь? Смотри, самолеты улетели. . .

Но мать не подавала голоса и не шевелилась.

– Мамочка, вставай, бабушка с Колей уже встали! – Девочка осторожно коснулась ее лба. Голова накренилась набок и осталась неподвижной. На виске застывал ручеек крови. В голубых глазах не было жизни. Рая в ужасе закричала: – Мама! Бабушка-а-а!

Подбежали бабушка с Колей. Взглянув на бездыханную невестку, бабушка заголосила:

– Горе мне, что же теперь делать нам!

Так же причитая, она закрыла Ирине глаза и трясущимися руками выпрямила начавшее коченеть тело.

Прижала к груди заходившихся горьким плачем детей... Весь день и всю ночь просидели они возле тела Ирины. Наутро увидели, что степь усеяна свежими холмиками, над каждым оплакивали погибших родных.

Что делать? Бабушка с Раей выкопали могилку и предали тело земле. Рая смотрела в одну точку, не мигая, и все не могла уразуметь: как это – больше не увидеть маму? Никогда не услышать ее голос, не обнять ее...

Девочка легла на холмик, обняла его ручками, заголосила не по-детски:

– Мамочка, мамочка моя!

Маленький Коля совсем охрип от плача, глазки опухли от слез. Бабушка с трудом подняла внучку, прижала к себе детей:

– Что же делать, милые мои... Мы не сможем вернуть ее. На все воля Божья. Надо идти. Все уже уходит. Нам лучше не отставать.

Беженцы скорбной процессией брели пустынной степью. Казалось, пути не будет конца. У всех кончалась еда, люди еле передвигали ноги от усталости и голода. Раиса Николаевна резко сдала за эти дни, осунулась и шла из последних сил. Двенадцатилетняя Рая, резко повзрослевшая за эти дни, не могла не заметить перемены в бабушке, старалась поддержать ее и сама несла уцелевшие вещи.

К вечеру добрались до Харькова. Город кишел беженцами. Люди металась по улицам в поисках пристанища. Только и было разговоров, что о войне да о том, куда податься дальше. Кто-то говорил, что надо ехать за Урал, в Сибирь, а кто-то убеждал, что на Кавказе безопасно.

Бабушка с внуками притулились у стены дома немного в стороне от плотной толпы. Только теперь Раиса Николаевна ощутила, как сильно ломит все тело. Рая разложила вещи и усадила на них бабушку и братика. Сбегала за водой, отрезала два ломтя от последней буханки, после долгих усилий открыла банку консервов и поставила перед ними.

– Вот, перекусите немного, отдохайте, – сказала она так, словно была здесь самой старшей. – Ты мне деньги дай, бабушка, пойду займу очередь за билетами.

– Ты бы поела, моя девочка, с утра ведь маковой росинки во рту не было.

– Ничего, я потом...

Рая взяла деньги и ушла. Ее не было допоздна. Раиса Николаевна извелась: спящего на тюках малыша не оставишь одного, да и где искать внучку? Наконец внучка появилась.

– Как же ты долго, милая! Купила?

– Нет, бабушка. Очередь даже с места не сдвинулась. Говорят, билеты будут продавать, когда состав подадут. Нет пока поездов. А ты почему сидишь? Прилегла бы немного, отдохнула.

– Ну вот же я, сижу, отдыхаю. Теперь ты посиди, а я схожу, в очереди постою, а то прозеваем все на свете. – Бабушка встала на ноги, но тут же схватилась за стенку и села – голова закружилась.

– Нет, бабушка, нет! – Рая испуганно схватила ее за руку и осторожно уложила на тюк с вещами. – Да ты горишь вся! Бабушка, ты заболела!

– Ничего, просто нездоровится немного. Устала, вот и все, – махнула рукой Раиса Николаевна.

Что же теперь делать? Мысли девочки метались в панике. Наконец она решилась:

– Нет, так нельзя сидеть. Я пойду и поищу врача.

Бабушка только слабо покачала головой, но ничего не смогла возразить.

Девочка с плачем бегала между людьми, спрашивая, нет ли среди них доктора. А может, лекарства есть у кого-нибудь?

Не найдя ни доктора, ни лекарств, заплаканная Рая вернулась к родным.

Коля все так же мирно спал, бабушка лежала, прикрыв глаза.

– Бабушка... тебе не лучше? – Девочка потрогала пылающий лоб.

– Лучше, солнышко, немного полегчало. Вот возьми платок да намочи его.

Рая побежала к крану, намочила платок под холодной струей и положила на пылающий лоб больной.

Снова побежала к вокзалу. Отойдя подальше от родных, дала волю слезам и снова стала бегать с причитаниями: «Есть здесь доктор? Моя бабушка умирает!»

– Девочка, не надо так убиваться, – раздался рядом мужской голос. – Что у тебя случилось? Что с бабушкой?

Она подняла голову и увидела мужчину в военной форме.

– Моя бабушка очень больна. Ей доктор нужен, а я найти не могу. Она вон там лежит.

– Ну, успокойся, не плачь. Сейчас посмотрим твою бабушку. Как зовут тебя?

– Рая.

– Красивое имя. А меня – дядя Мажид.

Рая побежала вперед, все так же всхлипывая, военный за ней.

Осмотрев больную, Мажид достал из солдатской сумки какие-то лекарства:

– Вот эти две таблетки примите сейчас, на ночь. Потом по три раза в день. Должно помочь. Ну, держитесь, не падайте духом.

Успокоив немного женщину и детей, военный удалился. Рая пристроилась рядом со спящим Колей и взяла свой ломоть хлеба и остатки консервов. Перекусила немного и заснула, зажав в кулачке недоеденный хлеб... В рассветных сумерках девочка пробудилась как от толчка, и первая мысль была: билеты! Надо бежать, а то очередь пройдет! Дернулась было, но встать не смогла. Снова рухнула на тюк и заснула.

Было уже совсем светло, когда она проснулась.

– Мама! Мамочка, надо торопиться, опоздаем! – с закрытыми глазами пролепетала девочка.

Бабушка положила руку ей на плечо:

– Что ты, душа моя, куда торопиться?

Рая окончательно проснулась:

– Так за билетами, бабушка. Очередь же.

Сорвалась с места и побежала к вокзалу. И что же? Очередь не сдвинулась ни на шаг. Только вчерашней суеты уже не было. Сон смотрел уставших людей, и они дремали, кто сидя, кто прислонившись к стене вокзала. С трудом Рая отыскала свое место в очереди...

Прошел день, второй. Люди продолжали томиться на вокзале. Все прибывающие поезда шли на фронт. И ни одного не было для эвакуации беженцев.

Бабушке немного полегчало, но она все еще чувствовала себя разбитой. Третий день она ничего не ела, только воду пила. Скудные припасы подошли к концу, и дети ослабли от голода. Рая стойко держалась, приносила воду, потом шла к вокзальной кассе. Но там ничего не менялось. И еду надо было добыть, а то с голодом шутки плохи. На руках у девочки больная бабушка и малолетний брат.

Она усадила Колю поудобнее, велела никуда не уходить и снова пошла к вокзалу. Прошла через сквозные двери и очутилась на городской улице. Всюду сновал народ. На незнакомую девочку никто не обращал внимания, все были погружены в свои невеселые думы. Что делать? Стоять с протянутой рукой, как рассказывала когда-то бабушка? Но это же стыдно. Она пошла вдоль по улице, пошатываясь от слабости, и остановилась возле приоткрытых дверей столовой, из-за которых шел вкусный запах еды.

Рая шумно сглотнула. Может, зайти? Вдруг кто-нибудь угостит ее или поделится? Она стояла в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, но так и не смогла подняться по ступенькам и пошла дальше. Но как она вернется к своим с пустыми руками?..

– Раечка, что ты здесь делаешь? – раздался рядом мужской голос.

Это оказался Мажид, тот самый добрый военный доктор, который спас бабушку.

– О, дядя Мажид! – радости девочки не было предела.

– Что ты здесь делаешь? – повторил он.

Рая не смогла ответить и расплакалась. Мужчина не стал больше спрашивать, только погладил ее по голове, взял под руку и повел с собой. Он не мог не видеть, как сильно исхудала девочка за эти дни. Личико осунулось, синие тени под глазами говорили обо всем без слов.

Мажид взял на раздаче талоны на питание и повел ее с собой в солдатскую столовую. Он наблюдал за девочкой и отводил глаза, когда она потихоньку откладывала часть своей порции в холщовый мешочек.

Потом вышли на улицу, и Маждид взял в солдатской пекарне буханку хлеба, которую Рая тут же радостно спрятала в свой мешок.

Теперь она ожила, повеселела. Шла, прижимая к груди заветный мешочек с едой, предвкушая, как обрадует бабушку и братика.

Когда они дошли, бабушки на месте не оказалось, а Коля сидел и громко плакал.

Рая кинулась к нему:

– Коля, Коля, не плачь, маленький, я здесь, с тобой, вот покушать тебе принесла. А где бабушка?.. Вот хлебушек у нас есть, смотри, и еды немного...

Она стала выкладывать припасы из мешка, но Маждид остановил ее:

– Погоди, давно Коля не ел?

– Да уж с позавчера...

Мужчина достал из своей перекидной сумки лекарство в виде порошка, развел его водой и дал малышу. Только после этого позволил покормить его.

– Вы пока не уйдете? Я за бабушкой сбегая, она у кассы должна быть.

Он кивнул, и девочка убежала. Вскоре вернулась вместе с бабушкой.

– Здравствуйте, Раиса Николаевна, – приветствовал ее Маждид. – Ну, теперь вы получше выглядите.

– Спасибо, сынок, все благодаря вам. Нам никогда не отплатить вам за доброту. Рая вот рассказала, как вы снова нас выручили, у меня даже слов нет.

– Ну что вы, не стоит. Мы же люди, помогать должны друг другу.

Рая с благодарностью посмотрела на него. Этот дядя очень напоминал ей отца. В единственном письме, которое они успели получить с фронта, он просил их не тревожиться, обещал, что скоро врага разобьют и они снова будут вместе. Дядю Маждида, наверно, тоже ждут дома дети. Может, он думает о своих родных и потому заботится о них, случайных встречных. Нет, не потому. Просто он очень добрый человек.

Голос Маждида вывел ее из задумчивости:

– А дальше куда, Раиса Николаевна?

– Ой, не знаю. Поначалу везли нас на Кавказ, но поезд разбомбили, теперь вот ждем, сами не знаем чего.

– Боюсь, ждать придется долго. Сейчас вся железная дорога работает для фронта... Вы отдохайте, а я попробую что-нибудь узнать.

Мажид растворился в толпе у вокзала.

Рая уговорила бабушку поесть, та поклевала совсем немножко, остатки бережно сложила обратно в мешочек.

Дождаться Мажида они не успели. Над городом раздался леденящий душу вой сирен воздушной тревоги. Народ заметался в поисках убежища или укромного уголка. Не прошло и пары минут, как появились самолеты с крестами.

Подхватив свои пожитки, Раиса Николаевна с детьми побежали в ту сторону, где, по сообщениям, находилось бомбоубежище и куда ринулась вся привокзальная толпа.

Кругом рвутся бомбы, зенитки стреляют по самолетам врага. Подросел Мажид и заметил бегущую Раю. Бабушки и брата с ней не было. Видно, в панике смешались с толпой и потеряли друг друга... Рая очнулась в незнакомой комнате. Сильно болела голова, глаза закрывались сами собой, подступала тошнота. Преодолевая слабость, она встала и подошла к окну, посмотрела на улицу. Где она? Где бабушка и Коля?

Тихо открылась дверь, зашел Мажид.

– А, проснулась? Вот и хорошо.

Рая бросилась к нему с плачем:

– Дядя Мажид, что с моей бабушкой и братом?

– Рая, Раечка, ты чего так испугалась? Нормально с ними все. Просто... в толпе вы потеряли друг друга. Найдутся, обязательно найдутся.

Он не мог сказать девочке, что нашел ее во время бомбежки без сознания, а найти Раису Николаевну и Колю пока не удалось. И что сама Рая, придя в себя, ничего не помнила, только бормотала что-то и причитала, так что ему пришлось сделать ей укол.

– Бабушка! Коля! – зарыдала девочка в голос.

– Рая, возьми себя в руки, прошу тебя. Мы их обязательно найдем. Я объявление дал в вокзальном радиоузле, они сообщают по радио, что с тобой все в порядке, и чтобы они ждали нас в кабинете начальника вокзала. А теперь умойся и поешь.

– Я не буду есть без бабушки и Коли!

– Нет, надо поесть обязательно. Сейчас чуть наберешься сил – и пойдем с тобой на вокзал.

Всю ночь Раису Николаевну трясло от тревоги и страха за детей. На рассвете, услышав объявление про Раю, она воспрянула духом, схватила вещи и поспешила к зданию вокзала. Пристроилась у двери начальника и стала ждать его прихода. А тот и не уходил никуда, все

эти дни он находился на путях и пытался отправить по назначению скопившиеся на станции эшелоны. А назначение было у всех одно – на фронт.

Раиса Николаевна была уверена, что Коля и Рая вместе, и терпеливо ждала, немного успокоившись.

Ранним утром Рая с Мажидом отправились к вокзалу. Девочка побежала вперед, туда, где они раньше сидели все вместе. Пусто. Тогда она забежала в здание и стала всматриваться в спящих вповалку беженцев. Страх и нетерпение застигли ей глаза, и она не сразу разглядела сидящую возле двери кабинета бабушку.

Зато Раиса Николаевна сразу ее увидела:

– Рая, девочка моя милая, я здесь! – Пожилая женщина попыталась встать, но усталость вперемешку с радостью лишили ее сил, и она снова села.

– Бабушка! – Рая с плачем подбежала к ней и бросилась на шею. Раиса Николаевна тоже плакала от радости и гладила внучку по головке, по худеньким плечам. Но вдруг что-то холодное кольнуло ее в сердце.

– А где Коля? Где мой мальчик, почему не с тобой?

– Бабушка... но ведь он с тобой был... Разве нет?

– Нет, милая, он с тобой был, я вещи несла...

– А я... меня сбили с ног в толпе... не помню больше ничего.

– Так и было, – отозвался Мажид. – Я Раю без сознания нашел, ее чуть не затоптали. Отнес ее в дом неподалеку. Но с ней никого не было.

– Вот горе мне, старой! – запричитала женщина. – Вот беда, что же теперь делать, куда бежать?

– Раиса Николаевна, постарайтесь успокоиться, прошу вас. Мы найдем мальчика, непременно найдем, – пообещал Мажид и ушел.

День ушел на поиски, но следов Коли нигде не было. Вернувшись к вечеру Мажид тоже не принес ничего утешительного. Бабушка с внучкой наотрез отказались уходить с вокзала и остались ждать. Утром Мажид нашел их на том же месте. Они сидели, обнявшись, и непрерывно лили слезы... Ему удалось уговорить их переместиться с гостиницу, где временно остановился сам, пока они окончательно не выбились из сил. Помог им перенести вещи и проводил в комнату. Оказавшись в непривычно уютной обстановке, Раиса Николаевна по-матерински благодарно обняла Мажида, глядя его по лицу, волосам. А Рая все ходила по углам, плача и приговаривая: «Коля, где ты, Коля? Маму потеряли, теперь Колю...»

По просьбе Мажида по городскому радио несколько раз в день объявляли о пропаже мальчика, называли его возраст, описывали внешность, одежду... Никаких вестей. Искал Колю каждую свободную минуту и военврач Мажид Калажоков, но так и не нашел следов мальчика.

Двое суток Димитриевы провели в гостинице. На третье утро пришел Мажид. Он явно был чем-то озадачен.

– Раиса Николаевна, – сказал он, – завтра наш полк отправляется на фронт. Вы одни не проживете в чужом городе. Я предлагаю ехать к нам в Нальчик. Завтра с утра в Орджоникидзе отправляется наша грузовая машина. Если вы согласны, я попрошу, чтобы они довели вас до Нальчика, это как раз по пути. Остановитесь у моих. Я напишу письмо супруге, адрес дам. Спросите Дахалину. Она вас примет, не волнуйтесь ни о чем. Согласны?

Раиса Николаевна развела руками и кивнула.

– А ты, Рая, скажи-ка мне имя, фамилию, отчество твоего папы, номер части, откуда пришло письмо. Попробую разыскать его.

Рая, которая все еще не могла прийти в себя после пропажи брата, упавшим голосом продиктовала, о чем просил Мажид. Он в спешке написал в блокноте письмо жене и протянул листок Раисе Николаевне.

– Я понимаю, вы уедете с тяжелым сердцем. Но я верю, что Коля найдется. Его будут продолжать разыскивать.

На этом он попрощался и быстро ушел.

В Нальчике

1

До Нальчика добрались без приключений. Найти дом Мажида тоже не составило труда. Строение с черепичной крышей стояло на одной линии с высоким серым забором. Свернулись с адресом, затем Рая несмело постучала в деревянную калитку. На стук выбежала смуглая черноволосая девочка одного возраста с Раей.

– Вам кого?

– Мы... вот, – Рая протянула ей письмо.

Та глянула и с радостным визгом убежала в дом:

– Мама, мама, письмо от папы!

С письмом в руке на крыльцо вышла миловидная женщина.

– Что же вы, проходите! Когда вы видели Мажида?

– Позавчера в Харькове распрощались с ним, – ответила Раиса Николаевна. – Только он говорил, что его часть должна отбыть на фронт.

Дахалина читала письмо мужа и так увлеклась, что забыла про гостей. Улыбалась, словно супруг был тут, с ней и детьми. Потом спохватилась:

– Что же мы стоим? Заходите в дом! Фатимат, помоги вещи занести.

Никаких вопросов хозяйка задавать не стала. Напротив, вела себя так, будто только и дожидалась их приезда. Рая с первой минуты подружилась с хозяйской девочкой, будто всю жизнь ее знала. После всего пережитого ей казалось, что она попала в другой мир. Наконец-то

не слышно раскатов войны, не видно военных машин. Все вокруг дышало миром: чистый двор, спелые плоды на дереве у крыльца, виноградные плети с наливающимися прозрачными ягодами. Их завели в просторную уютную комнату, которая располагала к отдыху и покою. Но эти фотографии на стенах... Они напоминали о том, что война совсем близко, и они видели ее своими глазами. На снимках Рая узнала дядю Мажида и вспомнила тот страшный день, когда они его встретили. Слезы покатались по щекам. Фатимат растерялась, но спросить ничего не решилась.

На выручку пришла мать:

– Дочка, помоги гостям умыться и пригласи к столу.

Фатимат деловито повела их к крану, захватив чистое полотенце. Потом пригласила на кухню и добавила при этом:

– Мы как раз собирались обедать.

Дахалина подала сначала хантхупс – пшенный суп со сметаной, потом на столе появилась горячая курица в соусе с аппетитными разводами масла.

– Это наша адыгская еда, – пояснила Дахалина, – успеете еще привыкнуть. Гедлибже, курицу в шипсе, мы едим с пастой. У вас тоже ее готовят, но по-другому. У вас это просто каша, а мы подаем вместо хлеба ко всему мясному. Сегодня Фатиме исполнилось тринадцать лет, вот я ей и приготовила курочку. Хорошо, что вы вовремя успели. Ешьте, пожалуйста, не стесняйтесь...

После обеда Фатимат предложила пойти на речку искупаться. Рая с радостью согласилась, к ним присоединилась и Лида, младшая дочка Дахалины. Девочки убежали. Дахалина видела, что у пожилой женщины от усталости слипаются глаза. Постелила ей на диване в комнате, укрыла тонким одеялом.

Вкусная еда, мягкая постель, ощущение безопасности сделали свое дело, и гостя сразу заснула. Тем временем Дахалина поставила греть воду в чане.

Давно Раиса Николаевна так не спала. Проснулась уже на закате.

– Уже встали? Я вам воду приготовила, помоетесь, переоденетесь с дороги, – сказала хозяйка.

Сначала добрая женщина вымыла ей волосы и расчесала. Потом поставила ее в большой медный таз и помогла искупаться, затем накинула на плечи большое мягкое полотенце.

– Боже, как нам благодарить вас с Мажидом за доброту? – растроганно произнесла Раиса Николаевна. – Какие же вы золотые люди!

2

Нальчик относительно небольшой город, и здесь пока еще мирно. Он находится в подкове заснеженных вершин главного Кавказского

хребта. Ниже снегов склоны покрыты густыми лесами. А равнинная часть утопает в зелени огромного парка и фруктовых садов. И, конечно, воздух здесь чище, чем в больших городах. Все это в первый же день отметили Рая с бабушкой.

Но отзвуки войны вскоре стали доноситься и до этого мирного городка. Каждый день сюда прибывали военные. Беженцев становилось все больше, и недостаток продуктов ощущался все острее. Правда, Раисе Николаевне с внучкой пока тревожиться было не о чем, они жили у Дахалины и ни в чем не нуждались. Хозяйка и ее девочки относились к ним искренне и душевно, стараясь скрасить боль утрат. Они уже знали, как погибла в пути мать Раи, как потерялся ее братик.

Дахалина, видная и приятная женщина, особой образованностью не блистала, зато хорошо владела русским языком – все-таки в городе прожила большую часть жизни; работала на швейной фабрике мастером и получала неплохую зарплату. Они с мужем еще до войны сумели отложить некоторую сумму, и детям платили пособие за отца, воюющего с первых дней войны. Так что на жизнь хватало, и гости им были не в тягость.

Рая с Фатимой были ровесницами и сразу сдружились. Новая подруга Раи была смуглая и круглолицая, как отец, с черными глазами и густыми черными косами до пояса. Ее сестричке Лиде шел пятый год. Она тоже была черноглазая и черноволосая, лицом беленькая, кукольной внешности пампушечка, вся в мать.

Но долго сидеть на шее у гостеприимных хозяев Раиса Николаевна сочла неудобным и однажды сообщила Дахалине, что хотела бы найти съемное жилье и съехать от них. Та, конечно, обиделась, стала уверять, что ей вовсе не в тягость, ради мужа она будет почитать ее как мать, а Раечка будет ей третьей дочкой. Девочки тоже просили, малышка даже прицепилась к Рае и не хотела отпускать. Но бабушка была непреклонна.

Тогда Дахалина отвела Раису Николаевну в горисполком. Там их внимательно выслушали, зарегистрировали как беженцев и выделили однокомнатный домик с пристройкой и погребом. Назначили также пособие за главу семьи, находящегося на фронте. Бабушку оформили техничкой на городской рынок, а Раю записали в школу, в четвертый класс, где училась Фатима.

Теперь можно было немного успокоиться и не переживать о том, что находишься на попечении у чужих людей. Пособие и зарплата, пусть небольшая, не дадут пропасть. Еще и жилье свое. Да и Дахалина не оставит без внимания.

Как только хлопоты с переездом остались позади, Рая написала письмо дяде Маждиду. Она рассказывала обо всем, что увидела в Нальчике, о том, как душевно приняли их Дахалина и девочки, о новой

квартире, о школе, в которой они будут учиться с Фатимой в одном классе и даже сидеть за одной партой!

В конце попросила сообщить, удалось ли что-нибудь узнать о папе и братике.

Теперь Димитриевы с нетерпением ожидали ответа от Мажида и очень надеялись, что получат известие о родных. Но время шло, а письма все не было.

В городе все явственнее ощущались приметы войны. Военных на улицах становилось больше. На нальчикских площадях обучали новобранцев перед отправкой на фронт. Все чаще можно было видеть комиссованных из армии раненых и инвалидов. Горожане смотрели на них с жалостью и страхом. Еще бы, у каждого кто-нибудь да был на фронте, и невозможно было не тревожиться о них: вдруг и их постигнет та же участь, что и этих несчастных, покалеченных проклятой войной.

А жизнь в городе шла своим чередом. Рая ходила в школу и вскоре догнала одноклассников за все время отставания, снова стала отличницей, какой была в Ленинграде. Но с одноклассниками общалась мало, дружила только с Фатимой. А те старались не приставать с расспросами, чувствуя, что новенькая таит в своем сердце какую-то грусть.

Фатима выбрала момент, когда подруги не было в классе, и рассказала ребятам, что у Раи погибла мать в бомбежке, пропал маленький брат, а от отца нет никаких вестей с фронта. С той поры одноклассники стали относиться к ней бережно, каждый старался сделать для нее что-нибудь приятное. Кто новую книжку подарит, кто тетрадкой поделится, кто фруктами угостит. Она стеснялась и отказывалась брать, но Фатима и учительница объяснили, что ничего нет зазорного в небольших знаках внимания.

Из школы девочки всегда шли домой вместе. Фатима оживленно болтала, пытаясь отвлечь подругу, но та, казалось, не слышала ее, погруженная в свои раздумья. Разве что улыбалась иногда, если Фатима рассказывала что-нибудь смешное.

Придя домой, Рая первым делом готовила еду, обедала, убирала за собой и спешила на базар помогать бабушке. К школе готовиться получалось лишь по вечерам. Обычно Фатима приходила к ней или она к Фатиме, и начинали делать уроки.

Рая не могла не видеть, как сильно сдала бабушка. Осунувшееся бледное лицо, потухший взгляд... И ведь все на ней – и дом, и работа. Конечно, внучка старается помогать. Уж сколько просила ее, чтобы не ходила на работу, отлежалась немного. Но Раиса Николаевна упорно стояла на своем: ничего у нее не болит, просто спину немного потянула. На самом деле она боялась слечь и не могла позволить себе хоть час передышки. И еще она ждала известий о своих дорогих пропажах. Не

просто сидела и ждала, а сама ходила на почту и просила еще раз проверить: вдруг где завалылось письмо...

Наконец почтальон принес весточку с фронта от Мажиды. Он благодарил Раю за письмо, радовался тому, как они обосновались в Нальчике, и тому, что они с его дочкой подружились. Спрашивал о здоровье Раисы Николаевны. Напутствовал, чтобы Рая училась хорошо, не боялась никаких трудностей и была умницей. В конце сообщил, что новостей об отце и братике Раи пока нет, но он продолжает поиски...

Раиса Николаевна с Раей очень обрадовались этому письму, хотя о судьбе Николая Петровича и маленького Коли ничего не произошло...

...В надеждах и ожидании минула зима. Быстро сошел снег, весеннее солнце пригревало, радуя и землю, и сердца уставших от зимы людей. В считанные дни город наполнился гомоном перелетных птиц, радостно возвещавших о своем возвращении. Утро начиналось со свиста скворцов, которые сидели на каждой крыше, потягиваясь черными крылышками; им поддакивали прилетевшие раньше обычного удода своим нескончаемым «ту-ту-ту, ту-ту-ту». Казалось, и сами птицы не могли нарадоваться, что они наконец-то дома, стаями срывались с крыш, носились над городом и снова рассаживались по своим деревьям и крышам, выводя разноголосые рулады. Это были звуки возрождения, они на время прогоняли печаль и давали надежду на лучшее.

Спозаранок Рая распахивала окно навстречу солнцу и птичьим голосам. Она слушала, и у нее светлело на душе. Но тут же приходили другие мысли: слышат ли эти весенние звуки ее папа и братик? Где они? Живы ли?.. Слезы вновь и вновь подступали к глазам. Вот скоро закончится учебный год. Она делает успехи, ей даже грамоту дали за полугодие. Как бы радовались сейчас родители! Мама уже никогда не увидит... Увидит ли отец?..

Она выходила на улицу с учебниками под мышкой и все еще была в своих мыслях. С первыми весенними днями в школе начались уроки по начальной военной подготовке. Девочек учили, как надо помогать раненым, обрабатывать и перевязывать раны. Мальчиков обучали стрельбе. Рая попросилась к ним в группу и с успехом соревновалась с мальчиками, даже превосходя их в меткости. Мишенями служили изображения фашистов. Рая целилась и представляла, что перед ней настоящий фашист. Думала: интересно, доведется ли ей вот так, с оружием в руках, противостоять врагу? Сможет ли выстрелить?..

Состояние Раисы Николаевны ухудшалось с каждым днем. Нарастала слабость, боли в нагруженном теле не давали покоя. И в одно утро она не смогла встать.

Рая покормила бабушку, дала ей лекарство, а сама собралась и пошла на работу вместо нее. Для хрупкой девочки подметать всю ба-

зарную площадь – задача не из легких. А что делать, если другого заработка у них нет, а жить на что-то надо? Каждый день после уроков она отправлялась на базар, вечером приходила, валясь с ног. Покормит бабушку, сама перекусит на ходу, потом уроки сделает с закрытыми глазами и завалится спать. И то гудящие от тяжелой работы детские мышцы не давали сразу заснуть.

Нет, она не жаловалась на трудности. Напротив, считала все испытания вызовами тяжелого времени, которые она должна преодолеть назло врагам. Девочке удавалось и за бабушкой больной ухаживать, чаще стирать ее вещи, пропитанные потом от приступов жара, и еду готовить, и в доме чистоту поддерживать, успевая при этом и в школе, и на работе.

Радио и газеты сообщали неутешительные новости. Надежда на то, что потерявшийся в Харькове Коля найдется, рухнула, когда немцы заняли этот город. Каждый день сообщали, что наши войска отступают, ведя ожесточенные бои.

Враги подбирались к Кавказу, подобно шакалам. Радио сообщало: один за другим Красная армия оставляет города. Фашисты уже заняли Мин. Воды, Кисловодск, Пятигорск, теперь рвутся к Нальчику.

После таких новостей Рая с нарастающей тревогой кидала взгляд на бабушку. Она очень слаба, почти не встает. Что они будут делать? Многие нальчане и беженцы начали покидать город. Но им никак нельзя уходить – куда с больной бабушкой? Что бы ни было, они останутся здесь. Так решила Рая.

Как-то девочка прибежала с улицы возбужденная, с газетой в руке.

Раиса Николаевна испугалась и приподнялась на подушке:

– Что там, Раечка? Что пишут? О Николае что-нибудь?

– Нет, бабушка, о папе ничего. Но тут сообщают, что фрицев остановили у берегов Баксана. А ты знаешь, что от Баксана до Нальчика двадцать пять километров? Наши заняли прочную оборону. А это значит, что к нам они не дойдут!

Радостным голосом Рая читала газетные строчки на первой странице:

– «Больше ни шагу назад! Все силы на победу над вражеской армией! Очистим нашу землю от фашистов! Смерть фашистским оккупантам! Победа будет за нами, товарищи!».

Бабушка с внучкой приободрились после таких новостей. Но радость была недолгой. На второй день распространили новое сообщение: город считать прифронтальной зоной. Жителям по возможности советовали покинуть город, а оставшихся надлежало задействовать в рытье укрепительных сооружений и окопов вокруг него. Вслед за этой новостью закрылись все магазины, и сразу же стало туго с продуктами. Это стало большим ударом для Димитриевых. Они не суме-

ли запастись ни дровами, ни продуктами. Правда, у Раисы Николаевны были небольшие сбережения, но что толку от денег, если нечего купить?

На помощь опять пришла Дахалина. Через два дня после пугающей новости она пришла проведать их, узнать, как они собираются жить дальше. Женщина тоже была встревожена не меньше. Всем сейчас приходилось туго.

– Я и сама не очень-то готова выживать в опустевшем городе, – говорила она. – Давайте вместе подумаем, найдем какой-нибудь выход. Я вот что думаю. Давайте мы с Раей сходим в соседнее село, в Кенже, это недалеко. Попробуем там купить продукты и дрова. У меня там много знакомых. Если у вас денег не хватит, я могу дать.

– Что бы мы без тебя делали, дочка, – сердечно стала благодарить Раиса Николаевна. Вовек нам не отплатить за ваше добро. У меня есть деньги, пусть Рая пойдет с тобой.

– Значит, с утра пораньше пойдем. Жди меня наготове.

– А я всегда готова, – живо отозвалась Рая...

В Кенже им удалось купить муку, картошку, подсолнечное масло. И насчет дров договорились с местным стариком. Дахалина оставила ему деньги, назвала адрес. И к концу дня во дворе сгрузили целый воз отличных сухих дров. Уезжая, старик заверил Раису Николаевну, что может подвезти дров сколько надо, дай только знать.

Итак, Димитриевы приготовились к жизни в прифронтовом городе.

3

Рая проснулась рано от непонятного шума. Вскочила, подбежала к окну и распахнула его. Во дворе было оживленно. Красноармейцы размещали свои пожитки под большим тутовым деревом, заселялись в соседние опустевшие дома. Те, что под деревом, во главе с пожилым солдатом устраивали полевую кухню: чистили картошку, кололи сложенные во дворе дрова и разводили огонь в передвижной печи.

Пожилый солдат заметил девочку в окне и, кажется, смутился:

– Это ваши дрова, я так понимаю? Не волнуйся, мы сегодня же привезем, даже больше. Так вот и живем... Одно слово – война... Не сердись, сестренка.

А Рая и не думала сердиться. Напротив, ей было приятно, что дрова послужили советским солдатам.

С этого дня их двор уже не казался обезлюдевшим. Новые постояльцы готовили еду на полевой кухне. И у Раи стало больше свободного времени. В школу она не ходила, на базар или в магазин за покупками – тоже. Так что она успевала и за больной бабушкой присмотреть, покормить ее, и постирать, и в доме убраться. В остальное время она, с разрешения бабушки, конечно, помогала солдатам в страпне.

Старшим среди поваров был Сергей, тот самый мужчина в годах, что извинялся перед Раей за дрова.

Он радовался, когда девочка выбегала к ним и, деловито закатав рукава, начинала им помогать – то картошку или лук почистит, то капусту нашинкует, то дров в огонь подкинет. Солдат называл ее не по имени, а «моя девочка», «дочка». Они даже привязались друг к другу, и вскоре Сергей все знал о семье Дмитриевых: как они бежали из Ленинграда, какие беды настигли их в пути, как они в Нальчик попали. Теперь он стал еще внимательнее к девочке, заботился, как о родной дочери. Часто заходил к ним и справлялся о здоровье Раисы Николаевны. А еще он приносил им еду, которую готовил для солдат. Бабушка с внучкой протестовали поначалу, но Сергей настоял на своем. Так что Рае не приходилось теперь думать, что бы такого приготовить для бабушки.

Вскоре юную помощницу знали солдаты всех частей, подъезжавшие ко двору за готовой едой. Они здоровались с ней как со старой знакомой и, видя немой вопрос в ее не по-детски серьезных глазах, неизменно обещали: скоро, вот скоро они выкинут немцев из города, с Кавказа, со всех земель страны, и все станет как прежде.

А в военной газете писали о блокаде Ленинграда и о бедствиях его жителей. Рая читала о родном городе, и ее сердечко сжималось от боли. Проклятая война отняла у нее маму, она потеряла братика, она не знает, где папа... Надо верить, что они встретятся вновь. Да, она не может быть в стороне, она должна отомстить фашистам за все беды ее семьи. Взяла бы оружие и пошла в бой вместе с солдатами! Но что может тринадцатилетняя девочка? Пока она делает все, что в ее силах, – помогает кормить солдат.

Она представляла себе, как отец ведет своих солдат в бой – он ведь командир, да еще какой бесстрашный и сильный! Но порой лезли в голову и плохие мысли: а вдруг... отец тоже погиб где-то на чужой земле, ничего не успев сделать? Как мама... В такие минуты она не могла сдерживать слезы, лишь прятала лицо за стиснутыми кулачками. Знал бы папа, через что они прошли, как они страдают... И знай они сами о нем хоть что-нибудь, все бы не так тяжело...

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

ЖУРАВЛЬ ОДИНОКИЙ – ЖУРАВЛЬ ГОЛОВНОЙ

Заур Налоев относится к числу тех немногих людей, о которых разные люди будут говорить порою совершенно разное. Но что при этом важно, эти различные суждения почти никогда не будут взаимоисключающими – хвалебными или, напротив, критическими. Чаще всего мнение одного будет дополнять высказывания другого, а еще и третий своими суждениями поможет создать о человеке еще более полное представление. Поясню сказанное примерами.

З. М. Налоев

Для малышей, причем даже самых маленьких, Заур Налоев – это замечательный детский поэт. Его стихи они знают чуть ли не с пеленок, с детского возраста, и как колыбельные, и как считалочки, и как дразнилки, и как слова на мелодии давно полюбившихся им песенок. Для ребят школьного возраста он автор замечательных стихов о природе, о человеческой доброте, красоте мира и человеческой души, о чести и достоинстве. Еще кто-то непременно вспомнит удивительно светлые образы из рассказов для детей и юношества. И это всё будет только одна грань универсального явления, которое носит это имя.

Его другая ипостась, если говорить немного пафосным стилем, – это то, что сделано Налоевым в помощь тем, кто занят в сфере воспитания. Как человек, великолепно разбирающийся в области традиционной культуры, он однажды собрал сто самых прекрасных адыгских сказок, изложил их содержание своим языком и выпустил книгу под названием «Сто сказок». Это поистине замечательный подарок всем, кто любит родной язык и созданное на нем словесное искусство. Однако Зауру Магометовичу этого показалось недостаточно: он выбрал из шедевров мировой литературы творения великих писателей-сказочников, перевел их на кабардинский язык и выпустил новую книгу, которую так и назвал: «Самые прекрасные сказки». Тем самым наследие многих великих мастеров слова – Андерсена, Перро, Толстого, братьев Гримм, Ершова, Сент-Экзюпери и многих других – стало достоянием носителей нашего языка.

Прошло немного времени, и сделанного тоже показалось мало, тогда Заур Налоев исследовал сотни разных текстов, чтобы составить целую антологию, которой он дал трудное для перевода название «Сабий щэнгъасэ» – «Художественное воспитание детей». Это – собрание

самых замечательных произведений адыгского и мирового фольклора и литературы для детей. К тому же, значительную долю в книге составляют сказки, стихи, песни, произведения афористических жанров народов всего мира, переведенные на кабардинский. Не в обиду другим авторам подобного рода изданий скажу, что вышедшая в свет четверть века назад книга Налоева до нашего времени остается непревзойденной по многим своим параметрам.

Вот и получается, что Заур Налоев – большой детский писатель, поэт и учитель. Так оно и есть.

Но это еще не всё. Кабардинскому читателю давно полюбились и его «взрослые» произведения. Три его поэтических сборника содержат всего лишь несколько поэм и десятков шесть-семь лирических стихотворений. Это совсем немного для поэта, прожившего более восьми десятков лет. Однако, как он сам любил повторять, никто не спросит, много ли человек сделал, а спросят, какова цена тому, что сделано. Ни одно из его стихотворений нельзя назвать «проходным», забывающимся после прочтения. Любое слово в его книжках на своем месте, оно гармонично вписывается в единый поэтический контекст, как неповторимый рисунок на цинковке-арджене, где каждая линия, изгиб, фигура выверены мастерами многовековым опытом творения красоты и гармонии. А когда в свет вышел сборник новелл под названием «Одинокый журавль», мир адыгских читателей вдруг обнаружил, что поэт Заур Налоев еще и один из лучших наших мастеров прозы. Более того, он своими новеллами опозитизировал прозу. Сразу же его журавль обрел статус чуть ли не национального символа, а колоритные образы героев новелл – обычные крестьяне, земледельцы, косари, кузнецы, шорники, резчики по дереву – полюбились настолько, что их имена стали нарицательными. Как и многие поэтические произведения, его новеллы включаются в школьные хрестоматии и вузовские программы по национальной литературе. Театральные режиссеры создали на их основе замечательный спектакль, ставший заметным явлением в культурной жизни республики.

Не менее значимой фигурой является наш герой и в другой области – изучении национальной литературы. Когда в начале 60-х годов минувшего века наш Институт решился впервые создать труд, в котором была бы систематизирована история кабардинской литературы, руководить этим ответственным делом был избран не кто иной, как Заур Налоев. И ему удалось созвать и сплотить такую группу специалистов, которые стали воистину единомышленниками. Они стали настолько преданными общему делу, что в результате сложной многолетней работы был создан коллективный научный труд, в котором впервые были осмыслены и объективно освещены все основные этапы становления и развития кабардинского словесного искусства от

его возникновения до формирования письменной литературы и до ее выхода на самый высокий профессиональный уровень. Заур Налоев не только руководил работой по написанию, а разработал теоретико-методологические принципы создания «Очерков...». А в тех случаях, когда он не находил специалиста, которому можно было доверить написание того или иного очерка, он сам впрягался и заполнял нужную нишу. Этот бесценный труд вышел в свет в середине 60-х годов. Впоследствии, конечно, у нас появилось много литературоведов и критиков, было написано большое число интересных статей и книг, в их числе и труды, посвященные вопросам общей истории литературы, конкретным жанрам, творчеству отдельных авторов. Наше литературоведение нынче представлено целой плеядой высокопрофессиональных специалистов, с которыми как равными считаются ведущие специалисты страны и зарубежья. Фундаментом же наших достижений в этой области является скромная книжка под непритязательным названием «Очерки истории кабардинской литературы». А в этом самая большая заслуга принадлежит Зауру Налоеву.

Отдельно он заинтересовался послевоенным этапом истории национальной поэзии и даже создал небольшую монографию, которая стала для него квалификационной работой. Несколько позднее он увлекся идеей восстановления начального этапа в истории родной художественной словесности, когда зарождаются предпосылки возникновения литературного языка и письменной литературы. Над этой проблемой он работал фактически всю оставшуюся жизнь – от начала семидесятых годов до самой кончины. Результатом стали как отдельные статьи о просветительском движении, об этапах возникновения письменности и опытах становления письменной словесной культуры, так и сборники уникальных материалов. В числе последних книжка стихов уникального, но забытого поэта Исмаила Клишбиева, антологические сборники начального периода истории адыгской художественной словесности, очерки творчества отдельных устных и письменных поэтов.

Важным и даже скандальным явлением стала история книги с исследованием и обширными материалами Баксанского культурного движения. Конфликт возник по той нелепой причине, что Налоев вводил в обиход богатейшие материалы фактически им же утвержденного в науке восточного культурного канала. Ретрограды, опиравшиеся до этого только на западные и российские источники, не могли примириться с тем, что их гегемонии на истину приходит конец. Но ученый не стал отступать от своих убеждений, которые были выстраданы им и опирались на неопровержимые факты. Это стало камнем преткновения между носителями творческого начала и откровенной рутинности. Книга все же вышла в свет, и она со всей убедительностью засвидетельствовала одну из важнейших граней истории национальной культуры.

Венчает всю работу в данном направлении труд, посвященный природе и традициям адыгских джегуако, профессиональных носителей и подлинных творцов народного искусства, в том числе словесного, певческого, музыкально-инструментального, хореографического, драматургического и пр. Долгие десятилетия Заур Магометович собирал, изучал, систематизировал материалы о природе и творчестве адыгских джегуако. Он перерыл настоящие горы книг, изъездил чуть ли не все места, где проживают адыги, опросил сотни людей, написал десятки статей и очерков. Но материалы были настолько объемны, что все же к концу жизни у него еще не было стройного, строго систематизированного труда, в котором освещалось бы это сложное явление народной культуры.

Всего за два-три года до своей кончины он приносит мне две толстые папки рукописей и заявляет: «Здесь то, над чем я столько лет работал. Я сделал всё, что мог, остальное в твоих руках. Стань моим научным редактором». Директор нашего института, Барасби Бгажноков, сразу же поддержал его, включил работу в мой план, и я принялся за дело. В течение года монография была практически готова, а всего за год до смерти Заура книга вышла в свет. Я горжусь тем, что наш старший товарищ и наставник доверил мне такое ответственное дело. Потомкам еще доведется по достоинству оценить этот уникальный труд, пусть и с некоторыми признаками незавершенности, но также и замечательными открытиями.

Огромное внимание уделял Заур Магометович народной песне. Если свести воедино его вводные статьи к первому, третьему и четвертому томам серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов», получится одно большое монографическое исследование, как и монография о джегуако, достойное не просто высокой ученой степени, но и самых престижных научных премий с золотым отливом. Но он никогда за славой не гнался, к ученым степеням был, кажется, вполне равнодушен. Он просто делал то, что считал своим долгом перед людьми и культурой. Это свойство его характера проявилось во всей внутренней красоте и в работе над упомянутой серией «Народные песни...». Для выполнения этой работы сложился уникальный коллектив единых духом людей. Это и сам Налоев, и инициатор издания Зарамук Кардангушев, и неутомимый Владимир Барагунов, и сочетавшие широкую эрудицию с уникальным знанием народной жизни Абубекир Гукемух и Нурби Иванокков. Один из названных был по базовому образованию драматическим актером, другой ученым с трагической биографией, третий вузовским доцентом-языковедом, четвертый оперным певцом. Но всех их, таких разных, объединила одна идея и сплотило обаяние двух удивительных людей – Заура Налоева и всемирно известного этномузыколога из Москвы Евгения Владимировича Гиппиуса. Я

счастлив, что и мне довелось робкими попытками вписаться в эту компанию, казалось бы, таких необычных людей. Почти полтора десятка лет длилось их поистине творческое сотрудничество, в котором корень-труд является стержневым, поскольку трудились они самозабвенно. Уже первый том этого издания был отмечен в Академии наук СССР как новое значительное явление в отечественной фольклористике. Но никто не обратил на это внимания, а они продолжали работать не ради премий и наград, работали по велению души. Уже потом премии и звания достанутся другим, тем, чьи имена на этом свете звучат ровно до тех пор, пока они сами есть. А имена Гиппиуса, Налоева, Кардангушева, Барагунова уже стали достоянием вечности, и так будет, пока живет наше общество, звучит наш язык, существует культура.

О нем пишут, его и вправду не забывают. И все же об одной грани творчества Заура Налоева редко кто вспоминает, хотя она тоже очень важна. Это его отношение к своим предшественникам. Когда в 1957 году скончался замечательный поэт Бетал Куашев, Заур Магометович собрал воедино все, что оставил после себя этот человек – напечатанное в книгах и периодике, оставшееся в рукописях, сохранившееся в каких-то архивах, вплоть до клочков бумаги, исписанных рукой поэта. Все это он бережно и аккуратно систематизировал, сложил в папки и сдал в архив. Затем на их основе он выпустил два тома произведений Б. Куашева на языке оригинала и маленький томик поэтических переводов – на русском. Это лучшая дань памяти старшему товарищу.

Точно так же он поступил и с письменным наследием замечательного просветителя и поэта Хасана Эльбердова. Многие годы потратил Заур Налоев, чтобы собрать, привести в порядок и выпустить отдельной книжкой стихи Исмаила Клишбиева, мало кому известного, но удивительно талантливого поэта с драматической судьбой. Очередное благое деяние на этом поприще – издание литературного наследия, а вернее, остатков этого наследия, первого организатора и председателя Союза писателей Кабардино-Балкарии, литературного критика и прозаика Джансоха Налоева. К числу подобных можно отнести и систематизацию всего научного и литературного наследия Аскерби Шортанова. В этой работе мне довелось принимать участие, но для меня это была только школа, а основную работу вел все же он, Заур. Благодаря нашим с ним стараниям все богатейшее наследие Шортанова было собрано, систематизировано и находится в одном хранилище, а имя большого ученого и писателя отмечено названием улицы в Нальчике и мемориальной доской на доме, где он жил.

Все, что я до сих пор излагал, органично дополняет одно другое, в результате вырисовывается образ человека многогранного и неутомимого в своих проявлениях. Чтобы дополнить этот образ, надо сказать, что Заур Налоев обладал познаниями в разных областях, и это не

просто слова, а подтверждается сказанное тем, что он мог высокопрофессионально, на равных дискутировать с историками, философами, лингвистами, искусствоведами. Не секрет, что многие из наших лучших художников, актеров, музыкантов, вузовских преподавателей приходили к нему за советом, добрым словом, подсказкой. И он говорил с ними. Но говорил не как дилетант, говорил не только как специалист в области национальной литературы и народной культуры, а также как глубокий знаток профессионального искусства Запада и Востока, искусства мирового – литературы, музыки, скульптуры, рисунка, театра, архитектуры. Он не играл в какого-то всеведущего гуру, а попросту делился своими рассуждениями, и люди уходили от него просветленными, одухотворенными. Эта сторона его натуры очень важна для того, чтобы понять, какого масштаба это был человек. Увы, в своей компании он часто напоминал того самого Одинокого журавля, чей образ создал в одной из новелл – одинокого не потому, что рядом никого не было, а потому, что мало кто задумывался о его истинном величии. Он же просто жил рядом и выполнял свою миссию.

Еще менее понятной для многих оказалась его общественная деятельность в национальном движении. Заур Налоев был одним из тех, кто стоял у истоков создания Международной черкесской ассоциации, которая объединила общественные организации народа, судьба которого – одна из самых трагических в истории XVIII-XIX столетий. Он возглавил кабардинское национальное движение в пору, когда наряду с людьми, которые поистине переживали за судьбы народа и всего общества, на поверхность вылезли самые сладкоголосые и самые безответственные авантюристы, горлопаны, временщики, которые были готовы на любой необдуманный поступок ради собственной славы и выгоды. Мудрый и дальновидный, Заур хорошо знал, каковы могут быть для всего нашего разноязычного общества последствия крушения большого государства, если дать полную волю этим властителям митингово-уличных умов. И он на старости лет оставил на время свой рабочий кабинет, бросил свои занятия наукой и ушел на митинги, на демонстрации – чтобы не случилось самого худшего. Ушел, хорошо представляя себе, с каким риском для его авторитета сопряжен этот его шаг. Он потерял многих своих сторонников, поставил на кон собственную репутацию, но своими действиями, при поддержке немногих поистине верных и трезвомыслящих людей помог нашей республике избежать более драматической судьбы. А провокаторов и клеветников, распространявших самые грязные сплетни, было и в республике, и в центре, и во всех уголках страны хоть пруд пруди. Никто теперь не вспомнит о том, что было бы, если бы во главе движения в те годы оказался не Налоев с его мудростью, авторитетом и умением убеждать, а те горячие головы, которые впоследствии не проявили себя ни как патриоты своего народа, ни как патриоты своей большой родины.

Чтобы раскрыть образ такой сложной и многогранной личности, как Заур Налоев, нужно писать не маленькие очерки, а целые книги. В одной заметке всего не выскажешь, и я здесь упомянул только часть из того, что сумел за свою жизнь совершить этот талантливый человек и неутомимый труженик. Остались вне внимания многие книги, отдельные статьи, поступки. Но я буду считать свою задачу выполненной, если сумел пробудить интерес к поистине незаурядной личности. Я уверен, что имя его еще долго будет с благодарностью вспоминаться. Потому что он был настоящим энциклопедистом. В творчестве это уникально одаренный поэт и писатель, с одинаковым мастерством создававший произведения для самых маленьких детей, для молодежи, для умудренных жизнью взрослых людей. Его стихи, поэмы, новеллы, повести полны и доброты, и чистоты духовной, и красоты родного языка, и мудрости, почерпнутой из вековых традиций своего народа и всей мировой культуры. Он также и неутомимый исследователь, одинаково продуктивно работавший как в области литературоведения, так и в области изучения народного творчества, этнографии, истории, философии. Также он был ярким общественным деятелем, заслуги которого перед своим народом и республикой еще предстоит достойным образом оценить. Помимо всего прочего, Заур Магометович Налоев – это человек разносторонне образованный, развитый и высокоинтеллектуальный, оказавший благотворное влияние на многих современников – ученых и педагогов, поэтов и писателей, художников и музыкантов, актеров и драматургов.

А коли так, то никакой он не Одинокый Журавль, а Журавль Головной, имя и мысли которого светят для нас и еще долго будут светить тем, кто еще явится в этот мир.

БЕРЕГА¹

Рассказ

Красивый особняк моего дяди Жамырзы был сожжен немцами. Администрация колхоза отвела пепелище дома под кузницу. Мы там трудились. У нас был сторож – Тохов Касболат. Вот история, которую Тохов поведал старикам в кузнице (я был рядом и подслушивал).

«В далекие времена, когда аул Хатуей заселялся на берегу Уруха, Хату Анзоров со всадниками свиты объезжал окрестности. Он находил разрозненные сакли, определяя по следу очажного дыма из дымоходов, и звал их к новому поселению. В один из таких объездных дней генерал увидел дымок на противоположном берегу Уруха, над Шогулским лесным массивом... Взнуздав коней, всадники пошли на дым и остановились у чьих-то ворот. Ворота – не ворота, а некое диковинное архитектурное сооружение из двух исполинских дубов, соединенных своеобразным засовом-перекладной. Ограда же возведена под стать воротам. Анзоров ухмыльнулся в усы и молвил:

– Валлаги, не иначе, как мы пришли во владения Иныжа... Кликните-ка хозяина! – велел он спутникам.

На зов вышел человек – не человек, медведь – не медведь, лохматый, роста исполинского, сложения богатырского – хозяин. Он, походя, двумя пальцами выпростал громоздкую перекладину, откинул тройной засов и на ломаном адыгском произнес:

– Гостем будете, сын Анзора!

Хату Анзоров выразил напускное удивление:

– Чудно! Я тебя не знаю, а ты меня знаешь?!

Лукавил князь. Во всех домах и подворьях его узнавали и приветствовали так же, как и здесь, хотя лично с ним никто не вел знакомство. Хозяин ответил:

– Бурка твоя под стать коню, а конь под тебя. По плечам и стати ты и есть сын Анзора, созывающий подворья в свой аул. Слухи ходят... И кто бы ещё сюда забрел – ни заплутать здесь, ни поохотиться!

– Кто будешь? – спрашивает князь.

– Не буду, а уже есть, а что есть – не изменишь. Нало – мое фамильное, Джауш – так ко мне обращаются. Осетин я. Ещё мой отец заселился в этом лесу. Так и живем теперь своим домом.

– Отец здравствует?

– Нет. Отошел в мир иной.

– Мусуль... – генерал не успел договорить. Выскочивший из заго-

---

¹ Заголовок переводчика (из книги – «Налохэ» – на кабардинском языке).

на упитанный хряк не дал прозвучать некорректному вопросу...

Приглашение в дом было принято князем. После щедрого угощения Анзоров, издав издали начав разговор, приступил к делу:

– Джауш, а каково в лесу? Не скучно ли без людей? Из коих же в снохи выбирать? За кого же дочь выдавать?

– В горах всё есть. Найдутся и снохи, и зятья, – пытается уйти от ответа хозяин.

– Не лучше ли будет подселиться к людям. В аул...

– Здесь дом моего отца. Здесь моя крепость, – тихо упорствует лохматый.

– Я буду краток, Джауш. Подселяйся к моему аулу. Ты сам выберешь место для будущей усадьбы. Я выделю тебе и землю, и пашню, и лес.

После слов князя хозяин понурил косматую голову и молвил на ещё более ломаном адыгском:

– Знал я. Чуюл... Я выбрал лес, потому что ценю свободу и не терплю рабства! Проживу, как медведь, но рабом мне не быть. Нет, Хату! Де агъдау берэот! Де агъдау берэот! ¹ Нет!

Но тут князь в свою очередь нахмурился:

– Кто здесь толкует про рабство?! Предлагал ли я тебе такое!

– Знаю, Хату, как это бывает: поначалу – земляк, потом – батрак, а впоследствии – ты раб, и полный каюк. Де агъдау берэот! Дай мне прожить в моем лесу...

– Твой выбор, Джауш. Твое право, – Анзоров встает из-за трапезы, вскакивает и свита. – Я не желаю тебя поработать. Другие у меня помыслы: враг придёт в мой дом – ты подставишь мне своё плечо. Вздумают тебя обидеть – я за тебя постою. В добрососедстве – сила, – сказав это, генерал вдел ногу в стремя, но сразу же выпростал её обратно, стремительно повернулся к хозяину и бросил:

– Но... если ты однажды надумаешь, Джауш, тогда соберись и подъезжай в аул. К моему дому приезжай. Ко мне лично!

Джауш с тяжёлым сердцем проводил гостей.

...Сын Джашо Налоева Джауш был богатырём, про каких в народе говорили «цельнорёберный силач», то есть ребро из сплошной костной пластины. Молодая его супруга рано ушла из жизни. Джаушу с престарелым отцом (Джашо) без женщины в доме было тяжело. Состряпать самому или прибраться такому великану было сложно. Но самое забавное происходило, когда Джауш «не так» подавал старику или «не так» приготовил... Джашо в гневе обрушивался на сына своей боярышниковой тростью. После удара нехрупкий Джауш, кувыркаясь, падал. Джашо давно устал от неустроенного хозяйства и теперь отправился на поиски

---

² Де агъдау берэот (осет.) – Да быть тебе в чести (благодарственное) – прим. автора.

будущей невестки. Надо было женить сына, да на такой женить, чтобы своими телесами и физической мощью сноха соответствовала Джаушу! Старик со своим посохом исходил всю Кабарду: красивых много, но все сомнительно хрупкие. Он подался в Балкарию: мощные, крупные девицы, но наружностью... никак не позариться. Кинулся в Осетию: поиски оказались тщетны. Он уже было собрался в Сванетию, но на берегу Уруха, в каком-то небольшом захудалом ауле наткнулся на любопытную сцену: молодая девушка, взяв за рога, опрокинула норовистого рыжего быка, настойчиво осаждавшего чужой плетень. «Услышал Бог мои молитвы!» – возрадовался старик и ушел восвояси. Дома он попросил сына:

– Ты, лапу¹, не будь дураком. Сходи в... (такой-то дом в таком-то ауле).

Джауш же после отцовского внушения, переплыв Терек, умыкнул иноходца у Етлуховых и на нём отправился за суженой. И встретил он свою будущую, взбиравшуюся вверх по крутому склону с двумя медными казанами, полными воды. Увидев её, Джауш растерялся:

– Да разве можно девушке таскать тяжелое, – сказал он и взял из её рук громоздкую ношу. И так, с поводьями на предплечье и с казанами в руках, Джауш вошел во двор будущей супруги.

Следует сразу оговориться относительно наружности невесты: за исключением родниковой чистоты небесно-голубых бездонных глаз, в ней не было ничего особенного. Более того, её руки были такой величины, что легко можно было принять их за мужские. Ходили слухи, что на предыдущих смотринах эти руки (по неловкости, не нарочно) сломали ключицу жениха. Когда жених уважительно хотел привстать, невеста положила руку на его плечо: мол, «не суетитесь», сидите, сидите!». А ключица-то сама и вывихнулась... И горе-жениха, приехавшего верхом, увезли (говорят) на арбе и в тугих повязках.

Но мы-то не можем знать, что происходило в том доме в Шогале той ночью... Правда заключается в том, что на следующее утро Джауш привёз богатырь-девицу в свой лес и показал ей на крыльцо со словами: «Иди, хорошая, состряпай что-нибудь поесть». При этом с ключицей всё было хорошо... Девушка растеряно вошла в дом. Сам Джауш с иноходцем на поводу отправился к Етлуховым:

– Превосходный конь. Удачливый скакун. Вот, возвращаю. Я на нем за невестой ездил. Когда понадобится – позовите. Я хочу отработать день-ночь за услугу, оказанную мне вашим конем.

Но давно это было. Давно... И теперь, воротясь в дом после диалога с князем Анзоровым, с этой самой невестой, уже ставшей матерью

---

¹ Лапу – (осет.) ласкательное обращение к младшему.

трёх сыновей и двух дочерей, Джаушу придется вступить в о-ох... не легкий спор. И дети при этом останутся на стороне матери...

...Она, сидя, лушила чечевицу, и, обращаясь к супругу, недовольно буркнула:

– Не за честь ли будет, что сам Хату Анзоров жалует тебя в соседи? И не надоело здесь маяться, якшаясь только с кабанями да свиньями? Или же сулишь подобную долю и детям нашим? Если ты вырос в лесу, то я росла и жила на людях. И хочу вернуться к людям! И вернусь... будь то мое родное село, будь – Хьэтути гьэу¹. Выбирай же!

– Женщина, ты глупа! Ведаешь ли ты, что там никто не говорит на твоём наречии? Там кругом и всюду одни кашконы.

– Не беда. И среди кашконов есть хорошие люди. А язык... если я научилась говорить с лесными тварями, то как-нибудь одолею и кашконскую речь. Ох ты, горе-медведь косолапый! Ох ты, волк свирепый! Поступай, как знаешь – живи здесь, как сыч-отшельник. А я заберу детей и уйду к людям в Хьэтути гьэу. Да я... – разгневанная женщина начинала не на шутку расходиться, но тут она взглянула на Джауша и осеклась: у «медведя» недобро сверкнули очи. Женщина встала и молча попятилась к выходу. Молния, неизбежная смертоносная молния пронеслась мимо, на этот раз никого не сразив...

Так прошла неделя. Пошла вторая. Так длилось около месяца. А Джауш был живой человек...

...Утреннее солнце ещё не коснулось вершины Пхеша, когда возле усадьбы Хату Анзорова, замедлив ход, стали три поводы, запряженные волами. Великан, правивший головной подводой, крикнул:

– Эй, там! Откройте ворота.

Дворовая челядь со смехом отвечала:

– Ну да! Ты из какого сна возник? Нешто генеральские ворота распахиваются перед каждым встречным-поперечным!

Обратим внимание читателя: адыги так никогда не встречали гостей. А что касается ворот – они всегда были распахнуты для гостя, какого бы он ни был сословия. Но здесь, очевидно, уже трепался иноземного ветерка легчайший нрав. Джауш подошел к воротам и взялся за опорный столб. Шатание массивного дерева мгновенно остудило игривость и глумление челяди:

– Да погоди ты, буян! Дай доложить-то самому...

Наши старики вспоминали: Хату Анзоров «не по-генеральски» был прост и уважителен. С большим почтением он придерживался канонов Адыгэ Хабзэ... Анзоров велел открыть ворота и, не дожидаясь прислуги, сам взялся за воловью упряжку и сам проводил три арбы к себе во двор. Женщин пригласили на женскую половину, а самого

---

¹ Хьэтути гьэу – Хатуей – аул Хату Анзорова – прим. автора.

Джауша – в гостиную. И Анзоров потчевал Налю так же, как это делал Джауш незадолго до сегодняшнего дня, только... в лесу.

После трапезы князь об руку с «медведем» (по правую сторону) прошелся по аулу, показывая территорию новоиспеченному земляку. А «медведь» взирал... А Урух уносил барашковые струи кристальных потоков под вековечную мелодию ропщущей своей песни. И муравьиной кучей копошился аул в ее низовьях, жил своей размеренной жизнью... Тут Анзоров обратился к гостю:

– Джауш, я князь аула. Хабзэ не позволяет, чтобы я выделил тебе землю западнее, то есть правее от своей усадьбы. Ты осмотри всю восточную, левую от меня половину. Выбирай, как душа велит. Вон тот лес – он мой. Ты можешь вырубать там столько, сколько тебе понадобится для обзаведения будущим хозяйством. Руби. Вывози. Стройся.

В тот памятный для аульчан вечер старикам прибавилось повода для разнотолков и новой кручины. Собравшись на своей неизменной *завалинке*, они долго смаковали нынешнее зрелище. Да и как не смаковать? Генерал... князь Хату Анзоров, как ни в чем не бывало, прошелся по аулу с захожим человеком под *правую* руку! Неслыханная по дерзости выходка... Кто-то упрекал Джауша:

– Поглядите-ка, а-а? Никакого уважения к сословию! Шагать по правую руку князя! Вот потеха! А то и... дерзость!

Другой же, заступаясь за Джауша, восхищался анзоровским почтением адыгского этикета, и мудростью князя:

– Да полноте! Он-то тут при чем? Это сам Хату так дело повел. Сразу видно сильную породу. Белая кость! Рожденный от Человека Человеком и проживет. Анзоров не из тех, кто задирает нос из-за генеральского чина (жалованного русским царем). А что, скажите на милость, этот чин по сравнению с Адыгэ Хабзэ – который и является для Хату кодексом чести.

Третий, поддакивая второму:

– Истину говоришь! Хату достойно отдал древнюю дань Адыгэ Хабзэ – поставил гостя справа от себя. Это по-княжески. Это – по-адыгски... По-человечески!

Долго старики обсуждали то Хату Анзорова, то неизвестного «лесного» гостя. Но кто бы о ком ни толковал, истина заключается в том, что в тот достопамятный день Джауш в первый и в последний раз в жизни стоял по правую руку князя Хату Анзорова.

Мы полагаем, что будет уместным пояснить читателю про сословное положение Налюевых.

В Дигории известно сословие «баделятэ» (могущественный). К «баделятэ» и относились Налюевы. Но численное превосходство, сохранявшееся за Тугановыми, позволяло последним пытаться всячески «притеснять» Налюевых. Да, Тугановы не оставляли надежды поста-

вить Налоевых под полную свою зависимость. В реальности это выразилось в скрытых набегах, грабежах, угрозах. Между этими двумя кланами не прекращались судебные тяжбы. По нашему предположению, именно эти обстоятельства явились истинной причиной поначалу лесного затворничества, а потом уже – переселения в Хатуей отца моего прадеда – Джауша ¹.

Но в Кабарде «баделятэ» (так же, как и «алдар» или «таубий») не приравнивались к князьям. Их чуть принижали по иерархии и принимали за дворян (уорков) какого-то там сословия. А в Кабарде было три сословия уорков ².

Итак, Налоевы заселились в Хатуей. Джауш выбрал землю под усадьбу правее от спуска Даукуево, в ложине. Дом построил в три жилые комнаты: для супругов – стариков, для девушек, для молодых парней. Сыграв свадьбу сыну, хозяин пристраивал к дому ещё одну комнату (для новобрачных). И, таким образом, дом неоднократно «удлинялся», со временем становясь продолговатым.

Чужак

Шло время. Император Николай I призвал Хату Анзорова приступить к своим обязанностям. Покидая аул, Хату оставил своими душеприказчиками двух сыновей – Исмаила и Ельмырзу.

В один из тихих вечеров аульские старики, беседуя, коротали время на берегу реки, под большим «райским» деревом. Джауш подошел к старикам. Вообще, он питал к аульчанам чувство признательности: они где надо – присоветуют, в чем надо – помогут. Хлебосольны, приветливы. Джауш, со своей стороны, стремился отвечать тем же.

– Доброй вам беседы! – обратился он к старикам.

Старики, нехотя и вяло поерзав, пренебрежительно буркнули:

– Да возлюбит тебя Всевышний.

А благочестивый хаджи из рода Тоховых – отец Жантугана Тохова – не скрывая раздражения, резко встал и демонстративно покинул жамат. Тохов уносил голову «подальше от тлетворного духа презренного гяура»...

Джауш, чуть помешкав, присел на тот же валун, на котором только что восседал хаджи. Старики молча переглянулись, и тихо друг за другом покинули *завалинку*.

С того вечера в душу Налоева закралась горькая обида: дома он ворчал на супругу, если та обращалась с каким-либо вопросом – Джауш неприязненно огрызался. Отныне стал отказываться и от соседского гостинца – хлеба-соли... При этом, если к нему обращались за

¹ Бейтуганов С. Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, «Эльбрус», 1988, с. 339 – 342.

² Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, с. 160.

услугой – оказывал её безмолвно. Так продолжалось некоторое время.

Покойный (теперь) Тепсыруко Бижоев был тогда молодым парнишкой. Как-то он возвращался из лесу на двух волах, запряженных в повозку, переполненную чинарой. Бижоев уже поравнялся с домом Джауша, как вдруг соскочило колесо и повозка, кренясь, пошла «вниз». Юноша растерялся и, обратившись к воротам Джауша, позвал:

– Эй, славный будь, дедушка!

Сыновей не было дома, Джауш молча вышел к молодому человеку, осмотрел повозку, взял колесо в левую руку, а правой, приподняв повозку за ось, вернул колесо на место, закрепил и, не проронив ни слова, пошел обратно к дому. Тепсыруко, онемев от удивления, глядел ему вслед. После этого случая аульчане незначительно «подобрели» к Джаушу.

В те времена наличие коня определяло статус мужчины. Какой же он горец – без коня-то! А в княжеских конюшнях (Анзоровых) содержался великолепный арабский иноходец – мечта и грёза всех окрестных конокрадов... Конюшни князевы – при круглосуточной вооруженной страже. Стояла глубокая ночь... Крик княжича Ельмырзы разбудил перепуганных караульных. Смотрят: не обращая внимания на оживленную беготню и разрозненные выстрелы, два лихих всадника нагло уводят холеного анзоровского красавца! Тут начался переполох: крики, погоня, перестрелка. Конокрады устремились к западной части Хатуей. Братья Анзоровы со своими всадниками – за ними. Вся ватага, стреляя – отстреливаясь, скучивается на подступах к Калеж. Здесь, наконец, в дыму стрельбы похитители отпускают коня и сами утекают в лесной массив. И тут же обнаруживается: погоня «отбила» у конокрадов пахотного мужицкого мерина... Иноходец?!

Исмаил, один из братьев, стоит посреди отцовского двора и хмуро отдает распоряжения (при этом из кисти его левой руки обильным ручьем льется кровь):

– Не иначе как чеченцы! Из местных горцев только они способны на подобную дерзость! Ну, не беда! Без брода через Терек им никак не обойтись. А теперь... – княжич, не договорив, осекся: с двумя скакунами, ведомыми под уздцы, и со свернутой буркой в подмышках, во двор вступает какой-то великан. Исмаил, узнав Джауша, ошалело смотрел на коней: иноходец! А второй... чужой? Джауш же бережно разворачивает бурку и выпускает на свет божий здорового парня, казака...

– Аллах всемогущий! Джауш, где ты все это раздобыл?!

– Проходили мимо моих ворот... Я перехватил, вот...

– Джауш, ты настоящий мужчина... Ты нам друг и брат. Ты настоящий сосед! Ты достойный горец! Проходи в дом, гостем нашим стань!

Под такие возбужденные возгласы братьев-княжичей Джауш перешагнул порог анзоровской гостиной и... И его угостили... чаем!.. (Да,

чай был с сахаром...) И отпустили домой со словами: «Ты не забыл, ты помнишь добро нашего отца. Мы не забудем и твое добро!..»

Джаушу и такая милость была приятна. Он уходил от княжичей, воспрянув духом.

На следующий день старейшины аула на сходке решили: «Добро! Добро... Будь Джауш стократ осетином, а поступил он как настоящий адыг. И что с того, что он гяур?! Не привез же он из своего лесного логова ни одной свиньи – уважил, значит, нашу веру. Джауш заслуживает нашего доброго признания. И мы уважим его – обратим хорошего человека в магометанство...» – так рассуждали старики, собравшись возле стен аульской мечети.

Призвали в мечеть добропорядочного «чужака». Хазиз-эфенди, поглаживая жиденюкую, как у скопца, бородку, повел речь:

– Джауш, ты истинный горец. Отважен. Благочестив. Отзывчив. Мы искренне рады признать тебя своим среди своих, равным нам аульчанином... Община решила, что ты заслужил доверия, и, закрепляя свое радушие, предлагает тебе прийти к нашей магометанской вере. Будешь мусульманином... Станешь рабом Аллаха Всемогущего! – Хазиз-эфенди при этом торжественно привстал и взглянул на Джауша. Старики, благодарно заулыбались Джаушу, они радовались его внезапному счастью: каждый из них наивно полагал, что косматому старому осетину несказанно лестно так возвеличиться в глазах аульского ареопага. И старикам жамаата от этого польза – благое дело творят: гяура обращают в истинную веру!

...Джауш растерянно похлопал ресницами, попятился – сперва на два, потом ещё на три шага:

– Я... я... же ещё тогда говорил Хату... Я уже сказал Анзорову, что не пойду в рабство! Никогда!

Хазиз-эфенди, смекнув, улыбнулся и, протягивая Джаушу ладони, пошел на него:

– Полоумный же ты, старик! Что за бред ты несешь? Какое такое рабство? Кто тебя призывает к рабству?! Не бойся же... неразумный! Мы про другое – мусульманином будешь! Успокойся ты... глупец!

– Нет! Нет... Джауш – может и дурак, но не раб! Ни Анзоровым не раб, ни Аллаху... Джауш – раб только перед всевышним Творцом.

После такого нелепого недоразумения Джауш твердо вознамерился вернуться в свой лес. Но тут тоже... нашла коса на камень – домочадцы и слушать не пожелали. За всю свою нелепую жизнь старик, вероятно, в первый раз переживал такой безысходный душевный надрыв: аульчане гнушались его, как гяура...

Неприкаянный дух старика метался, неистовствовал и снова рвался в заповедный лес... но дети, родные дети не чувствовали саднящую боль его душевной раны. Старика словно червь подтачивал.

Часы напролет он слонялся по двору и не находил себе занятия. Он страдал. Страдал от тягучей неотступной скорби. И тень отца все ближе подбиралась к нему, и чьи-то очи все пристальнее заглядывали в глубоко запавшие его глазницы... «Отец! Ох, отец... Богу стало угодно, что и меня не минует твоя печальная участь. Да! Немощи участь... Как же она отвратительна!» – в таких удручающих думах Джауша вдруг осенило... и он метнулся к сараю... Вошел. Просунув руку под высокий деревянный настил, нащупал старый отцовский топор. Вытащил исполинский тот топор и так же стремительно кинулся к просевшему дровоколу. Тут Джауш, размахнувшись широко, опустил топор и... промахнулся! Полено осталось невредимым. Джауш не верил своим глазам... Он снова поднял топор. Взмахнул. И снова промахнулся! Душа заметалась пуще прежнего:

– А магун мабар! – воскликнул Джауш и метнулся в дом. Скоро он снова появился на крыльце с отцовскими старым луком и колчаном в руках. Наладив тетиву, он подобрал стрелу и вгляделся в небеса. Цель кружилась высоко: неугомонный орлан с утра обозревал окрестности. Джауш натянул тетиву и... вольный птах, уронив крылья, камнем ударился оземь. «И на том благодарю! Одрях, но не ослеп», – подумал старик. И тут на плечи ему легли широкие добрые ладони. Дачи (это была она) неловко, но ласково приобняла мужа:

– Душа моя! Сокол ты мой! Каплю такой зоркости молодым бы парням! Да куда им?! Во всем Хатуей не найдется носящий папаху да способный на подобный выстрел! И громы, и молнии мечут нынешние, а неуклюжего кабана и того не зацепят стрелой. Что тут и говорить, обмельчала, исхудала земля... Не стало настоящих стрелков, настоящих мужчин. Времена! А ты, Дотэ¹, иди в дом. Иди, вот и кашконы возвращаются с полуденной молитвы. Обедать тебе пора. Потрапезничай. Отдохни...

Джауш, даром что великан, мгновенно обмяк от медоточивых речей старой спутницы и, тихо улыбаясь, пошел в дом. Много ли ему надо теперь для счастья?! Сумятица души, казалось, улеглась. А Дачи все еще гнетут недобрые мысли: «Духу угаснуть – доброму коню – в стойло! Примета – она верная... Чую, донес старик свой путь. Шибко мы перед ним виноваты. И зачем мы его не поддержали тогда?! Ушли бы с ним обратно в лес. И дом там по сей день целехонький. Может, еще и успеем?» – так рассуждала жена. Более того, она и сыновей надоумила: мол, с отцом поговорите. Пусть хоть в лесу – да жить еще будет, бог даст!

---

¹ Дотэ – (каб.) нариц. имя существительное. Так по Хабзэ адыгская женщина обращается к супругу (или к свекру, деверю), так как неприлично называть по имени (прим. пер. А. К.).

Но старику было уже безразлично, где «быть» – в ауле, в лесу ли. Хирел Джауш. Унывал. Временами, проговариваясь вслух, он сетовал:
– Ох, Хату, Хату! Как непростительно рано ты ушел от нас... Ох, Хату! Мочи нет... Как ты сейчас нужен!

Смятение духа и немощь телесная неумолимо наваливались на старика. Он страдал.

Майским утром, когда яблоневого цвет благоухал росой и медвяный дух стоял над усадьбой, Джауш, вопреки обыкновению, остался в постели. От завтрака он отказался: вяленое мясо на шампуре унесли нетронутым. Калмыцкого чая прихлебнул два глотка. От махсымы отвернулся, а когда предложили тонкого винца – осушил, как в молодости. Дачи спросила мужа:

– Отчего ты вдруг занедужил, свет мой? Что, где болит?

– Ничего у меня не болит. Всё со мной ладно. Такое дело: меня-то ночью Астан¹ тут навестил. Призывает...

...На похоронах собрались все аульчане. Пришли и братья Анзоровы. Хазиз-эфенди наотрез отказался хоронить:

– Язычник. Христианин. Гяур! Не быть его праху на мусульманском покое!

Джауша хоронили в гробу. Вывезли гроб в поле – там и предали земле. Над могилой возвели высокую насыпь-курган – “холмище”... – Этими словами Касбот Тохов закончил сказание про Джауша Налю – первого дигорского поселенца среди кабардинских адыгов...

Я хорошо помню это поле и этот курган.

Ещё в далёком детстве этот холм был излюбленным местом наших мальчишеских затей и наших же... страхов.

На гребне кургана образовалась воронка. Её приписывали гневу разъяренных небес на захороненного под холмищем... дескать, молния, сверкнувшая в господней карающей деснице, поразила землю, оскверненную гяуром! Но мы, дети, проводили там свое счастливое время: пока ясно и сухо – играли; а как соберутся тучи – по домам... Не на шутку мы боялись молнии, невзлюбившей «проклятое место». Утекая по домам, мы перекрикивались: «Завтра встречаемся на кургане Джауш!» Наступало утро – мы снова в прежней игре. Да, я не открыл тебе, мой читатель, в чем эта игра заключалась...

Мы спорили на храбрость и отвагу: кто смелее – взбегает на вершину кургана и, став в центре зияющей воронки, произносит:

Старый конь – бух-чубух!

Я мужчина, и прийти смог!

Если ты слывешь мужчиной,

Так попробуй, полони меня силой!

¹ Астан – родоначальник племени дигорских Налю – (прим. перев. А. К.).

После такой тирады «смелейший» три раза сплевывал через плечо и покидал «логово шайтана». Надо сказать, что при этом поджилки героя, бросившего вызов, отчаянно тряслись. Кстати, пораженное молнией место считается дьявольским только у мусульман, у друидов же – напротив: именно там явилась благодать небесная, там и принято молиться, возлагать дары, проводить традиционные торжественные ритуалы.

Курган Джауш теперь отмежевался к домовладению Забита Белимготова.

Все Налоевы (без исключения), проживающие на территории Кабардино-Балкарии, являются прямыми потомками Джауша. Внемли, потомок! Навсегда запомни: мы дети одного мужчины! В ауле Хатуей совсем немного тех, с кем мы не породнились; будь то брачными узами, будь то узами священной человеческой дружбы. Я сам почитал покойную Каражан Бижоеву, как родную сестру. С Кушби Тарчоковым мы были близки, как единоутробные братья. И эти отношения были обоюдными, потому что нас питали священные сосцы одной земли; вспоили воды одной реки-матери (Урух), пестовали одни берега.

Потомок, где бы ты ни жил, ни бывал, в столицах ли, здесь ли поблизости – мой тебе добрый наказ: когда-нибудь оказавшись в родных пенатах, непременно испей водицы из стремнины родного Уруха. А покидая её пойму, не забудь навестить курган Джауш и воздать ему земной поклон. Если вдруг (по суете) это не удастся, тогда будь памятливым и благовестен: наедине с собой замри на краткое мгновенье, очнись и отпусти ему светлый Салам...

Перевод с кабардинского Асият Карма

БРИГАНТИНА ИСМЕЛА

Новелла

Война закончилась, но раны ее болью отдавались в душах людей. Уцелевшие с горечью вспоминали погибших; многие вернулись с увечьями – кто без ноги, кто без руки, а кто-то весь израненный. Неженатые мужчины, оставившие свежесть молодости и здоровье на полях сражений, ближе к полудню собирались на перекрестке и тихо беседовали, будто не веря, что остались в живых. Они гордо поблескивали наградами, поглядывали на проходящих девушек, заставляя их краснеть.

Один, воображая, будто забыл родной адыгский язык, на ломаном русском рассказывал, как поймал немецкого офицера; другой красочно

излагал байку о том, как переспал с младшей дочерью Черчилля, третий слушал и хихикал, зная, что все это чистой воды ложь...

Ушедшие на войну юношами, они вернулись домой мужчинами – им удалось взять Берлин и вернуться на родину. Заглянуть бы сейчас в их души, мы бы услышали только два слова: «Победили-выжили!», «Победили-выжили!..». Именно эти слова, сверкая в их душах, выплывали исламей. Враждовавшие до войны из-за кровной мести теперь при встрече пожимали друг другу руки и мирились; жених, чью невесту украли, и его обидчик, увидев друг друга, не лезли драться, а кидались в объятия – таким был 1945 год.

Это было предисловие к рассказу о том, что произошло девятого августа того же победоносного года и чему я лично был свидетелем – надо же было с чего-то начать свое повествование!..

После недавнего дождя люди и лошади так протоптали дорогу, что казалось, она покрыта асфальтом. Здесь-то и собрались побеседовать вчерашние солдаты, устроившие взбучку самому Гитлеру. Среди них был и тот, кто «переспал» с младшей дочерью Черчилля, и тот, который поймал немецкого офицера. В кузне особо заняться нечем, я устроился на камне у входа, чтобы наблюдать за этой сходкой.

Тут из Унаритовского двора, оставшегося без ворот, вышел высокий худощавый молодой человек и подошел к беседающим. Ни по одежке, ни по поведению не походил он на мужчин, вернувшихся с войны. Был печален, шел медленно; широкие серые брюки не доходили ему до щиколоток; полотняная обувь делала его походку бесшумной. Он подошел к кузне и остановился в нерешительности. Казалось, боялся, что эти молодые люди могут не принять его.

Прищурив глаза, Хажболат пристально всмотрелся в худощавого мужчину и вскрикнул, блеснув своим единственным золотым зубом:

– Если глаза меня не обманывают, то это Исмел... Кораном клануть!

Подошедший мужчина улыбнулся из-под усов:

– Ты угадал, Хажболат...

Хажболат встал, подошел к нему, взял Исмела за руку и, пожимая ее с силой, сказал:

– Пусть Всевышний воздаст тебе за все мучения!

– И тебе того же желаю, Хажболат. Честное слово, это вам было тяжело, а что я!.. Вы сражались за Родину!..

Все стали пожимать руку Исмела и обнимать. Медали и ордена, которыми были увешаны гимнастерки молодых людей, впивались в грудь Исмелу, словно напоминая, чем он отличается от своих односельчан. Мисост был последним, кто подошел к Исмелу. Опустив глаза, он протянул ему левую руку – правый рукав свисал – и вяло поздоровался. Потом, набравшись храбрости, приобнял:

– С возвращением, Исмел! С возвращением, дружище! Пусть Всевышний воздаст тебе за трудности, что ты перенес!..

– Спасибо, братья! Спасибо! – с чувством отвечал Исмел. – Уаллахи, всех почестей и благодарностей достойны вы! Через что только вам не пришлось пройти, но сумели-таки остаться в живых!.. А что я?.. Я поседел, завидуя вам, поседел, горюя над своей бесполезной участью... Вот и все мои страдания... А вы воевали, выжили, вернулись – вот это действительно радость.

– Это верно, – лицо Хажболата опечалилось. – Только вот половина из нас не вернулись домой...

– Какая там половина! – возразил Мисост. – Кораном клянусь, и одной трети из нас не вернулось!

Начали считать и выяснили, что из ушедших из ближайшей округи пятидесяти человек вернулись только тринадцать.

– А в эти тринадцать входит наш старый полковник? Он хоть и не вернулся, но жив, – ехидно улыбнулся Мисост. – Он ведь командует целой дивизией.

– И то верно! – Хажболат загнул на руке еще один палец. – Четырнадцать!

– Забыли, а ведь и Безир вернулся, – вставил свое слово Николай Лакодугов.

– Как это возможно? – Мисост оттопырил губу, словно только узнал об этом. – Ведь его кончину оплакивали три года назад?!

– А вот и возможно. Он в Италии партизанил, – ответил Николай и, подойдя к Хажболату, загнул на его руке еще один палец.

– Итого пятнадцать!

– Из этих пятнадцати можно вычеркнуть Хажмурзу! – сказал Мисост.

– А что, он при смерти? – удивился Хажболат.

– Лучше умереть, чем так! Без ног и без одной руки... Это разве жизнь...

– Ау, не говори так, – возразил Хажболат. – С душой-то он не расстался! Ты-то сам, Мисост, когда эти сукины сыны, пролетая над тобой, бросали в окоп бомбы, разве не молился, чтобы только души тебя не лишили?

Мисост хотел было возразить, однако, словно вспомнив о чем-то, съежился.

– А Исмел входит в число уцелевших? – спросил кто-то.

И фронтовики разом затихли, переглянулись, словно было сказано нечто зазорное, а потом все разом посмотрели на Исмела. Он же, словно совершил поступок, достойный осуждения, опустил голову.

...На второй день после начала войны вместе с односельчанами

Исмел отправился в Лескен, районный центр, с просьбой отправить его на фронт. В такие моменты и познается сущность мужчины. «Я должен быть на передовой», – думал он. Но спустя неделю работавшего на сенокосе Исмела арестовали. Ему даже не позволили заглянуть домой – взять пожитки, еду, попрощаться с матерью.

Весть об аресте Исмела казалась невероятной: ни среди мужчин, ни среди женщин села едва нашелся бы человек менее заслуживающий какого бы то ни было осуждения: не воровал, не скандалил, был немногословен, проводил большую часть времени, уткнувшись в книгу. Все знали, что после окончания школы он отправил свои документы в Одессу, в мореходку, – мечтал стать капитаном корабля. Активнее всех участвовал во всех комсомольских делах, его ставили в пример сверстникам. А оно вон как обернулось...

Исмела я помнил высоким, худощавым, с размашистыми руками, хотя сейчас он стал более приземистым, будто даже ниже ростом. Тогда, еще до войны, он ходил так, будто мерил землю шагами – с силой выбрасывал вперед длиннющие ноги, а следом и руки. С нами он разговаривал так же серьезно, как со взрослыми. Когда он шел на реку Урух купаться, в руках его почти всегда была книга. После купания, покувыркавшись в водовороте до посинения, он, в чем мать родила, устраивался на камне поудобнее и сидел так, подставив свое тело солнечным лучам, пока не согреется. Затем усаживался под тутовником, упершись о ствол спиной, и увлеченно зачитывался невиданными толстенными книгами. Спустя какое-то время он снова спешил к реке, чтобы освежиться, нырял в воду, и тут же его длинная черноволосая голова показывалась над водой. Его не пугало, что водоворот мог оказаться бездонным, и уж совсем не страшила богиня реки – Псыхъуэгуащэ.

Хотя зачем вам все это знать... Просто я хотел сказать, что Исмелу был нипочем этот страшный водоворот, связанный с мировым океаном. Таким он был!

Однажды – я был тогда мальчишкой – переплыв через реку Урух и забравшись на тот самый камень, я увидел Исмела, изучавшего огромный атлас и напевающего вполголоса песенку:

*Капитан! Капитан! КъэгуфIэжыт –
Уэ уи гуфIэр ар ди кхъухъым и бэракъц!
Уэ-рира, уэ-рира, уэрирайрэ,
Уанэу-рирарарэ рирэ-ра!
Капитан! Капитан! Подтянитесь –
Толка вольнэм пакаряется тенджыз!*

– Уарэ, есть и такая песня?! – удивленно спросил я, услышав песню со словами и на кабардинском, и на русском языках.

– А что ты думал? – гордо ответил Исмел. – В мире есть много всего, о чем ты даже не слышал. Не бойся, через неделю эта песня вся будет кабардинской. Выучишь?! – спросил он, сверкая серыми глазами – Давай: «Капитан! Капитан! Улыбнитесь, ведь улыбка – это флаг корабля!» Что же ты не повторяешь, а?

– Я не умею петь, у меня нет голоса, – я смущенно опустил голову.

– Бедняга, как тебе не повезло! – искренне посочувствовал мне Исмел. – А как же ты без голоса живешь? Вспомнил! – вскрикнул вдруг он, ударив себя по ляжкам, точь-в-точь, как это делают женщины. Знаешь что, дружок, каждое утро бери в курятнике по яйцу и ешь его сырым – через месяц запоешь звонче соловья! Вот! Не забудь! Не забудь воспользоваться советом! – Нахмутив брови, Исмел продолжил: – Теперь давай посмотрим, годишься ты быть моряком или нет.

Я был наслышан, что Исмел проводил проверку всех наших мальчишек на пригодность к профессии моряка.

– Я задам тебе вопрос, а ты хорошенько подумай и ответь на него. Итак: сколько океанов на земном шаре?

– А я откуда знаю!

– У-у, дуралей, какой из тебя тогда выйдет моряк! Иди сюда, я тебе сейчас покажу, а ты запомни! Вот, братишка, его называют Северным Ледовитым океаном! – Исмел достал изо рта трубку и обвел мундштуком синий край на бумаге. – Повтори!

Я протянул к карте мокрые руки, чтобы так же, как он, очертить границы океана и повторить его название. Но Исмел ударил меня по рукам и всерьез рассердился.

– Балбес! – выпалил он. – Где ты видел, чтобы капитан трогал карту пальцами? Тем более мокрыми! Настоящие капитаны указывают на карте – курительной трубкой! – Именно для этой цели у Исмела и была трубка, хотя сам он никогда не курил.

Я взял трубку и, очертив мундштуком синее пятно на карте, произнес:

– Вот это – Северный Ледовитый океан!

– Ишь какой! – Исмел прищурился. – Если ты такой умный, покажи, где находится Великий, или, как его еще называют, Тихий океан! – произнес он величественно, будто это был текст гимна. Наверное, имя любимой девушки звучит так же в сердце влюбленного юноши!

– Вот! – показал я. – Он расположен между Советским Союзом и Америкой. Вот и вылезший из океана Сахалин, словно линкор, простерся на Дальнем Востоке!

– Хы! – Исмел удивленно глядел на меня. – Знаешь, оказывается. А где тогда Индийский океан?

– Здесь!

После такого экзамена Исмел смотрел на меня, как на родного человека.

– Знаешь ли ты, дуралей, в чем твое предназначение?

– Откуда же мне знать, – я пожал плечами.

– Ты рожден, чтобы стать капитаном большого корабля. Для кругосветных путешествий.

– Да куда там! – удивился я.

– Раз я сказал, значит, так оно и есть: я-то разбираюсь в этом деле.

– Ухватив меня за ухо, он притянул меня к себе и таинственно сказал:

– Через несколько лет я стану капитаном и, если хочешь, возьму тебя с собой помощником.

– А кто же тебя капитаном сделает?

– Зачем, ты думаешь, я сижу над книгами десятый год? – он стал на колени и указательным пальцем постучал по моему носу. – Я, дружок, в следующем году собираюсь поступать в Одесское мореходное училище! Я им уже отправил документы, обо всем договорился. – Он разволновался, сердце его учащенно билось. – Через каких-то три-четыре года я закончу училище на отлично и, пожалуйста, – капитан товарищ Унаритов готов! Ты вообще со мною не шути, пацан: на всем земном шаре нет ни одного океана, моря, озера, пролива, залива, бухты-мухты, реки, речки, которых я не знаю, как свои пять пальцев. Все, по чему движутся корабли, я изучил! Изучил также все морские пути не только Советского Союза, но и всего мира! Я знаю все про корабли и их строительство. Даже сегодня меня смело можно назначить старпомом! По уму! Знания позволяют! Если за всю мою жизнь на Земле останется хотя бы одно море, где я не успею побывать, то смерть моя будет двойной. – Исмел говорил уже не со мной, он с блаженством воображал дальние путешествия. – Запомни, Блюта (так меня звали родители и соседи), еще услышишь ты мое имя, знаменитое во всем мире. Рожденный в Урухе, утолявший жажду водой из реки Урух Унаритов Исмел проявил невиданное мужество – так будут говорить обо мне.

Он снова потянул меня за ухо и, приблизив мою голову, продолжил шепотом:

– Эхе, до сих никому не приходило в голову пересечь на подводной лодке Северный Ледовитый океан, проплыть под его льдами. Вот! Увидишь своими красивыми глазами, как я сделаю это! Знаешь, что я придумал? Я строю корабль! Я начал строить корабль! Вот!

Забыв про боль в ухе, я изумленно глядел на Исмела. Мне казалось тогда, что во всем мире не найдется равного ему мужчины. Я сравнивал его с Чкаловым; он напоминал мне Магеллана...

– Не веришь? – Исмел поднял меня за уши и пристально посмотрел. Я не знаю, что в этот момент выражали мои глаза, но его были ясны, в них не было и тени притворства. – Если не веришь, идем ко мне, я покажу! Идем!

И он, не умолкая ни на минуту, буквально потащил меня за собой. Мы дошли до его дома, он завел меня на задний двор.

– Вот моя бригантина! – объявил он.

В огороде Унаритовых стоял недостроенный корабль метров десяти в длину. Он был подобен вытянувшемуся в полете журавлю, корпус был обшит струганными досками. Только что мачты, парусов и руля, пожалуй, неоставало Исмеловой бригантине. Я обомлел.

– Позволь мне сесть! – взмолился я.

– Ты дурак?! Разве можно в недостроенный корабль садиться? Сядешь, когда закончу. Если хочешь, возьму тебя с собой в путешествие. Только у матери отпросись.

– А куда ты отправишься? – я не понимал, куда и как он собирается плыть. Поблизости не было воды.

– Эхе, когда в Урухе будет половодье... Когда богиня реки родит и наполнит своим молоком Урух, тогда я спущу бригантину на воду, сяду в нее и... Ищи ветра в поле! По широкому руслу полноводного Уруха я доберусь до Терека за полдня. Дальше, по Тереку я доплыву до Каспийского моря. Понял теперь? И как только об этом станет известно, газеты напишут обо мне, меня будут показывать в кино. Тогда для морехода откроются все двери – просим вас, товарищ Унаритов! Жаль только, что Терек не в Черное море впадает – тогда я доплыл бы до Одессы! Вот это было бы событие! Узнав об этом, мне по окончании училища доверили бы большой корабль для большого плавания!

...Год спустя бригантина была практически готова, за исключением одной небольшой, но очень важной детали – якоря. Именно тогда и арестовали Исмела.

Вот, что лишило его сил, окрасило его черные, как перья ворона, волосы в белый цвет. Сейчас он был готов провалиться сквозь землю. Кто его знает, может, он и стал бы капитаном, как и мечтал, если бы его не посадили. По крайней мере, из него вышел бы отличный солдат. Во что я безоговорочно верю, так это в то, что он не сбежал бы с поля боя, он с честью принял бы смерть. Но что прошло – то прошло. Сейчас Исмел неподвижно стоял перед односельчанами, уставившись в землю.

– Так Исмел входит в число выживших? – повторил свой вопрос Николай.

– Даже если мы его не посчитали, то должны! – ответил Хажболат.

– Разве он не отсутствовал столько же, сколько и мы; разве он не пережил войну? Уаллахи, пережил!

От этих слов в груди Исмела колынуло: он вполне осознавал их лукавство.

– Считай, повезло Исмелу, что его арестовали, а то остался бы лежать на поле боя, – ляпнул Николай. Уловив в своей мысли долю правды, он принялся развивать ее: – Уаллахи, Исмел, доносчик оказал тебе большую услугу. Сам того не подозревая, он уберег тебя от адского пламени, уаллахи! – Николай умолк, сообразив, что несет чушь.

Но вдохновленному этой мыслью Мисосту показалось, что он сейчас может оседлать альпа, который вынесет его из адского пламени, сжигавшего все эти годы:

– Как верно ты подметил, Николай! Считаю, доносчик подарил тебе жизнь!

В эту самую секунду внутренний голос подсказывал Мисосту, что не стоит продолжать дальше, пора притормозить: кто же поверит в такую чушь! Но Мисост настолько разогнал, что уже ничто не могло его остановить.

– погоди, а что если бы ты вернулся глухим, ослепшим? Ведь то была невиданная доселе война. Да ты просто везунчик, что не попал на нее! – Сейчас он не хотел разбираться, где в его словах правда, а где ложь: ему казалась, что момент сейчас самый подходящий, чтобы избавиться от чувства вины четырехлетней давности. И вцепившись, как ему показалось, в мифического коня, он с жаром продолжил.

– Поглядел бы ты хоть одним глазом на этот ужас при форсировании Днепра! За всю историю конец мира наступал два раза: когда был всемирный потоп, и второй – после сильнейшего пожара. Так знай, тот ад, через который мы прошли, был третьим. Видимо, судьба была благосклонна к нам, и мы не допустили наступления третьего конца света! – До глубины души поверивший в собственные слова, Мисост решил идти до конца. – Не знаю, оценишь ли ты бесценную услугу, которую я тебе оказал!

Волнение заставило Исмела превратиться в одно большое ухо, он жадно ловил каждое слово Мисоста. И даже смысл последней фразы вначале прошел мимо его внимания.

– Скажи, что может быть дороже жизни?! Ты обязан мне не меньше, чем собственной матери. Думаю, я заслужил стол! – Мисост подошел к Исмелу и протянул руку, не сомневаясь, что тот пожмет ее.

Исмел поднял голову и взглянул на Мисоста, с которым с первого класса сидел за одной партой в школе.

– Да, дружок, это по моей наводке тебя арестовали! – сказал Мисост, хотя внутренний голос твердил ему, что еще не поздно остановиться. Но Мисост решил идти до конца!

...Сложно было найти человека столь спокойного, как Исмел, который усидел бы за одной партой с Мисостом несколько лет. Он был таким добродушным и доверчивым, настолько увлеченным своей мечтой, что не замечал ничего, что не касалось его идеи. Не видел он и зависти окружающих: ему казалось, что все люди так же открыты и добродушны.

Мисост с рождения был большим завистником. Он учился лучше всех в классе, однако оценка «отлично» соседа по парте вызывала в нем физическую боль. Он был из самой богатой семьи в селе – еще бы,

отец – завхоз! – все необходимое они привозили из Нальчика, столицы республики. Тем не менее, когда он видел, что кому-то купили велосипед или лыжи, то моментально впадал в уныние. При этом старался не показать свою зависть, даже когда она его буквально выворачивала изнутри, он продолжал улыбаться, давал советы. Однако стоило взглянуть в его глаза, как тотчас тебя обдавало холодком. Для зависти к Исмелу поводов особо и не было. Пока не появилась Лейла. Та самая девушка, которая нравилась Мисосту, от которой он буквально был без ума. А Лейла его никак не выделяла среди других, более того, он заметил, что она чаще улыбается Исмелу, чем ему.

Сама того не зная, масла в огонь подливала мать Мисоста. В минуту особой расположенности к сыну она уверяла, что приведет ему невесту Лейлу в большой золотой шапке. Утверждения матери внушили ему, что дочь Борежевых должна принадлежать только ему. Чтобы убедиться в своей правоте, Мисост стал следить за Лейлой. Однажды вечером напротив дома Хажмурзы Срукова, сразу за ручейком, спрятавшись под ветвями высоких ив, Мисост поймал этих двоих, как он почитал, с поличным: Исмел и Лейла о чем-то перешептывались. Мисоста охватила безудержная ярость. Просто разорвал бы Исмела на куски! Однако он не посмел даже показаться перед ними, ведь Мисост боялся Лейлы больше, чем самого Аллаха!

Что и говорить, Мисост прекрасно понимал, что в том нет никакой вины Исмела, что Лейла сама назначила и место встречи, и время указала. Сам же Исмел был настолько увлечен своей фантастической идеей и строящейся бригантинной, что ему точно было не до свиданий. Если можно было его в чем-то упрекнуть, то только в том, что не устоял перед манящими чарами черноокой Лейлы. Осознающий это Мисост, увы, не обладал душой, способной принять такое положение вещей. Он поклялся себе, что отомстит Исмелу. План мести не сразу нарисовался в его воображении. В кулачном бою он мог быть побежден. Начни он над Исмелом подтрунивать, так насмешки тому как с гуся вода: сам громче всех над собой будет смеяться!

Мисостом так овладела идея мести, что его стала мучить бессонница. Как-то перед сном в его воображении возник недостроенный корабль Исмела, и он резко вскочил с кровати: наконец-то нашелся способ поквитаться с соперником! Кажется, сам Исмел так не радовался, когда у него созрел план построить корабль и выйти на нем в Каспийское море, как радовался Мисост мысли о возможном аресте своего одноклассника!

Было уже далеко за полночь, когда Мисост встал с кровати, включил свет и написал «куда надо» – мол, так-то и так, пока не поздно, сообщаю, что житель селения Старый Урух Унаритов Исмел хочет покинуть страну. Он строит корабль и при первом половодье реки Урух

выведет свою бригантину на воду, доплывет до Терека, по нему в Каспийское море, а дальше доберется до Ирана... Там он собирается присоединиться к своим родственникам, эмигрировавшим в Стамбул во время Русско-Кавказской войны... «Даже если Исмела не арестуют, то погоняют хорошенько», – размышлял Мисост.

Не подписав письмо, он запечатал конверт и уже утром отправил. Энкавэдэшники не заставили себя долго ждать. Осмотрев корабль, они не посмеялись и не ушли, а арестовали Исмела...

– Да, дружок, это из-за моего доноса тебя арестовали, – повторил Мисост, и в этот момент, осознав свою глупую оплошность, похолодел. О том, что нужно было скрывать даже от самого Аллаха, он рассказал сам.

Он еще больше это осознал, увидев нахмуренные лица друзей. Силы стали его покидать. Казалось, темные, густые облака застлали солнце, и жизнь Мисоста стала меркнуть. «Хоть бы это был сон, проснуться бы сейчас», – подумал он про себя. Но куда там. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь!

– Это, знаешь... покинуть страну... на корабле уплыть... – Стараюсь вывернуться, Мисост еще больше ухудшал положение своими объяснениями. – Хотел в Персию отправиться... В Стамбул затем... Для этого построил корабль... написал я... знаешь... шутя...

Мисост поднял глаза и увидел враждебные взгляды односельчан, тех, кто еще несколько минут назад были его друзьями, с кем он вместе прошел войну. Он оцепенел и не мог сделать ни шагу, но продолжал выталкивать из себя слова:

– Теперь... видишь... слава Богу... ты вернулся целым и невредимым.

Все это время Исмел стоял молча. Но услышав последние слова, словно очнулся. Его рука взмыла вверх, и на всю улицу раздался резкий звук пощечины. После этого Исмел обхватил Мисоста, приподнял его над землей и бросил в лужу с лягушками.

– Сволочь! – закричал он. – Лучше тысячу лет воевать, исполняя свой долг, защищая своих родителей, чем месяц просидеть в тюрьме.

Исмел направился к реке.

– Разве вы прошли через унижение?.. Разве ваше достоинство растоптали? – продолжал говорить он.

Первым за ним кинулся Хажболат.

– Если он, – Хажболат указал на все еще барахтающегося в луже Мисоста, – негодяй, в чем виноваты мы?

Слезы застилали глаза Исмелу. Он посмотрел в лицо Хажболату, на его грудь, увешанную орденами, похлопал его по спине и пошел дальше.

К этому времени Мисост, выражая свой гнев всеми ему известными непечатными словами, наконец-то выбрался из лужи. Удивительно,

хоть он упал на землю спиной, но в грязи оказался буквально весь – и лицо, и ноги, за исключением груди, на которой блестели боевые награды.

– Сукин сын, контра! Ты должен был сгнить в тюрьме! – негодовал Мисост, пытаясь вытереть лицо, но от этого оно становилось еще грязнее. – Сделал ему одолжение – уберег от войны! Дурак тот, кто тебе добра желает!

Сверкая глазами, поджав губы, Мисост не мог остановиться.

– Посмотрите-ка на него! Он вздумал унижить советского солдата, победившего фашизм; не получится, выкуси! – кричал он вслед Исмелу. – Вот, смотрите, мои ордена так же чисты, они ничуть не испачкались! Вот! – выпятив грудь, он подходил то к одному, то к другому, но не услышал ни одного слова в поддержку. Продолжая молчать, фронтовики стали расходиться.

.. Все это я видел собственными глазами. О том, что произошло потом, знаю только понаслышке, а потому не стану убеждать вас в достоверности рассказа Хажболата, но знаю, что он правдив.

А случилось вот что. Как известно, Лейла не досталась ни тому, ни другому. По словам Хажболата, она преподает в университете, у нее прекрасный муж. После той встречи Мисост предпринял еще одну попытку вновь заключить Исмела в тюрьму, но ни один человек не согласился быть его свидетелем. Исмел в поте лица трудился на поле, а Мисост, вернувшийся с войны одноруким, устроился учителем в школу. Он всячески избегал встреч с Исмелом, так боялся его! Больше смерти боялся! И это человек, который во время войны служил в разведке. Мисост был незаменим, когда командованию требовались доносы, и выполнял он эту миссию с энтузиазмом! Да, Блюта, именно таким он и был. Не робевший перед немцами Мисост до дрожи в коленях боялся Исмела. Нет, вовсе не смерть от рук бывшего одноклассника пугала его, он боялся одного взгляда его! «Лучше оказаться под дулом автомата, чем под его взглядом», – часто говаривал Мисост. Я своими ушами слышал это – на свадьбе Билостана Машукова...

Раскрыв пачку сигарет «Казбек», Хажболат протянул мне одну, взял и себе. Вначале он зажег спичкой мою сигарету, а потом уже свою. Мы оба затянулись.

– А что, так лучше? – улыбнулся я.

– Это сближает, Блюта. Это я узнал на войне...

Хорошо затянувшись, Хажболат продолжил свой рассказ: слова и дым выходили из его рта одновременно. – Так вот, Блюта, если продолжить начатую мысль, то она сводится к тому, что Мисост-то боялся не Исмела, он страшился самого себя... Как же тебе это объяснить?.. Думается мне, его приводил в ужас совершенный им поступок. Чорт иуэ знайт, Блюта, но видишь ли, Исмел свое время вынес и жил теперь

с чистой совестью, а этот... Мисост этот... Он своей оплошностью обрек себя на мучения. Нет! Нет! – Левой рукой Хажболат взял меня за руку, будто хотел остановить, чтобы я не возражал ему. – Подожди, Блюта, я и сам понимаю, каков тяжкий грех на том, кто сломал создаваемый Исмелом красивый мир. Против этого я не возражаю. Но! Хоть и говорят, что ада не существует, но уже здесь, в этом мире, люди вынуждены нести бремя своих грехов.

Хажболат не нуждался в моих комментариях, просто хотел свести свою философию в логическое русло.

– Уопшэм, ты как знаешь, но если бы мне пришлось выбирать из этих двух мытарств, клянусь Кораном, я бы выбрал мучения Исмела! – Он внимательно окинул меня взглядом.

– Слушай, что было потом. – Откашлявшись, он продолжил свой рассказ: – В пятьдесят первом, когда, помнишь, река Урух разлилась вовсю, прямо напротив Даукуевых начали делать небольшие запруды, чтобы речной поток не повредил жилые дома. Бригадиром тогда был Хацуков Зрум. По его просьбе Исмел присоединился к работе. По возвращении из тюрьмы он стал закрытым, менее общительным. Однако руины былых мечтаний давали о себе знать, и, возводя запруду, он приободрился; ему почудилось, что он словно на своей бригантине плывет по волнам Уруха. Да, так он и сказал! Так вот, Блюта, небольшая запруда была уже почти готова, как вдруг поток усилился, и вода, словно десятки разъяренных львов, стала пожирать препятствие на своем пути. И в это мгновение раздался крик: «Человек тонет!».

Кто-то из сельчан оказался в воде, стремительное течение подхватило его и понесло вниз. Все со страхом смотрели на погибающего, но никто так и не решился броситься в реку. Никто, кроме Исмела! Он не знал, чью жизнь решил спасти... Уаллахи, не знал! Но даже если бы и знал, то все равно пришел на помощь. Такой он был человек!

В общем, кинулся он сломя голову на помощь... и утонул. Разве можно было кидаться в такую бурную реку? Исмел сразу скрылся под водой, и поток понес дальше его безжизненное тело.

Только вечером в междуречье нашли два трупа. Вторым оказался Мисост. И такое случается, Блюта! Говорят, Мисост возвращался из соседнего села Коголкино, где был на свадьбе у родственников жены. Подошел к односельчанам – помочь ли, посмотреть, как они работают, кто его знает. Упал в воду, а с одной рукой как выберешься. И такое бывает... – Хажболат погрустнел, задумался, а после паузы продолжил: – Лейла приехала на похороны. Она, как и подобает адыгской женщине, в черном платье, с покрытой головой, с белоснежным платком в руках, оплакивала Исмела. Но к родственникам Мисоста даже не подошла. Это многим не понравилось...

Спустя несколько лет после этих событий я встретился в ресторане

в Нальчике с Николаем, другим свидетелем той сцены. И все время, пока мы ждали, когда официанты принесут наш заказ, – а они, как всегда, не торопились, – он поведал мне следующее:

– Тела Исмела и Мисоста нашли на противоположных берегах Уруха. Но привезли в одной телеге. По настоянию муллы Хаджи-Джария их похоронили рядом. На могилах обоих вырос шиповник. Куст Исмела устремился на восток, а Мисоста куст – на запад. Каждую весну шиповник на могиле Исмела расцветал белыми цветами, а на могиле Мисоста – черными. Да, Блюта, ты можешь в это верить, можешь нет, но когда цветет шиповник Мисоста, на одной из веток можно заметить два красных и три белых цветка. Я видел это своими глазами! Ты понимаешь, что это значит, Блюта?..

– Такое бывает, только надо у ботаников спросить, с чем это связано...

– Причем тут ботаники, Блюта! Два красных цветка – это два ордена на груди Мисоста, а три белых цветка – его медали! Хочешь, верь, не хочешь, не верь, но цветы на этой ветке я видел сам!

Клянусь Кораном, каждую весну из всех кабардинских сел, балкарских аулов и русских станиц съезжаются люди, чтобы посмотреть на цветение шиповника на могилах Исмела и Мисоста. Им не разрешают заходить на кладбище, они смотрят издали. Уходят, качая головой...

Тут принесли наш долгожданный заказ, и больше о кустах шиповника, растущих на могилах Исмела и Мисоста, мы не говорили. Но прошлой весной, когда умер бедный Бежды, мы с Хачетловым Чеченом осмотрели кладбище и убедились, что рассказ Николая был выдумкой: Исмела похоронили среди Унаритовых, а Мисоста – среди его родственников.

И право, чего только не придумают люди...

Перевод с кабардинского Заремы Князевой

Гульфия БАЗИЕВА,
кандидат философских наук,
КБИГИ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА БОРИСА ЧИПЧИКОВА

Индивидуальность писателя неразрывно связывается с его мироощущением и находит выражение в языке, жанре, композиции, ритме, интонации – сложном конгломерате компонентов, составляющих идиостиль. У каждой творческой индивидуальности существуют особые способы организации словесного ряда, ритмико-интонационные, композиционные и жанровые предпочтения, которые определяются не только социально-психологическими особенностями личности, но и художественными тенденциями «пространства и времени».

Б. М. Чипчиков

В современный период человек становится психологически, эмоционально и интеллектуально вовлеченным в различные культурные пласты, что проявляется в многослойности художественного образа, смешении стилей и жанров. Постмодернистские тенденции сказываются и в том, что творческая индивидуальность писателя начинает определяться не только интеллектом и самодостаточностью, но и гибкостью мышления, «разомкнутостью» в мир, способностью быстрого и немедленного реагирования. Наверное, поэтому достаточно популярным в литературе становится жанр лирической прозы, позволяющий любые явления повседневности преподносить необычайно ярко и красочно.

История развития жанра в русской литературе начинается со знаменитых стихотворений в прозе И. С. Тургенева, продолжается в рассказах И. Бунина, миниатюрах М. Пришвина, К. Паустовского, «крохотках» А. Солженицына и длится до сих пор. В настоящий период, опираясь на богатые традиции русской классической литературы, национальные писатели обогащают данный жанр собственным мировоззрением и неповторимым колоритом.

Первый сборник Б. Чипчикова «Возвращайся свободным» (Нальчик, 1998) включает разнообразные по жанру и стилистике произведения (рассказы-воспоминания, аллегорические новеллы, философские этюды и др.). Выдвигая на первый план зарисовки мелких эпизодов окружающего мира, мимолетные мгновения, писатель выстраивает собственную концепцию лирической ритмичной прозы. Ритм присутствует в любой прозе, так как самые обычные фразы могут сканди-

роваться, разбиваться на последовательность более долгих и кратких сегментов, но когда мы знакомимся с подлинно значительной ритмической прозой, она позволяет нам полнее ощутить текст, что-то в нём выделяя, что-то связывая воедино.

Л. Гемуева в статье, посвященной творчеству писателя, пишет: «Его стиль – спрессованный, до крайности уплотненный библейскими, философскими, этическими, эстетическими, историческими аллюзиями текст. В этом смысле он поэт, отказавшийся от метрики и пишущий прозу – на каждое слово в строке неимоверная семантическая нагрузка»¹.

В рамках жанра лирической прозы автор достигает особой доверительной интонации, разговора с читателем напрямую, без посредников. В проникновенной интонации стремление объединить опыт внутренний с внешним – и, размышляя, достичь гармонической цельности. Но размышление это осуществляется не в виде отвлеченных сентенций, а через осмысление прошлого исторического, религиозного, культурного опыта. Человек, не знающий, где родился и куда уйдет, по мнению Б. Чипчикова, подобен вазе, разбитой вдребезги. Пытаясь найти ответы на вечные вопросы бытия: «Куда иду? Зачем иду? Шел ли я вперед или, быть может, так мне казалось, а на самом деле пятился назад к истокам?», автор обращается к различным пластам истории своего народа.

Рассказ-воспоминание Б. М. Чипчикова «Бэлла» о судьбе поколения, выросшего на чужбине, поколения, для которого Кавказ был только загадочным и холодным словом. Плацкартный вагон – место воспоминаний и своеобразная точка, вмещающая в себя прошлое и настоящее. В прошлом: ожидание встречи с родиной, теплое чтение книг, «оранжево-однородная Азия». Кавказ встретил «рваным туманом», «опавшими листьями», «скалами со всех сторон». Но продолжают «цвести» книги – «теплые островки среди бесконечного ненастья». Авторское место в середине вагона – еще одно звено в цепи взаимосвязей – географических, исторических, литературных: Средняя Азия и Кавказ, Бэлла из повести М. Ю. Лермонтова и чеченская девочка Белла в модных джинсах.

Писатель стремится увидеть историю не как цепь однажды случившихся событий, а как систему, в которой настоящее соседствует с прошлым и будущим, один народ живет рядом с другим, одна культура перетекает в другую. Разрушение модернистского «аутизма» и осознание значимости любых явлений для индивидуального бытия наполняет прозу Б. Чипчикова многообразием и глубиной различных культурно-религиозных традиций, в единении которых, по мнению писателя, залог будущего развития. «Христос и Магомет – дети единого народа –

---

¹ Гемуева Л. Возвращайся свободным // Литературная Кабардино-Балкария (ЛКБ). № 3, 2007. С. 165.

евреев и арабов. Библия и Коран – две страницы листа единого» («Там, где будет стоять дом»).

А если говорить о времени, то время у Б. Чипчикова ассоциируется скорее с песочными часами, которые всегда можно перевернуть, чем с неутолимимым механическим или электронным циферблатом. Как во времени скрывается множество пластов, так и в каждом человеке скрывается потенциал многих превращений. «Иногда старик говорил, что ему семьдесят, иногда шестьдесят, были дни, тянувшие на все девяносто, да и не в годах было дело» («Розовое подполье»). Но двойственность не зловеща: именно в ней проявляется фон возможностей проявления личности, рождения новой реальности. «Сказки продолжались. Одна вливалась в другую, рождала третью и не было конца тем сказкам» («Розовое подполье»). А, быть может, неутолимый бег времени – всего лишь сказка, внезапно ставшая явью. «Сказка давно уже была» («Там, где будет стоять дом»).

И в этом смысле идиостиль Б. Чипчикова стягивает в единый узел прошлое, настоящее и будущее, а индивидуальная стилистика – попытка отражения жизни как цельности. «Суть крупнеет, расширяется, ибо ливень смывает границы неба и земли, соединяя их в единое целое, и суть земная утекает в бесконечность, крупнея и крупнея» («Там, где будет стоять дом»). В подвижности очертаний, мягкости контуров и бесконечности цельность эта не самоочевидна и объективна, она реконструируется напряженными усилиями совместить духовное и материальное бытие, которое в мироощущении писателя является единым целым. В конструировании «новой реальности» важную роль играет «трехслойное видение», учитывающее не только позиции самого автора и читателя, но и третьего, отстраненного лица («взгляд со стороны», гештальт). При этом «другой» не только не оппонент автора, а скорее, его дополнение, включающее в себя эмпатию или «участное внимание», которое ярче всего проявляется посредством архетипа «дороги». Авторская позиция «идущего человека», человека, готового к встрече: с давно ушедшим другом («Озрок»), чеченской девочкой (Бэлла), котенком («Я сам выбирал себе папу»), просто с незнакомыми людьми («Здравствуй, незнакомый») подчеркивает «центробежный» характер современной прозы.

Лейтмотив дороги, движения, лежащий в основе композиции и определяющий событийный ряд повествования, опирается на солидную культурную традицию – от средневековых паломнических романов-путешествий, гоголевской тройки, мчащейся в «Мертвых душах», до современной прозы В. Аксенова и С. Довлатова. В рассказе Б. Чипчикова «Здравствуй, незнакомый» автор садится в автобус и фиксирует всё увиденное, не только за окнами, но и в памяти, душе. Всё начинается с кругов печали: первая печаль – кони, несущие «на себе не знающих куда скакать, зачем скакать и кого убивать, несчастных, обезумевших

людей. А безумие так зримо – жизнерадостный человек, сидящий на печальной лошади, да еще и поющий героические песни»².

Взгляд, полный глубинной печали, позволяет рассматривать жизненные метаморфозы не только с точки зрения «восседающего», но и «несущего». В более раннем рассказе «Двери» автор печально констатирует: «Лошадь с любопытством повернула ко мне голову, и в её громадном всеумудром глазу уместилась луна, и смешным и нелепым показался я себе, восседающий почему-то на существе, в чем-то равном мне, а, в общем, гораздо более чистом и безгрешном, чем я».

Вторая печаль – дефицит любви к ближнему, человека к человеку. «Вот бы в следующей жизни родиться породистым псом. Все гладили бы меня по голове, и тогда бы я узнал, что такое любовь». Но, быть может, «встреча земли, неба и человека» («Там, где будет стоять дом») – любовь – это дорога, дарующая надежду или не оправдывающая надежд?

Так наступает время для третьей печали: ненадежности на первый взгляд надежного. «Шагнул в лужу и ботинки неожиданно протекли, а с виду казались такими надежными». Несоответствие, дисгармония мира внутреннего и внешнего, непреодолимый разрыв между «быть» и «казаться» настолько очевидны и печальны, что ничего не остается как... радоваться. Встреча – всегда радость, встреча – со-бытие, и в этом смысле любой повстречавшийся на жизненном пути человек становится сопричастным и твоей судьбе. Особый тип восприятия позволяет Б. Чипчикову рассматривать человека как сложную систему со-бытийствующих живых существ, каждое из которых неповторимо и почитаемо. «Незнакомый, я думаю о тебе, я верую в тебя, помолиси и ты за меня, один я так далек от Бога, а вдвоем мы рядом с ним»³.

Столкновение человека с «другим», «здравствуй», сказанное всем живущим, сообщает с неведомым, встреча понимается как со-общительность, побуждающая к ощущению всей полноты бытия. Таким образом Б. Чипчиков создает особую реальность, в которой каждый ответствен не только за себя, но и за другого. «Всесокрушающая любовь к людям водит пером писателя. Ему хочется для всех праздника и радости. И это порождает особый сплав эпического лиризма, значительно расширяющего границы художественной балкарской прозы», – отмечает С. Алиева⁴.

Иначе построен цитируемый ранее философский этюд «Там, где будет стоять дом». Здесь описательный материал максимально сгущен, а на первый план выдвигаются размышления автора-повествователя, представленные в форме внутреннего монолога. В качестве одного из

---

² Чипчиков Б. М. Здравствуй, незнакомый // ЛКБ, 2006, № 6. С. 90.

³ Там же. С.93.

⁴ Алиева С. Самый умный человек – человек улыбающийся (Несколько слов о прозе Бориса Чипчикова). Ас-Алан 1(3), 2000. С.120.

ведущих начал наряду с изобразительной выступает здесь выразительная деталь. Равная изобразительности по содержанию, выразительность противоположна по направленности художественной энергии. Если изобразительность – отражение материального мира, то выразительность – мира духовного, и проявляется в свободном и органичном внедрении в ткань текста Гоголя и Лермонтова, Шаламова и Солженицына, Хемингуэя и Маркеса. Это позволяет автору размышлять о вечных вопросах бытия в контексте мировой истории, литературы, культуры. Анализируя события далекого и недавнего прошлого, автор приходит к выводу, что созидание новой реальности должно начинаться прежде всего с созидания собственной души. Внутренняя неоднородность и многослойность текста в конце концов выстраивается в стилевое единство: «...Опять стиль, опять оболочка и ни слова о том, что родилось от внешней и внутренней связи, о том, третьем, что важнее и значимее всех и всяческих стилей – атмосфере, духе, вещи»⁵.

Творчество Б. Чипчикова, несмотря на сложность и прерывистую расчлененность, отличается внутренней цельностью и гармонией, такой атмосферой, таким «настроением», по которым безошибочно можно определить авторскую индивидуальную манеру. Скрытую внутреннюю жизнь человека автор превращает в реальность большую, чем всем очевидная внешняя реальность. Повествование ведется не от звена к звену, не логикой последовательного описания или рассуждения, но всевозможными сцеплениями или ассоциациями, случайный взгляд или звук могут внезапно пробудить паутину воспоминаний, любое сходство, мелькнувший образ, имя – всё может послужить причиной обрыва одной словесной нити и начала другой.

Стилевая эмоциональная выразительность, настраивающая повествование в определенной тональности, проявляется и в отражении промежуточных, «пограничных» ситуаций между явью и сном, состояний, расковывающих воображение. В этом плане интересен рассказ «Сон», в котором унылое однообразие повседневности преобразуется в эмоционально яркую, насыщенную событиями действительность. В данном рассказе наиболее выпукло, на наш взгляд, представлены такие художественные особенности литературы постмодернизма, как одновременное существование в тексте реминисценций и аллюзий на самые разные эпохи, апелляция к модернистским приемам «автоматического письма», «потока сознания», нарушение линейного принципа причинно-следственного развертывания повествования, введение «интертекста».

Повесть Б. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном» поднимает целый ряд проблем, но, в первую очередь, проблему исторической, этнической и культурной идентификации. Повесть «демонстрирует

---

⁵ Чипчиков Б. М. Возвращайся свободным. Нальчик, 1998. С. 68.

эkleктическое даже для постмодернизма смещение метарассказа и литературной игры, предполагающей торжество художественности»⁶, – утверждает Ф. А. Урусбиева.

Через тяжелую судьбу главной героини, Мариам, писатель показывает не только трагедию личности, но и трагедию общества. Творчество Б. М. Чипчикова смело можно отнести к «авторской» или «аутентичной» прозе, формирующей образ «человека переживающего». Такой прозе свойственны ассоциативность, глубокий подтекст, образы её многозначны и недосказанны, а внутреннее и внешнее бытие наполнено метафорическим и символическим смыслом. В основу повести «Нерестились рыбы в свете лунном» заложен конфликт между внутренним миром героини Мариам и окружающей действительностью, несущей хаос и разрушение, принимающей уродливые формы разложения и распада. Но распад становится фоном формирования личности Мариам, стремящейся к Свету. При этом Свет ассоциируется скорее с луной, чем с солнцем – мерцающие блики луны на водной глади освещают не только земной, но и подводный миры, даря надежду и веру в то, что даже через невыносимые страдания можно возродиться к лучшей светлой жизни. Поэтому закономерны (на первый взгляд, случайные) образы бывшего священнослужителя Павла, несущего «свет земной» («не нашедший Света собственного, не обретет и Небесного»), и мальчика Ахии с глазами, «усыпанными золотыми и зелеными блестками», как предвестников новой жизни, дарящей «тихую, уверенную в себе благодать». Обращение к религиозной мифологии в повести Б. Чипчикова дает новые импульсы для прочтения вечных тем и сюжетов. «Жизнь в понимании писателя зиждется на трех столпах: добре, гуманности, человеколюбии...»⁷ – отмечает А. Болатова (Атабиева).

В целом, в прозе Б. Чипчикова прочитываются несколько стилистических пластов: мифо-эпический, народнопоэтический, духовно-книжный. Разнонаправленность таит в себе огромные художественные возможности, но требует огромных сил сцепления, способных удержать разнообразное, свести вместе, и только тогда ритмическая сложность, подвижность и изменчивость придадут тексту цельность и гармонию, а хаос чувств, логические неувязки – становятся не недостатками стиля, а его достоинствами. Стройное движение внутренне неоднородной речи в её гармоническом синтезе – очень важно для понимания авторского хода мысли, для понимания творческого стиля вообще.

---

⁶ Урусбиева Ф. А. Уровни чтения (Повесть Б. Чипчикова «Нерестились рыбы в свете лунном» // Б. Чипчиков. Мы жили рядышком с Граалем. М., 2008. С.499.

⁷ Болатова А. Д. (Атабиева). Принцип художественной условности в карачево-балкарской литературе. Нальчик, 2019. С. 227.

МЫ ЖИЛИ РЯДОМ С ГРААЛЕМ

*Мы пастыри себе и паства.
И пастись нам легко.
Мы вчера родились и ничего
Позабыть не успели.*

Молодые безработные парни из окрестных сел, мы строили баню в Башиле.

Конец ноября, много снега, финские домики изнутри поросли инеем, света не было, но были соль, спички, мука и тушёнка – всё необходимое для войны и мирного строительства в горах. Ещё были керосиновые лампы, мы нагревали их, укутывали в старые свитера и грели ноги перед сном, и это здорово нам помогало. Мы умели петь и строить. Больно холодно было, а с песней теплее, да и строилось легче и лучше.

Перепев все знакомые песни, мы на все голоса горланили арии из нами же сочиненных опер на темы строительные, личной жизни и политики правительства – нам плевать было на то, что где-то растут тюльпаны и прямо на головы людей падают апельсины. К вечеру мы ругались, выясняя, почему раствор оказался жидковатым и камни попадались круглее, чем того хотелось бы. Песни пели во всю мощь своих молодых легких, благо зрителей не было – лишь белки, вроде нас, скачущие с места на место, да дремлющие горы спросонья отзывались ленивым эхом. И эхо то было близким отзвуком на слова наши и давним, долгим отголоском песен тех, кто жил до нас.

Отец ушел на фронт с тремя братьями. Два брата навсегда остались в Сталинграде, третий погиб неизвестно где. Отец вернулся, кто бы его сейчас вспомнил, разве что эхо горное, но кто бы догадался, что это голос моего отца?

Отец работал районным судьёй. Более всего мне не хочется быть судьёй, писателем, учителем, священником, боюсь – не то скажу, не так сделаю, ответственность уж очень большая, неподъёмная.

Отец работал районным судьёй. Газеты писали о напряженности вокруг озера Хасан. Завтра должна была начаться война, и все это понимали. Женщины и мужчины (женщин было больше, мужчины как-то стесняются открытого проявления добра, женщины же и в добре, и во зле безоглядны) громко просили Бога, чтобы Он сохранил жизнь моему отцу. И Боже из дальнего далека своего услышал просьбу людскую, сказанную на краешке горного села. Много лет спустя отец сказал сво-

ей родственнице: «Я выжил, потому что за меня просили люди». После осознания этого факта отцу был ниспослан один-единственный талант, но самый важный на этой земле – любовь к людям.

Для него слово «люди» значило – «человек», а это самая большая редкость и благо, а мнение иное – самая большая беда среди живущих. Осознание идентичности людей и человека есть наивысшая форма любви земной.

Наверное, эти люди вышли к Богу, потому что отец назначал срок меньше, чем того требовала бумага? Наверное, у него была своя оценка поступку человеческому. Наверное, он поступок соизмерял с самим человеком. Нам от этой жизни достается по максимуму, просто прожив, мы уже отсидели за возможные преступления свои, а если и сажать будем друг дружку по полной, кто же будет на земле этой и какие это люди будут, и какая жизнь? Обо всём этом я отца не спросил, и не потому, что неинтересно, просто я стеснялся с ним разговаривать.

Воевал отец на озере Хасан, после её окончания попал на финскую, и тут же грянула Великая Отечественная. Вернулся на Кавказ – родных нет, догнал их аж в Средней Азии, благо разгон был мощный. Это какой же путь одолел человек: с Кавказа на Дальний Восток, оттуда через Румынию, Польшу, Венгрию, Югославию до Чехословакии. Из Чехословакии на Кавказ, оттуда в Среднюю Азию и вновь на Кавказ – перечислить тяжко, а одолеть? Непросто эту дорогу пройти, собирая апельсины, так ещё же воевать надо было. Встретились мы с ним в 1948 году и прожили вместе тридцать лет. А вернулся он с несколькими медалями на груди – и это за три-то войны? И когда на День Победы он надевал свои юбилейные медальки и бродил среди изобилия орденов, это было так трогательно, что я – кроха, проникался к нему отеческим теплом и умильной жалостью. Да, именно отеческим – это так здорово, что становишься отцом своего отца и никто об этом не знает. И неважно, что отцу-то всего четыре годика. Важно, что ты цельный, что ты защищен необъятным шатром небесным и не раздроблен твердью земной – самое время ощутить себя отцом. Возможно, когда-нибудь ты будешь родителем, но это не значит, что ты стал отцом. Дети всегда старше отцов своих, ибо родились они позже родивших их и состарились вместе со временем и стали старше на целую жизнь, прожитую отцами.

Мы пели и строили. Всё бы хорошо – да вот консервы закончились. Столько я этой кильки поел, что чувствовал себя аборигеном владивостокских окраин. Да и от товарищей моих несло рыбьим духом, как от крупного поселения поморов. И решили мы сходить за туром – благо, была у нас двустволка да туры на нашей стороне хребта. Тур ушел из Сванетии – там нет ни одного. То ли им балкарцы по нраву, то

ли здесь советской власти побольше, то ли у сванов с аппетитом всё в порядке – кто знает.

Двое пошли на охоту – остальные работали и с нетерпением ждали добычи. Охотники вернулись без тура. Тур есть, но больно большой, да и идти за ним далековато, так что всей бригадой придется нести его – объяснили охотники. И чтобы не столкнуться с редкими, но вредоносными егерями, надо идти за ним в полночь.

Снег выбелил всё, что еще совсем недавно было реальностью. В светлой полутьме сосны и скалы вратами вечности чернели перед нами. И мы, вытянувшись в черную цепочку, шагнули в те врата. Мы шли вверх по ложбине межскальной, проваливаясь в снег по самую грудь. Снег был рассыпчат и сух, тропа не утаптывалась. Чтобы продвинуться вперед, мы упирались носами в крутизну, выгребая перед собой снег руками. Мы шли, будто на ходу молились. Мы не шли, мы плыли по снегу. Наверное, вечность, притаившаяся в синеве небесной, видела нас вот такими неловкими, несуразными существами, плывущими по снегу. Ноги проваливались в невидимые ручьи, застревали меж камней. Я весь взмок, по мне текли струи пота. Мне казалось, что я потерял своё тело в этих местах и оно растаяло и стало ручьями, что текли у меня под ногами. Снег пахнет католическими сутанами, мечами крестоносцев, черной краской в снежных бликах улыбается Джоконда, вобравшая в себя сочную суть бытия и оставившая вовне тоску выхолощенных побрякушек быта.

И вспомнились слова Пастернака, сказанные Кайсыну: «Над Вашей головой сошлись стрелки Запада и Востока». Да нет же, стрелки не сами сошлись – западную культуру Кайсын почувствовал, зарывшись носом в чегемские снега. Это чувствую сейчас и я. Много снегов выпало на голову Кайсына и какие из них поведали ему чужую северную сагу – кто знает?

Чегемские снега дали ему ощущение грани между западным холодом и излишним, до ряби в голове, восточным многоцветьем. И по грани той, по тропе срединной, по своей золотой тропе и пошел Кайсын. И мы шли черной цепью по темному снегу, шли и чувствовали: где-то там, за скалами черными, в истоме желтой томится щедрая луна. И мы доползли-таки до нее. Скалы оборвались громадной поляной, на которой мы лоб в лоб столкнулись с белыми горами. И всё это горело, переливалось бусинками радужными. На темно-синем летнем небе подрагивала взволнованная луна. Господи, да я же в чаше Грааля – обожгло меня, обессиленно лежащего в снегу, вмиг просветленного. Перед глазами поплыли кадры с космонавтами в открытом космосе. И тело моё со всем нажитым и прожитым осталось бог весть в каком-то не моем далеке. Гра-а-а-аль – позванивали вмиг помолодевшие Чегемские скалы. Чаша Грааля была пуста, но в ней умещались все, жившие

когда-то и ждущие мига рождения своего. Чаша Грааля была пуста, но в ней было всё. И подумалось: безумие – всё то, что именуется здоровым смыслом. И трезвость – зримый облик безумия. И тогда как подтверждение мыслей моих явилась Офелия – источая аромат здорового смысла. И глазницы мои наполнились и никак не могли пролиться, потому что я не мог приподнять голову, лёжа в восторженном оцепенении, не чувствуя ни холода, ни времени. Я вслушивался, не дыша, в этот аромат, я так давно его не слышал, аж с самого детства – с того огурца, изведенного мною в далеком азиатском пекле.

Я не искал Офелию, как Блок всю жизнь её искал в продрогшем Петербурге. Она сама в Чегем пришла – Кайсын тому свидетель, луна да горы. Мои друзья чернели клавишами в полыхающем многоцветье снега, и нельзя было разобрать: то ли они часть огромного, включая небо, инструмента, то ли музыка сама.

Господи, как я соскучился по здоровому смыслу. Я так долго не встречался с ним, потому что здоровый смысл – всегда лишь аромат, ощущение. И осенило – Блок видел чашу Грааля, и наплыли строчки его: «Немая грань внедрилась до конца. / Из мрака вышел разум мудреца. / И в горной высоте – без страха и усилья / Мерцающих идей ему выиграли крылья». Я увидел его лицо, смотрящее в вечность зыбкую сквозь хрустальное марево чаши Грааля. Прекрасная трагедия Блока – пребывание тела его на земле, а души – в чаше Грааля. Грааль всегда неподалеку от тебя, но нет на свете более дальней дороги. И чтобы одолеть этот путь, надо до забвения земли натрудить плоть свою и дух, вырвавшись из изможденного тела, и осилить эту дорогу. Измученная душа Блока, всю жизнь искавшая Офелию, нашла её – это и была гармония. И это видели замершие в умилении горы и остановившаяся в темно-синем небе удивленная луна.

Бог создал женщину из ребра, задача мужчины более сложная: из доли, из маленькой частички, оставленной Офелией женщине, он должен создать Офелию целиком. И другой задачи нет у мужчины. Решив её, он решит все остальные. Просто в мире задач никаких и не останется. И если он с нею справится, лишь тогда о нем можно будет сказать: он настоящий мужчина. Горький писал: «Блок всю ночь гладил проститутку по голове». Горький говорил об этом с дружеской иронией и непониманием. А это был наивысший момент в творчестве Блока – он из частички женщины лепил целиком Офелию. Как говорил Фолкнер: смелость попытки. А это была сама смелость, и не должна она быть какой-то иной – только такой. Смелость и есть поиск Офелии. Найти её надо, чтобы шкуру свою спасти, а потом уж и душу, если от неё хоть что-то осталось. Найти Офелию – это и есть национальная идея всех стран и необходимое условие для выживания землян в целом.

Найдешь Офелию – не будешь умирать в тридцать лет в какой-

нибудь канаве от какой-нибудь самопальной водки и не пришибут тебе бестолковку в ближайшей подворотне – ибо родит Офелия не отморозка, а человека. Не будешь ты лежать убитый на чеченской равнине или в горах Таджикистана – ибо родит Офелия мужей государственных и они не пошлют тебя неизвестно куда и неизвестно зачем. Офелия – женщина, видящая в прохожем и мужа, и сына: мужа – чтобы любить, сына – чтобы жалеть. Ищите Офелию сегодня, как всю жизнь искал её Блок – завтра искать будет нечего, а главное – некому. Офелия – дух святой, вселённый в человека. Она, как и дух Святой, безмолвна, бесконечна и неуловима, как сам смысл, смысл, который не поддается умственным изощрениям, его лишь можно ощутить и в него уверовать. Офелия – как спасение, приходит в полнолуние, для того чтобы и ты спас кого-то. Женщина всю жизнь ищет Офелию, сама того не осознавая. Она и детей стала рожать меньше, чтобы времени побольше оставалось на поиски. И загадка женщины – ответ Офелии, томящийся в самой женщине. И горе тому, кто разгадал эту загадку – женщины таких не любят. Они не могут поделить любовь к Офелии с кем бы то ни было. Блок – один из немногих, кто проник в эту тайну, и в этом его счастье духовное и трагедия бытийная. Офелия – праматерь всех литературных образов, литературная Ева.

А матросов в Петербурге было больше двенадцати. И не было Христа в белом венчике из роз. И шла по Петербургу Офелия, дыша духами и туманами, шла, собранная из единства реальности и грез. И шёл Блок, шёл сквозь серый вечный сон почерневших людей и домов, шёл, держа в окоченевшей руке белый лист бумаги – обыкновенную жалобу обыкновенной женщины, шёл, тщетно ища человека, которому был бы понятен вселенский смысл слов обыкновенных. Всё творчество Блока – это поиск Офелии.

А округа вобрала ещё и аромат чеховских текстов, одного из самых петербургских писателей. Может быть, он и жил в Москве, но писал в Петербурге, не проживая там.

И лёжа в теплом чегемском снегу, я думал: господи, так вот откуда тайна чеховских пьес – она отсюда, из чаши гор Чегемских. Я встретил его здесь и озарило: Чехов – незамутненный потомок варягов. Слово Чехова выросло из скандинавских саг, а вся скандинавская литература держится на чеховской корневой системе (хотя она может и не осознавать этого). Чехов соткан из тончайшей северной мистики, пахнувшей свежевывающим снегом, он и видит Россию сквозь слегка затуманенный ледяной кристалл. По большому счету, слово Чехова – взгляд из Грааля. И не зря он родился у моря. Море приносит не только сор земной, но и память о далекой прародине, вещая о прохладных тайнах фиордов и вещей криках северных птиц – отсюда и «Чайка» в центре России и «Иванов», стоящий посреди тундры неохватной – и никого на

всем белом свете. И нет опоры вовне – никто не слышит, как грустно позванивает в груди именной стерженек. Они не слышат этого тихого набата памяти. Этот маленький стерженек ни к чему им – мало того, он может разрушить их жизнь, которую они проживают в обмен на эту невидимую, бесполезную штучку, что связывает разные разности в целое – единую культуру. Чехов и есть та неразрывная и всепонимающая нить, что навсегда связала Скандинавию, горы Чегемские и Русь необъятную. Культура и есть неразрывность собственного развития и памяти о бытие чужом. Из слов Чехова каплей неспешной на землю русскую капала музыка Грига. Прямо на снегу сидел донельзя усталый, сверх меры всякой умиротворенный Дон Кихот, а на голове его сиял венок из лунной капели и снежного многоцветья. Неспешно прогуливался Кайсын – человек, неплохо знающий эти места.

Здесь были все, здесь было всё и здесь не было ничего – кроме лежащего на спине громадного тура. Я взглянул ему в глаза и ахнул: это были глаза не мертвого существа, а взгляд живого, видевшего жизнь в изначалье, и взгляд, устремленный в бесконечье жизненное. Я взглянул на небо, тёмно-синее полуденное небо, освещенное луной, потом посмотрел в громадные тёмно-синие турьи глаза, глаза не убитого нами, а пожертвовавшего собой осознанно существа, и взгляд этот не ведал смерти.

Я оглядел округу, моих друзей, застывших около тура, обросших и одетых в рванину, и враз наполнился любовью ко всему и всем: и к луне, и к горам, к друзьям своим и туру. Любовь эта была цельная и из неё никого и ничего нельзя было выделить. И озарило: Платон в чьих-то глазах увидел нашу землю с высоты, до которой никакой птице не долететь. И неважно, были ли эти глаза ничего не знающего человека или глаза всеведающего тура.

И я увидел Махатму Ганди, в белой тряпке, накинутой на изможденное тело, мокнущего под лондонским дождем, босоногого и просветленного. И его встречает британский премьер в шерстяном черном костюме, в надраенных до блеска неземного ботинках, и черный громадный зонт над его головой в руках сладкого лакея. И жаль стало этого уже немолодого, морщинистого человека, одолевшего неимоверно трудные дороги, после которых на лице осталась пустая паутина ненайденного. И жаль было человека, простоявшего всю жизнь с зонтом в руках над чьей-то несчастной головой. И я точно знал: в таких ботинках, в таком костюме, под таким зонтом – никогда не дойти до Грааля. И что все Канары с Багамами и миллионами – шкурки арбузные в сравнении с мигмом Грааля. И как далек Грааль от тех мест, где с деревьев прямо за пазуху падают апельсины. Грааль – неподалеку от того места, где из камня выжимают зёрна. Я смотрел на обросшие щетиной, розовые от мороза, заколдованные лица моих друзей и чув-

становал, что и они переполнены любовью и жалостью, слившимися воедино, и еще удивлением: как много этих ароматов в сияющей всеми земными и небесными цветами родной пустоте. Мы пупырышками на коже ощущали эту любовь и эту жалость, существующими сами по себе в этом разноцветном, восторженном воздухе.

Люди разрушают созданное не потому, что им нравится это занятие – они ищут правду, а правда есть благодатная пустота, а на пути к пустоте той преградой стоит созданное. И во времени есть заповедные места абсолютного добра. Зло же бесприютно, оно вечно занято внедрением куда-нибудь и во что-нибудь.

Средь сваленных лавиной деревьев вырубил деревце потоньше. А отзвук топора отсчитывал последние наши мгновения в Граале. Надо было возвращаться на землю. Но где бы мы ни были, мы уже не сможем жить по иным часам, ибо не будет более точного определения нашего пребывания во времени, чем этот набатный отзвук топора с вечным призывом вернуться, если потерял ориентиры. Да и ориентиров немного – он всего один. У выбора нет множественного числа.

Громадную лесину привязали к ногам тура. И это не было транспортировкой – это был ритуал: здесь не было мёртвых, здесь встретились живые, просто живущие в разных временах.

Тащить тура волоком не было никакой возможности – мы проваливались в снег вместе с ним, потом откапывали и его, и себя. Утопая в очередном сугробе, я увидел дедушку, сидящего теплым летним днем в городском дворике своем. На плече его блаженствовал кот, другой растянулся на коленках, рядом с Кораном, руками дедушка неспешно перебирал чётки. Кошки урчали на разные лады, утопая в былом и приятном, настраивая дедушку на время, которое должно было бы быть, но его почему-то нет. А дедушке ох как нужна была устойчивая позиция меж Богом и коммунистами, и никто ему не мог помочь, кроме этих пушистых существ. Дедушка был эфенди, поэтому посоветоваться было не с кем. Меж ним и Богом было тьма воинствующих людей, воюющих против себя.

Кошачье урчание – как слышимая и ощущаемая гармония, как чей-то лад умиротворенный укреплял его душу в дороге трудной на пути к Богу.

Дедушка двадцать лет учился духовному и светскому в Дагестане, дошел по воде до Стамбула. И ходил он не за умом и не для того, чтобы потешить грустную душу чужедальними диковинами. Чужое нужно ему было как свидетельство бесценности собственного клочка земли среди знакомых, как кошачья шерстка под рукой, колючих скал. Откуда до Грааля – шаг ступить. Если мы побывали в Граале, то это был щедрый Божий подарок, а дедушка родился и прожил неподалеку от Грааля и знал это. А иначе сдал бы Коран в ГПУ и со временем стал бы

секретарем райкома – с его-то образованием. И жил бы себе припеваючи: драл бы собственное горло и заодно последнюю шкуру с ближних и дальних. И сейчас какой-нибудь тупичок носил бы его имя. Да что там Коран, что там люди, живущие с тобой в одно время – съесть бы чашу чечевицы.

Как хорошо раньше было: хлеб двадцать копеек стоил – говорят мои сверстники, а кто постарше – тех хоть в три ночи разбуди – подтвердят, не разлепив глаз. Да нет, никогда не было ничего дороже большевистского хлеба – двадцать копеек плюс собственная суть и свобода в придачу. До такого обмена никакой бес бы не додумался, хоть соберись они все вместе, сколько их там на свете белом – куда им. Дороги нужны как свидетели бесценности отчего дома – и нет на свете лучших свидетелей. Кто предаст забвению отчий дом, тому не преодолеть и самой короткой дороги. Иду ли я далеко за значимым или на базар за редиской – выхожу за порог с именем твоим, дедушка. А дороги ничего не несут, кроме событий, а события дружно говорят: всё, что есть в этом мире – всё в доме твоём. Дороги ничего не дают, хоть и кажется, что ты обретаешь в пути. Они и не призваны что-либо давать, они просто показывают, что ты имеешь и чего ты лишен. Если ты вышел в дорогу за куском хлеба – ты обретишь и хлеб, и сверх того.

Если ты сыт и на тебе штаны, и ты вышел в дорогу обрести сверх того – считай, что ты вышел погулять. Ибо в дом нельзя занести ничего лишнего, а если тебе это удалось, так это уже не дом, а хранилище, и это уже не ты, а сторож этого хранилища.

Дедушка осознавал великую пустоту Грааля, он понимал, что она есть и смысл жизни, и единственная опора в этой жизни. А событие – это то, обо что спотыкаешься и падаешь на другое событие, и жизнь собираешь из сплошных падений своих. Верующему в события – всегда пребывать на коленях и никогда не ощутить опоры под ногами. Мы ползли, плыли и падали в снежные ямы, в которых по частям и хоронили веру в события. А потом нас огромной волной Грааля вышвырнуло к соснам, среди которых и были наши жилища. И сосны – как стражи у входа в мир иной – встретили нас угрюмой предсказуемостью, и мы почувствовали, что это была граница жизни и проживания.

Промерзшие половицы встретили нас скрипучим ворчанием. Они отторгали нас, как чуждый, впервые осязаемый ими дух утерянной домовитости, привнесённой нами. Друг мой долго ломал спички в темноте, все-таки ухитрился зажечь лампу. Ему быстро удалось скинуть ботинки и зарыться в грудь старья. А мои пальцы никак не хотели шевелиться и сжать их не было никакой возможности. После долгих трудов я одолел ботинок. А со вторым у меня ничего не получалось. Шнурки вмерзли в башмак, а башмак – в ногу. У друга тоже истаяли все силы и он не мог подползти мне на помощь, и лёжа советовал, за

какой кончик шнурка мне дёрнуть, но у нас и вдвоем ничего не получилось и я так в одном башмаке и опрокинулся на кровать. Тела я не чувствовал, лежа в мерзлом небытие. Вдруг я услышал, как в этом безвременье засмеялся мой друг.

– Ты чего? – спросил я.

– Да вот, вспомнил знакомого своего. Он говорил, что самую большую роль в его жизни и судьбе сыграли шнурки. Встречаюсь, мол, с девушкой, а в темноте никак не справлюсь со шнурками и любовный момент упущен. Сейчас ему, видно, полегчало, сейчас липучки придували. Да и не ему одному – такая мелочь, а как человечеству помогла.

И мы гоготали, радуясь за его знакомого, заодно и за остальных живущих. И сквозь наш гогот я услышал смех дедушки, которого я никогда не видел.

В Азии из дальнего села к нему прискакали киргизы. Прискакали – это предполагает движение, вторжение, агрессию, а такие слова не слишком увязывались с этим народом. Дедушка говорил: киргизов Бог создал, чтобы земля не пустовала. Киргиза я вижу среди многочисленного семейства, прихлебывающего чай в тени дерева и поедающего арбуз. Уютное племя – будто колыбельная посреди колючей жизни.

Прискакали киргизы:

– Узеир-ака, спаси, которую неделю без дождя, всё вокруг гибнет и мы умираем!

Дедушка сказал, чтобы они принесли лошадиный череп, благо этого добра было вдосталь в округе – конину здесь любили. Весь череп покрыл какими-то письменами, и киргизы, довольные, ускакали. Дня через четыре они, пропыленные, вновь предстали перед дедушкой.

– Узеир-ака, останови дождь, который уже день льет, боимся, что и нас смочет.

Киргизы ускакали, а дедушка смеялся так, что слёзы катились из глаз его.

И в комнатную мерзлоту стало вливаться азиатское тепло и запахло изысканным духом арбуза, дедушкиным смехом вперемежку с детскими слезами на его так много видевшем лице, и осозналось, как всё это близко: и край света, и давным-давно ушедший дедушка, и Грааль – и всё это уместилось под маленьким одеялом.

О том, что пришла весна, мы узнали по календарю. Ветер вместе со снегами унёс устойчивость, определенность во времени и мыслях. Сосны печально дули на сожжённые морозом жёлтые крылья свои. Безжизненно бледнела трава, превращенная зимою в сено на корню. Снег, уйдя, оголил черно-красные болезненные отметины на ликах скал. И непонятно было, то ли это ранняя осень, то ли само преддверье зимы, а календарь показывал весну. А округа горько и бесстрастно выдыхала нашу неминуемую старость. И кто бы мог подумать, что это

зримое предсмертье – предбанник Грааля. Это ж надо было так замаскироваться. Но это был запоздалый маскарад унынья – мы-то дорогу знали. Прекрасное вынуждено забрасывать путь к себе без надежьем, боясь сглаза, глаз чуждых.

Да и нам надо было собираться в дорогу – туда, где не жертвуют собой туры, где не алеют в мягком мху бусинки брусники, где детским смехом не рассыпаны по зеленому жизнерадостные маслята, где щедрые сосны не раздают приходящим щемящий дух вечной юности.

Мы ехали в кузове грузовика вместе с гулом реки, ехали по темени теснины. Вокруг ни единого светлого пятнышка, а наверху ни цвета небесного, ни света солнечного. Наверное, так встречаются и так расстаются с чем-то очень значимым. Наверное, тайна и есть ёмкая полутьма, где всё на ощупь, все кожей – и глаза тут ни при чём. И когда нас вынесло из ущелья, то оглушила громадина неба и выкинул из реальности солнечный свет, и закружило голову разноцветье трав, будто по охотке хватанули по стакану спирта. Наверное, так рождается ребенок. А люди были лёгкие, полуголые, и уносило их, как листву осеннюю, и не понять было, то ли это весна, то ли лето бабье. Шофер сбросил нас в городе, объяснив, как дойти до конторы, где лежали заработанные нами деньги.

Господи, как много машин, как трудно перейти улицу – легче одолеть горную реку вброд.

В конторе нас встретила равнодушная осенняя женщина. Полистав бумажки, она каждого из нас одарила деньгами, но их не набиралось и половины от заработанного. В ушах и на руках у неё горели крупные бриллианты, и при виде их подумалось: как много людей с продрогшими нездоровыми глазами, будто они только что всплыли со дна морского и ещё не успели отогреться. И почему-то стало жаль себя. Мы шли туда, где высились большие дома, убившие пространство. Архитектура – и есть убиение пространства. И над этими пустынными нагроможденьями серебряными маяками светились горы. Мы шли по направлению к ним, мы шли как люди, знающие дорогу. Нас было меньше двенадцати, но нас ждала не Вечера, а Заутреня грядущего дня. И свидетельством тому были белые горы впереди и ласковый, осенний ветерок, деликатно шествовавший за нами.

ВОЗВРАЩАЙСЯ СВОБОДНОЙ!

Горное село. Страна моя с лицом моей мамы. В старых домах живет тепло давным-давно умерших сынов твоих. Суетному городскому сердцу ты – лекарство.

На неоструганном сосновом бревне, накинута на иссохшие плечи

худой тулупчик, сидит старик. Видел его весной в белой рубашке среди яблонь цветущих, молился или просто беседовал со звонкими скалами. Лицо у него – как зеркало.

В этом же селе живет одинокая женщина Жансурат. Её муж и два сына погибли на войне. Она живет назло бедам своим. Хозяйство у неё маленькое: небольшой домик, крошечный огород, низкорослая коровёнка и грустный осёл. Несмотря на старость, она сама возит из леса дрова, не слишком загружая ослика, своего друга и частого собеседника. Приезжаю я к ней, убегая от нескончаемых забот городских. Стесняясь, присаживаюсь к её маленькой печи, и мне всё кажется, что я впитываю в себя часть тепла, которое ей предназначалось.

– Как живешь, Жансурат?

– Да так и живу, жизнь в одну сторону, я в другую. Живу, чтобы скотина не подохла. Осенью картошку продаю, чтобы сена купить, ведь косить некому. А так счастливая я, некому стирать, готовить, живу беззаботно. Мне много самой-то не надо, что есть, тому и рада. Зимой вот тяжело, думы одолевают. Зима согревается, прислонясь к домам нашим, из труб сельчан струится дым веселый, а из моей трубы лишь моё дыхание холодное вперемешку с нехотя выползающим и лениво стелящимся дымом. И спит село моё, уставшее от дня нелегкого, и луна тысячерукая, пробиваясь сквозь оконную изморозь, убаюкивает сельчан моих.

Живу. По осени картошку продам – куплю муку. Живу, когда почтальон придёт да протянет пенсию. Слава Богу, и колхоз вот помогает, недавно выдали пять килограммов масла подсолнечного и мешок отрубей, вот иногда и балую ослика своего Муслима. Живем. Слава Богу, войны нет. Вот в Чечне, правда... Включаю радио – поют, а мне как-то неловко, вроде сама на похоронах пою. Но, Бог даст, утихнет, умиротворится, а то кости болеть что-то стали. Война внутри у меня комом – троих забрала, всё, что было. Так-то, сынок... Ничего, хлебушек у нас есть, надеть чего имеется, никто не помыкает – чего не жить?

Детям в последнее время конфет мало раздаю – дорогие. Если здесь ребенку сладко, то и умершие умиротворены. А дети какие красивые пошли – раньше один-два на всё село, а сейчас – что ни дом, то полно красоты. С чего им красивыми не быть? А нашим детям не так сладко было. Советская власть, колхозы, все на работах. Тогда инвалидов не было. Дети малые лежали в колыбелях. Идешь на гору сено собирать – колыбели эти с собой волочишь, отнесешь одну, бегом за второй. Дома только ночевали. Потом война, выселение, возвратились – обустраивайся. Все эти тяготы – в крови да на лице. Откуда детям красивым взяться?

Мы ели траву-кисличку да запивали барбарисовым соком, арбузы со шкуркой поедали, голо было, ни фруктов каких, ни овощей. Отцы в

кошарах пропадали, матери из-под коровы вылезти не могли. С чего красота-то, сынок, откуда взяться ей?

Жаль, вот родственники редко проводят. Родственник, видно, как ветер: слышать – слышишь, а видеть – не видишь.

...А поутру два друга, две родственные души, любимцы Бога – Жансурат и ослик Муслим, бредут по бесконечной слякотной дороге в сторону дальнего леса, идут налегке, а выходят оба груженные. Вечерком пьем с ней чай.

– Слышишь, сынок, во дворе ветер играет с брошенной бумажкой, звук её напоминает мною прожитые годы, – и светлые глаза её наполнились слезами.

Как-то встретил ее: нарядная, веселая.

– Куда собралась, Жансурат?

– Сказали, нам волю дают, вот иду голосовать.

– Возвращайся свободной! – крикнул ей вослед.

ЖАНТУГАН

– Люди злы, – сказал я.

– Нет, они добры, – отозвалась она. – Просто они спешат, гонит их кто-то невидимый и сильный. Вот если бы всех людей вдруг остановить – так чтобы видели друг друга, а подойти не могли. И сказал бы им невидимый, сильный и очень веселый: берите, люди, всё, что хотите! И получили бы люди всё, что хотели, но не имели бы их руки возможности ласкать друг друга, слова их уносил бы ветер, и только глаза искали бы, неважно кого, ближнего или дальнего, потому что после разлуки все будут близки и чисты. И сказали бы люди, уставшие от большой разлуки, тому невидимому: заberi всё и допусти друг к другу. Знаешь, людям надо остановиться хоть на мгновение, ведь это так просто.

Так говорила моя хромая соседка Жантуган, и глаза её светлели и наполнялись чем-то таинственным, колдовским, неземным. И я не видел уже её красивого лица, ничего вокруг не видел, только свет от неё. Так бывает ранней весной, когда небо недоуменно смотрит на землю, как бы говоря: неужели была зима? Почему-то вспомнилось, как в детстве среди опавшей листвы нашёл яблоко, холодное, обрызганное росой, такое неожиданное. Мать разрешила яблоко пополам. И я, сидя на крыльчке, смотрел, как летят журавли – они летели, всё летели и никак не могли улететь. Я радовался, не зная чему: то ли тому, что птицы не могут улететь насовсем, то ли найденному яблоку? Только вокруг меня всё было по-осеннему чисто: и деревья, и опавшие листья, и птицы в небе, и крыльчко наше – всё вокруг чисто, и приходила уверенность, что всё это вечно и я не умру.

– Хочешь правду? – спросил я.

Она кивнула.

– Люди не так добры, как ты думаешь, они жалеют хромого коня, а тебя не все любят, я знаю, я слышал. Они называют тебя колдуньей и говорят, что ты приносишь одни беды, они рады, что ты хромая.

На этом слове я запнулся, поняв, что сказал нехорошо. Я часто бывал с ней жесток.

– А я и есть колдунья, – сказала она спокойно и уверенно, как будто в этом не было ничего необычного. – Колдуны – это те, кто строит мир, какой им по нраву, а старый мир помнят с самого начала, будто живут вечно. Вот и мне кажется, что я давно уж живу и все помню.

Помню, когда мы все зверьми ещё были. И кто-то невидимый, что живет в тех далеких временах, откуда мы родом, смотрит на нас оттуда и очень злится, что мы пытаемся стать людьми, и мне порой кажется, что души людей воюют с ним. Так бывает со мной, когда я сижу у костра, удивляюсь огню, вспоминаю его, и мне кажется, что давным-давно я сидела одна у костра, и мне было очень одиноко и боязно.

И еще: когда гляжу на огонь, мне кажется, что моя душа где-то далеко-далеко, и будто воюет она с тем невидимым. А ещё он меня не любит, потому что я построила свой мир, он сильно не любит тех, кто что-то строит.

– Песни у тебя все грустные, я их нигде не слышал. Где ты берешь столько слов?

– Новый день приносит новое слово.

Вот так мы говорили с ней в тот день, и за день этот я узнал её больше, чем за все годы, что прожил с ней совсем-совсем рядом и очень далеко от неё. Я тоже раньше, наверное, больше любил и жалел хромого коня. Сядешь на него, а ему не стоитя на месте и скачет, стараясь не подавать вида, что он хромой. И скачет он, забывая, что у него три ноги, забывая, что в горах у нас дорога камениста, часто падает, с болью и недоумением устремив грустные глаза куда-то вдаль, вроде спрашивая кого-то: как же так, за что? И тогда его глаза становятся похожими на глаза моей соседки.

– Так уж устроен мир, – сказала она. – Быть хромой не так уж плохо, меньше суетишься. – И она горько усмехнулась. – Зато у меня есть своя радуга.

– Разве радуга может быть чьей-то?

– А я не про ту, что над головой. Та общая. А я про ту, что под ногами – она моя.

– Такой радуги не бывает, – сказал я.

– Нет, бывает. Я тебе её покажу, она совсем рядом. Вон в том тесном ущельице. Просто мало кто знает про эту радугу. Чабаны проходят рядом с ней, но им некогда, да и незачем раздвигать густые колючие ку-

сты, а женщины не ходят в то место – боятся зверья. Может, мальчишки видели мою радугу? Мне очень хочется тебе что-то подарить, и я покажу тебе то место. Только ты дай слово, что не приведешь туда людей, которым это не нужно, и не будешь показывать радугу из-за корысти, выгоды или тщеславия. И если очень захочется кому-то сделать что-то хорошее, то я разрешаю – приводи, – она немного помолчала. – И ещё зря ты думаешь, что я одинока. Я познакомлю тебя с моими друзьями. Говорят люди – друг может быть один, если это вообще возможно, а у меня их много. Пойдем.

И мы пошли.

– Давай полежим немного на солнышке, – сказала она, – а то я что-то устала, да и радуге быть рановато, солнышко слишком низко.

Мы легли на теплые камушки, и она сразу уснула, а я ворочался, ворочался, да так и не сомкнул глаз.

– Эй, вставай, – толкнул я её, – солнце высоко, пойдем. И как ты умудрилась заснуть на камнях?

– А я под голову положила мягкий камушек, – сказала она, блаженно потягиваясь.

– Ну что, идём?

И мы пошли.

Мы шли, и я ни с того ни с сего стал чему-то радоваться, я чувствовал, что иду навстречу чему-то необычному, светлому. При виде Жантуган только это и могло прийти в голову. «Мы идем что-то открывать» – говорил весь её облик, и меня окатила волна беспричинного восторга. Так бывает в осенний туманный день, когда мелкий дождь нашёптывает тебе какие-то очень грустные стихи, туман окутывает ноги твои, а потом, приподнявшись на цыпочки, и вовсе обнимает тебя, заслоня собой поникшие деревья и кустарники. Тоскливо. И вдруг туман отступает и ты натыкаешься на куст барбариса – и на нём одинокое красное зернышко, живое, выжившее, и радость захлёстывает тебя. Только не объяснить, чему радуешься.

– Видишь, сфинкс, – сказала она, показав на гордую каменную глыбу, возвышавшуюся над остальными скалами. – А вон скорбящая мать, – шепчет она, не давая мне прийти в себя, и тоненький палец её висит в воздухе, чуть подрагивая, и кажется мне, что этот пальчик на твоих глазах «от глыбы камня отсекает лишнее». – А вот сидит среди скал женщина, вся в черном, опустив голову и обхватив руками колени. Ты слышишь, как она думает и всё вокруг слушает, оцепенев? – продолжает она. – А хочешь, я покажу свою душу? – и пальчик взмывает куда-то вверх: на красной скале черной краской нарисовано лицо, не выбито, а нарисовано. – Живое лицо на скале, ведь не может неживое так улыбаться, – смеётся она. – А когда назад будем идти, оно будет плакать. Знаешь, есть такие картинки: нарисован

корабль, а чуть повернешь картинку – и нет корабля, а вместо него дом.

Сколько раз проходил я мимо этих мест, а ничего не видел. Наверное, потому, что проходил, и потому, что мимо. Чтобы найти, нужно остановиться. Мы дошли до её колючего царства, продрались сквозь него. И, о чудо. Внизу, далеко-далеко, глубоко-глубоко, на самом дне узкого ущелья злобно рычит и двигается скачками фантастический зверь. Ему есть на что злиться: дорогу преградили два громадных камня, прижавшиеся тесно друг к другу. Зверь со всего маху бьется о камни и, ухнув от боли и злости, дробится на кучу громадных градин, и только так ему удается перепрыгнуть через огромные перламутровые камни, в прыжке рождая злостью своей тихую, очень яркую, спокойную радугу. Стены ущелья облеплены влажным мхом. Жантуган, тыча пальцем в эти стены, шепчет:

– Похоже на мой ковер. В детстве я любила гладить узоры, очень это мне помогало, особенно когда обидит кто. Гладишь узоры, а они такие ласковые, таинственные, сулящие что-то доброе впереди, и успокаиваешься.

Палец её указывает на ошкуренные и до блеска отполированные рекой бревна, которые не портят праздник. Подумалось – вот были деревья, потом они стали бревнами, но не умерли, просто живут иначе, в другом мире.

Внизу бесновалась река. У-у-у-ух, го-го-го, у-у-у-ух, го-го-го. И этот гул создавал какую-то особенную тишину – слушаешь её и понимаешь, что время остановилось. Мы смотрели на радугу, молчали и думали. О чём она думала, я не знаю, а я думал о том, что это единственное для меня место на земле, где неплохо родиться и умереть. И прожить бы так, чтобы после тебя нашелся человек, который скажет: ничего, мол, что высоко и далеко, и грехов у него много, и недостоин он был места такого, но я продерусь сквозь колючки, принесу его и похороню здесь. Пусть не принес бы, а только подумал так, только подумал...

Мы долго стояли с ней и молчали, слушая музыку, доносящуюся из еле видимой глубины. Потом ушли, когда-то ведь надо возвращаться. Шли мы домой, а может быть, из дому. Вослед нам смотрело лицо на скале и плакало, как люди плачут, а может, даже жалостливей. И я искренне верил, что это – её душа. И мне ещё показалось, что лицо на скале живет давным-давно, оно старше этих скал и давно уже смотрит на нашу деревушку, смеется и плачет вместе с ней, с деревушкой. Смеется, когда кто-то приходит, плачет, когда кто-то уходит. Смеется и плачет, смеется и плачет. Вот уже показался наш деревенский пароход, как пропуск в мир иной. Мы оба с сожалением оглянулись туда, откуда пришли, и она тихо и убежденно сказала: «Приведи кого хочешь, а лучше людей плохих». И, кажется, я её понимал...

Почему люди возвращаются к истокам своим? Почему возвращал-

ся я? Устал я просто, вот и ехал к себе домой. Да, ехал на своей машине, заработать на которую было не очень легко, но я старался, правдами и неправдами, больше неправдами – заработал. Проезжая через чужие города и сёла, я представлял себе наши красные горы, Жантуган и нашу радугу. Все эти годы кусок родной земли был как бы моральной индульгенцией. Грешил я и тешил себя: вот приеду домой – очищусь, а как же иначе, ведь в душе я не таковский, но жить-то надо.

Вот и ущелье моё. Но горы почему-то не красные, а какого-то мышиного цвета, а были ли они когда-нибудь красными?

В деревню приехал во время сенокоса, деревня на месте, людей нет. Спрашиваю: где люди? Серьёзно отвечают: на войне. Да, сенокос в деревне – это война. Но кое-кто остался в тылу. Это колхозный сторож Самоса, буфетчик и еще двое-трое недобитых-перебитых.

Те, кто уцелел после «мобилизации», собрались у колхозного клуба, сидят на бревнышке и лениво перекидываются словами, будто родились они на бревнышке этом. Да ещё и председатель здесь, не может же он бросить село на произвол судьбы. Вот и он сейчас спросит, как мои дела, как моё здоровье. Сколько лет прошло, а репертуар тот же. Сидим, озираем округу. Вдруг двери клуба распахнулись. Держа в одной руке швабру, в другой ведро, появилась она, Жантуган. Потом всё произошло очень быстро. Она споткнулась о швабру и покатилась со ступенек, ведро опрокинулась на неё. Жантуган пыталась встать, упираясь ногой о край ступеньки, платье её задралось, обнажая ноги. Никто из нас не шелохнулся, не попытался помочь ей. Сосед, кивнув в её сторону, широко улыбнулся, показывая жёлтые зубы, сказал: «Ребята, нас соблазняют». Все тихонько, но от всей души смеялись и почему-то смотрели на меня. Я тоже скорчил веселую и в этот момент, наверное, глупую рожу и захихикал.

Жантуган долго поднималась, очень долго. Сначала встала на колени и повернулась в нашу сторону. Глаза, где же её глаза прежние, радужные? Вместо глаз два красноватых злобных круга. Где я видел такие глаза? Вспомнил: это же картина какого-то грузинского художника. На ней жираф с очень злыми тигриными глазами. И только сейчас я понял смысл той картины. А Жантуган долго, презрительно и зло смотрела в нашу сторону и дальше, охватывая и вбирая в два злобных круга всю деревню...

ИДУЩАЯ ПО ДОРОГАМ

Мне восемьдесят лет, слово вымолвить – нужны усилия, а уж столько прожить...

Сию у дома своего, со стороны кажусь, наверное, людям старым

мудрым человеком, вижу – высматривают они во мне эту самую мудрость, чтобы походя забрать её и приспособить к жизни собственной. Искал эту спасительную мудрость и я, зачем? Чтобы понять, откуда я? Куда иду? Зачем иду? Шёл ли я вперёд или, может, так мне казалось, а на самом деле пятился назад, к истокам? О чём думаю сейчас? Думаю о яблоке, съеденном Адамом и Евой. Оно имеет самое непосредственное отношение к моим истокам, ко мне, четырёхлетнему существу, сидящему у дороги в мягкой, не по-земному доброй пыли, и по дороге той идёт старушка, лет ей, может, столько, сколько мне сейчас, может, чуть поменьше. Я не помню её лица или рук, хотя руки должен был запомнить, потому что если бы не эти руки, не случилось бы того, что должно было случиться. Дорога пуста – ни машин, ни повозок, ни осла какого-нибудь заблудшего, хоть бы курица какая прокудахтала.

Мир на глазах расширился, всё влияло на то, чтобы подчеркнуть важность шествия старухи с узелком. Не помню лица её, не помню рук, помню белый ситцевый платок, чистый-пречистый, и такой же узелок. Не помню, во что одета была, помню – во всё старенькое, но чистое, без пятен, будь на ней хоть крохотное пятнышко, всё бы рухнуло. И то, что я не помню лица её и рук, делало её бесплотной. Это было шествие, будто шла по дороге очень важная для всех мысль, и, как назло, ни единой души вокруг, потому что жара такая, что асфальт расплавился и кое-где потёк чёрными ручейками, которые подчёркивали чистоту шествовавшей мысли. Поравнявшись со мной и покопавшись в узелке своём, молча дала мне что-то зелёное, покрытое шишечками маленькими, и проплыла мимо меня. Долго я рассматривал дар старушечий, долго им любовался, потом надкусил эту зелёную штуку и почувствовал во рту свежесть и прохладу – в такое пекло. Очень значительным и важным показалось мне всё это, и я невольно повернул голову в сторону идущей. По унылой чёрной дороге шла она к горизонту. Чистое, доброе и белое шло по чёрному к тёмно-голубому, и мне почему-то подумалось тогда, что старушка будет идти и идти, и конца не будет пути этому. Наверное, обо всём этом поведал мне огурец, впервые мною отведаанный, и ничего более мудрого, волнующего я не припомню за все свои восемь десятков лет. Вкус огуречный говорил о невиданной мною жизни, о каких-то иных временах и даже о мирах иных и бесконечных. Я не могу в словах передать значительность того, что поведал мне огурец, потому что это было настолько огромно, что не уместилось бы во все слова, что есть на земле нашей, потому что все слова – это маленькая часть того, что было внутри огурца. Я помню, что мне стало холодно в этом пекле, и я невольно взглянул на солнце, оно не грело, а просто тихо светило и прислушивалось к тому, что было внутри огурца и что теперь было внутри меня. Я помню, что я себе показался очень большим, вышиною до солнца, и на миг я по-

чувствовал, что огурец, солнце и я – какое-то неразрывное целое. И я с бешенством, тоской и беспомощностью подумал о людях взрослых. Это было не моё бешенство, не моя тоска, не моё бессилие и не моя, до волчьего воя, одинокость, это всё из огурца влилось в меня, и я помню, как меня всего охватила и как бы вышвырнула из реальности светлая, до дрожи всеочищающая восторженная жуть.

И сейчас, когда я слышу волчий вой, с грустью осознаю, как обеднел, обнищал с годами, и я понимаю: самый последний, самый загнанный волк гораздо богаче меня и мудрее. Вот так вот на склоне лет сидели дряхлые Адам и Ева и чувствовали, что их обманули и обокрали воры и обманщики – они сами. А какие они были мудрые в первый день свой, это потом они поглупели после долгих поисков неизвестно чего, искали, рыскали, хватали, гребли, пока под прожитыми годами не погребли свежую, чистую, сочную, красивую истину, что дало им яблоко.

Говорю внукам своим: «Не спешите уничтожить, проглотить помидор, посмотрите, какой он красивый, а ну протянем его к солнцу», – и потянулись ручонки и опустились разочарованные и недоумённые, я наклоняюсь к ним, лихорадочно думая, что сказать им ещё, что предпринять. И вдруг Азамат бьёт своим помидором о помидор Узеира и в лицо моё брызжет сок, он стекает по бороде и падает красной капелью на землю, а внучата покатываются со смеху, глядя на меня, присоединяюсь к ним и я. Потом думаю: никудышный я учитель. Приходит мысль тревожная: неужели внуки мои не нашли того, что я нашёл в их возрасте? А может, найдут они это позже – и в тех вещах, о которых понятия я и то не имею? Вокруг ведь столько всего, что и мыслью не охватить.

Сижу у дома своего, мне холодно и я дрожу, и дрожь эта не восторженная, та, что была в начале от встречи с истиной, а просто холодно мне от крови моей старческой. И мне грустно и больно думать о том мудром четырёхлетнем мальчишке и о себе, глупом восьмидесятилетнем человеке, который сам себя обокрал, и в груди у меня тяжёлая пустота. Хочется кататься по земле, выть и проклинать себя последними словами, но я сижу, важный и прямой, и поглаживаю не спеша седую бороду, потому что люди вокруг, и они всматриваются в лицо моё, наверное, мудрость ищут и походя украсть её хотят. Пусть крадут.

А я думаю об Адаме и Еве и о себе, у них был один мудрый день, и у меня был один день, они и я прожили одинаково глупую жизнь, но, в отличие от них, я не был так одинок. У меня была чёрная грустная дорога, и была старушка в белом платочке с ситцевым узелочком в руках, она навсегда со мной и в момент выбора приходит ко мне, и мне по сей день стыдно от её чистого добра. Стыдно, что редко оправдывал её доброту, но я старался, я пытался, и у меня ничего не получалось, но ведь я очень

хотел, и не я один в том виноват, что не получилось у меня. Но я твёрдо знаю одно: бродит по чёрным горестным дорогам женщина во всём чистом и очень хочет, чтобы у нас всех всё получалось. Нам бы пожалеть её, она устала, она очень устала.

КРАСИВОЕ ЭТО СЛОВО – ТРОПИНКА

Сквозь листопад в небесных просветах вижу маму, почему-то именно в эту пору она чаще всего приходит ко мне. Может, потому, что лицо её было в желтых веснушках, может, потому, что у крылышка носа приютилась маленькая бородавка, как необходимость, как видимая определенность, как цельность её и моё первое детское умиление. Глядя её бородавку, я собирал в тельце малое плещущую в необъятности первозданность свою. И с высоты всех высот смотрели на меня мамины светло-карие глаза – и помогали мне собраться. Я ничего ещё не знал о Матери Божьей. Я никого ещё не знал по отдельности, я ещё жил во времени том, где все и вся были вместе, и мне так не хотелось уходить из времени того, но, вопреки желанию, я детскими ручонками хватал, комкал необъятность и втискивал в крошечную плоть свою. А мама печально смотрела на необходимые, но пагубные труды мои. Я ещё ничего не слышал о Матери Божьей, но я знал, что у нее глаза точь-в-точь как у моей мамы. На свете очень много глаз, но карие роднее и понятнее. Моя сестра Мадина сказала: «Тебе повезло – у большей части человечества именно такие глаза». А мне по-крупному всегда везет.

Мама приходит из того дня, моего первого дня в этом городе. Тогда так же падали листья, правда, на другие дома, на другие дороги и совсем на других людей. Время приходит со своими людьми – кто-то же должен жить во времени своём, но почему-то все живут не во время своё.

Жизнь – это хоть какая-то общность человека и времени. А если у времени своя дорога, а у человека тропинка своя, то это всё что угодно, но никак не жизнь.

И шел я, семилетний кроха, не в свое время, среди чуждых людей и домов, и ничего вокруг моего, лишь рука моей мамы, и мелькнуло, озарило: во времени чужом не потерять бы своё.

Это потом года разжижили, слегка расплескали мою детскую отметину: во времени чужом – ищу свое; во времени чужом – не раствори бы своё; во времени чужом – живу в своём.

После азиатской шири, беспечного безлюдья, маленьких ободранных мазанок, крытых ветхим камышом, и солнца во всё небо – и землю всю вдруг зашвырнуло в замкнутость громадных, сделанных навсегда

двух-трехэтажных домов, в толпы людей, куда-то идущих и, как мне показалось, знающих, куда им идти. В Азии люди, как и солнце на небе, шли себе непонятно зачем, непонятно куда.

А листьев сколько: на крышах домов, на улицах и тротуарах – и иду я по ним осторожно, иду, будто на какую-то тайну наступаю. В Азии я не помню, чтобы на мне была обувь – её носили только взрослые. Ноги, как и земля, были в трещинах, и каждый вечер мама заставляла мыть их в арыке. Тёплая вода с заходом солнца леденела, и окунал я свои окровавленные ноги в холодный йод. А здесь на мне новые ботинки, что само по себе удивляло, расширяя круг нереальности, в который меня угораздило попасть. В Азии не то что ходить по листьям – видеть я их толком не видел, на всю округу с десятков деревьев и росло, и я не знал, куда мне смотреть: то ли на людей, то ли на дома, то ли призадуматься, куда я попал. И если бы не мамины руки, за которые я крепко-крепко держался, я бы, наверное, растворился в этом мельтешении чуждых людей и домов, в этой томной сосредоточенности осени. И неправда, что обрезается пуповина – а мамина рука, а память о ней до дней своих последних?

Много позже, на склоне лет, иду с мамой той же дорогой и той же осенью. Ходить тихо я не умею, а здесь вынужден. Иду с ней тихо-тихо, под стать падающим листьям, и думаю: вот в детстве она меня за руку водила, а теперь веду её я; как бы и в расчете. Только вдруг замечаю: а ходить-то я так и не научился – бегом всё, и сейчас она учит меня вновь.

Балкарцы говорят: чтобы отплатить один день материнского труда, надо дойти до Мекки с матерью на спине. А некоторые утверждают – и обратно.

Я думаю, обратно мы бы шли рядом, собирая воедино увиденное, осмысливая собранное. А ведь это было возможно, ходят же люди пешком вокруг света, но эта ходьба – зряшная. Разве увидит идущий налегке то, что увидел человек с матерью на спине, – ведь они и ростом выше, и видят дальше и больше. А ведь это было возможно – она была у меня такая худенькая. Это был мой единственный шанс – и я его не использовал. Мы так легко расстаемся с важным, насмерть уцепившись за пустяшное.

Душе так хочется учиться. И душу можно научить. Но нет у знающих поводыря. Тут бы жизнь хоть как-нибудь да прожить и обмануть себя – что прожито не зря.

Смотрю, как падают листья, и вспоминаю ее слова:

– Когда пишешь, помни о загубленном тобой дереве. И пиши так, чтобы написанное это стоило хотя бы тени исчезнувшего по прихоти твоей дерева. Хотя я не больно-то тебя читаю – врешь ты все. Все у тебя хорошие, а сам ты – лучше всех. Ты возьми лист бумаги, на одной

половине напиши о делах своих хороших, а на другой – о плохих, вот тогда и я прочитаю.

– Мама, если я перечислять начну всё своё плохое, то у меня не останется времени даже упомянуть о хорошем своём.

А про себя подумал: да, я живу среди хороших людей и сам я не так уж плох. И если жизнь и судьба не доказали мне обратное, то кто же меня переубедит. Если у меня есть хорошая черта, а в противовес ей – десяток пороков моих, – не они ведут меня, не за ними следую. Впереди меня шествует то небольшое хорошее, что есть во мне, а позади плетутся мои недостатки – они худы, грязны, оборваны, они плачут, обращаясь ко мне: оглянись, приголубь нас, – а я и не подумаю. Я иду вперёд, едва поспевая за хорошим, что несётся впереди меня. У меня нет времени говорить о плохом.

Были у нас с мамой разногласия по литературным вопросам. Мама, едва говорившая по-русски, как-то ни с того ни с сего сказала: «А правда, красивое это слово – тропинка?» А слово и правда красивое, и как до сих пор я его не расслышал?

Смотрю на падающие листья и думаю: как мало места на земле занимает человек, а уйдет, то всем виденным не заполнить пустоту, оставшуюся после него. Если уходит, ты продолжаешь жить, просто живешь ты совсем в другом времени. Смена времени и происходит с уходом мамы, нет, с её уходом происходит смена времен.

Ходил по большим дорогам человек – ходил, как по тропинке, всего-то. Всё было просто, необъятно и неотвратимо – как сама банальность.

Еремеев Сергей Владимирович, родился 30 июля 1981 года в городе Моздоке Республики Северная Осетия-Алания. В 1998 году окончил среднюю школу, затем Моздокский механико-технологический техникум. В 2004 году окончил Московскую академию экономики и права (заочно). 25 мая 2001 года был призван в ряды Российской армии. Службу проходил в железнодорожных войсках, в 2003 году заключил контракт, в 2005 году окончил Высшие центральные офицерские курсы железнодорожных войск с присвоением первого офицерского звания «лейтенант».

Офицерскую службу проходил на различных должностях, в ноябре 2017 года был назначен на должность командира отдельного железнодорожного батальона. В августе 2018 года было присвоено воинское звание «подполковник».

С 24 февраля 2022 года в составе специального поезда «Байкал» по настоящее время принимает участие в специальной военной операции на территории ДНР и ЛНР. 15 сентября 2022 года получил ранение при минометном обстреле специального поезда «Байкал» со стороны ВСУ. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевых задач, связанных с риском для жизни Указом Президента Российской Федерации от 27 октября 2022 года награжден Орденом Мужества.

В 2018 году вышел первый сборник стихов и рассказов С. Еремеева «Свет Балкарии», посвященный балкарскому народу. В 2019 году – поэтический сборник «Карча – вождь свободных». В 2020 году вышла книга «Абулхалим Ольмезов: путь к вершине Эвереста». Книга посвящена восхождению Абулхалима Ольмезова, первого из балкарцев, на высочайшую вершину Земли – гору Эверест. И книга «Шурка Денисов», посвященная деду по матери, участнику Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В 2016, 2017, 2019, 2021 и 2023 годах С. Еремеев принимал участие в восхождениях на вершины Эльбруса. С 2017 года принимает активное участие в культурных мероприятиях фонда «Сто шагов к Кайсыну», посвященных сохранению истории, культуры, традиций и обычаев балкарского народа.

СТАНЦИЯ БРИЛЁВКА

Солдат беззвучно плачет над солдатом,
Сжимая обгоревшую ладонь,
Оплавилось железо автомата,
Его лизнул безжалостный огонь.

Сгорело все вокруг и почернело,
У друга щеки мокрые, в слезах.
Он видел: ночью «Хаймарсы» летели,
И отражались отсветы в глазах.

Не помогла солдатская сноровка,
И лучший друг теперь на небесах.
«Разбита ночью станция Брилёвка» –
Написано на первых полосах.

НОЧНОЙ БОЙ

Закат догорает – вот вечер уже,
Сидим мы в окопе, комбат в блиндаже,
У линии фронта тревожные сны:
Ведь здесь разгорается пламя войны.

«Расчет БТРа! А, ну-ка, ко мне!» –
Поправил подсумок я свой на ремне.
«Отделение стройся!» – командую я,
Сигнальной ракеты сгорает струя.

«В разведку пойдете! – комбат приказал. –
Квадрат номер восемь», – негромко сказал. –
Разведайте ночью во тьме вы пути,
Ведь ночью всем нам в наступленье идти».

Взревел БТР и во мраке исчез,
Дорога петляет. Вот поле, вот лес.
Отметил с тревогой на карте маршрут,
Дугой золотой в небе месяц согнут.

Вокруг тишина, и – крутой поворот...
«Давай-ка газку, ну-ка, полный вперед!»

И вдруг кто-то словно подбросил меня...
Разрыв, черный дым и пробита броня.

***

«Топаз» на подмогу! Ты слышишь, «Топаз»?!
Прикрой нас собой, как бывало не раз.
«Спешу. Вы держитесь!» – раздался ответ...
Гранаты разрыв, и радиста уж нет.

Мелькнула ракета, сгорая в ночи,
Родною сестрой поминальной свечи,
Летят трассера с обеих сторон,
«Механик, ты жив?...» А в ответ только стон.

И снова разрыв. Оглушенный упал,
Как будто под сердце вонзился кинжал,
Лицо обожгло, и одежда горит,
Но все же пока я еще не убит.

Подствольник, граната, отдача, разрыв,
Вперед я бегу, на ходу пламя сбив,
Под треск пулемета и свист трассеров,
В угаре атаки бегу на врагов.

Горит БТР, черный стелется дым,
Совсем ничего мне не видно за ним,
Две пули внезапно впиваются в грудь,
Но, боль одолев, продолжаю свой путь.

Дождались! В сраженье ворвался «Топаз».
Уверен: прикроет, как было не раз,
Но тут же врубается вражеский клин:
В Т-72 угодил «Джавелин».

Дал очередь сходу, гранату метнул,
Как будто тревожную птицу спугнул,
Там, в пламени, крики: «Микола, дружок!...»
И жовто-блакитный сгорает флажок.

Затихло сраженье, нет выстрелов вновь,
Пятном на груди расплзается кровь.
Как в детстве, хотелось заплакать навзрыд:
«Прости меня, мама, твой Ваня убит!».

Ворокова Амина Абиевна, родилась 12 января 1987 года в Нальчике, КБР. Окончила Северо-Кавказский государственный институт искусств по специальности «Искусствовед, театральный критик», магистратуру КБГУ по направлению «Журналистика». С 2014 по 2021 гг. работала в отделе информации ВТК «Кабардино-Балкария», в настоящее время – государственный служащий.

Творческий путь начался с тринадцати лет – писала стихи. В семнадцать заняла первое место в республиканском конкурсе поэзии, неоднократно ее произведения печатались в журнале «Литературная Кабардино-Балкария», газете «Советская молодежь», основная их часть размещена на интернет-ресурсах. Предлагаем вниманию читателей ее первый опыт в жанре художественной прозы.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДНЯ

Утро Розы

Почти четыре. Рассвет. Небесное полотно заливает алой жизнью. Будущим. Обещанием зенита и воплощением самых грандиозных планов. Ее планов. Самых женских и самых обычных. Какая-то неведомая сила разбудила заядлую соню, как говорится, ни свет ни заря. Ленивица мягко ступила на пол и босиком пошлепала к окну. Волшебство. Ренессанс. «Лучшие живописцы эпохи Возрождения наверняка кусают локти, там, наверху, созерцая эту красоту», – наивно полагала Роза. Девушке с именем королевы цветов стукнуло двадцать. Еще три года учебы, и она – дипломированный специалист, театральный критик. Так будет написано на «билете в жизнь». Факультет, куда поступила кучерявая брюнетка, новый. Жизнь, выясняется, непредсказуема, как и это утро. У главного живописца Вселенной свои кисти, палитра и планы на таких, как Роза. Студентка творческого вуза, в прошлом подающая надежды пианистка, которая имела грандиозные планы – после окончания музыкальной школы и дополнительных уроков с мэтрами композиторского мастерства поступить в колледж искусств и затем широко развиваться как музыкант. Однако провидение распорядилось иначе. Сейчас она сравнивает сочетание природной палитры со сфумато Да Винчи, мазками Микеланджело и кистью Боттичелли, а не предрасветную соловьиную симфонию с невесомыми триолями Чайковского,

аккордами Мусоргского и арпеджио Шопена. Ее мозг проводил параллели, как умел, делился с миром тем, чем был напитан. А напитан он был бессонными ночами перед очередной сессией и информационным похмельем наутро, познавательными лекциями авторитетных в своей отрасли людей и насмотренностью в сфере визуального искусства. Возможно, читатель, я утомила вас описанием и погружением во внутренний мир этой милой, жаждущей жизни и наполненной надеждами девушки, однако, согласитесь, нет формы без содержания, и дальнейшие поступки нашей героини мы легко сможем оправдать, ссылаясь на ее макромир, который сможет лицезреть лишь тот, кому это позволено. И вы из числа того меньшинства, дорогой читатель. Вы счастливычик.

Роза уже снимает кофейную турку с огня, решая встретить это утро в парке. Горький, насыщенный напиток, приправленный корицей в любимом фарфоровом сервизе с яркими фиалками, ждет свою хозяйку. На часах 4:15. Через полчаса наша ранняя пташка окажется в парке, который расположен неподалеку от её дома. А пока – утренние процедуры, кофе, яркий атласный халатик, привезенный из заграничной поездки, пушистая домашняя питомица, снующая в попытках получить ранний завтрак, и наплыв эйфории и гармонии после первых глотков чудесного напитка, завезенного пару сотен лет назад Колумбом. Чудесный человек этот Христофор, хвалила про себя мореплавателя Роза, чудесная кошка, яркое одеяние, свежее утро и нюдовый маникюр, и даже ее требовательная преподавательница по искусствоведению – чудесная. Обстановка творит чудеса, усмехнулась Роза. Допив бодрящую жидкость, без которой не обходится ни одно ее утро, длинноволосая брюнетка направилась к шкафу, чтобы достать новый спортивный костюм лилового, ее любимого цвета. Передвигалась Роза по квартире шумно, не боясь никого разбудить, так и будить было некогда. Родители в командировке уже второй месяц, брат живет с семьей в Санкт-Петербурге, старшая сестра недавно вышла замуж. Только Роза, как считают ее домашние, со своими «слишком анархичными взглядами на жизнь, болтается и никак не прибьется к берегу». Иными словами, свободный художник, промелькнуло в ее непредсказуемой голове, на которой она уже сообразила себе повседневную прическу – высокий хвост. Через десять минут Роза в облегающем лиловом одеянии переходит дорогу к парку и направляется к центральной аллее.

Регина и хаос

Чье-то тепло и дыхание растекались по лицу. Казалось, его объяло утреннее блаженство – руки жены нежно обвили вокруг шеи, а ее голова с шикарной рыжей копной волос, прикорнув на его груди, начнет щекотать нос, не давая свободно вздохнуть, облачит собой скулы,

уши и даже начнет западать в глаза, которые он еще не успел открыть. Так они проспят несколько часов и встретят свое позднее утро счастливыми и беззаботными в его единственный выходной. Еще одна секунда – и Аскер неизбежно, стремительно и болезненно возвращается из сладких объятий своей бывшей жены и чертового морфея в жесткую реальность, где его не проспавшееся после бурной вечеринки лицо старательно облизывает Джек – собутыльник, свидетель неурядиц, разрушенной семейной жизни, беспорядочных связей и непредсказуемых вечеров – домашний питомец породы питбуль. На часах еще нет пяти. Окна плотно завешены шторами. В комнате, впрочем, как и во всей квартире, как выразился вчерашний его гость, «жуткий срач». Аскер вяло отгоняет Джека, попытавшись с досады пнуть ногой своего верного друга за назойливость, и переворачивается на другой бок, в надежде снова уснуть и вернуться туда, где все было размеренно и, наверное, хорошо. Где за его чистые сорочки, ароматные пироги и домашний уют отвечала Регина. Развелись они полгода назад. Как принято сейчас говорить, «не сошлись характерами», а точнее, бывшая жена решила, что неверно рассчитала брак и вышла замуж за «неудачника и пьяницу». Что больше ударило по его самолюбию, Аскер еще не решил. Либо он успел проникнуться глубокими чувствами к своей Регине, либо его ранило больше то, что благоверная бесстыдно ушла к другому. Более успешному, как она считала. Какая по счету пошла неделя, в течение которых Аскер, не просыхая пьет, он сам и не помнит. Его родителей не стало, когда юноша был еще студентом и учился в Москве. Сейчас он – подающий надежды адвокат, пока не проигравший ни одного дела. Сомнительное слово «пока». Взяв после развода отпуск, Аскер плотно приложился к бутылке и ведет бурную холостяцкую жизнь. Стремительно меняются женщины, цели, друзья и количество денег на счету. Ему все равно. Он, как и раньше, остался совсем один в этом большом мире, без семьи, планов, будущего и карьеры. Он алкоголик и балагур. Именно так называли его брошенные им женщины. «Хотя какие они женщины, – размышлял Аскер. – обычные шкуры и охотницы за деньгами, которых у меня скоро не будет», – проговаривал он про себя эту фразу и каждый раз улыбался так странно, что эта улыбка больше походила на оскал сумасшедшего человека. Кому больше мстил Аскер? Регине, которой он хотел доказать, что не остался один и пользуется спросом, женщинам, за свой неудачный брак, которых он менял, как перчатки, или себе, Аскер не разобрался. Он и не собирался этого делать. Молодой адвокат самовольно нырнул в глубокую пучину безрассудства, темноты, забвения, оставив позади себя лодку с перспективами на успешную жизнь. Ему все равно.

На улице он обнаружил, что облачился в заляпанную едой домашнюю толстовку и пижамные штаны, благо – серого цвета, которые при-

личные люди могут выдать за прогулочные. «Вид, в общем, сносный», – думает Аскер и входит в парк.

Реальность

Стрелки часов приближались к вертикальному положению, природные звуки становились тише, уступая городским. Шумит транспорт, шипит в руках дворника метла, уличный мусор мельтешит у мордочек сонных дворняжек, которые даже не соизволили хоть как-нибудь отреагировать на эту несправедливость. Пространство парка пусто. По-весеннему прохладно. Где-нибудь пробежит или проедет на велосипеде в наушниках любитель здорового образа жизни. Утро вступает в свои права, оттеняя землю голубым сиянием и золотистым орнаментом. Так видит реальность Роза. Ей нравится все, что ее окружает. Девушка благодарит провидение за такой неожиданный подарок, и её губы расплываются в искренней улыбке.

Впервые за много дней ехидно улыбнулся и Аскер. Он намусорил прямо перед глазами женщины, которая подметала в парке. «Наверное, она подумала, что я свинья», – предположил виновник утреннего хаоса. Аскер и сам был уверен в том, что достоин этих обидных слов. Роль плохиша дается ему легко, что ни говори. Молодой адвокат, в растянутых спортивных штанах, выгуливал своего питбуля, который, как и его хозяин, не отличался миролюбивым характером. Сегодня Аскер забыл дома намордник, это значит, Джек предоставлен самому себе. «Думаю, обойдется. Утро же. Никого нет в парке, скоро домой», – сказал себе беззаботный холостяк в заляпанной толстовке и успокоился. Его питбуль копошился в траве, гонялся за мошками, метил территорию. Аскер решил не нарушать идиллию и присел на скамью, снова погрузившись в свои не совсем радужные размышления. Мысли помчались дьявольским аттракционом по кругу: Регина, карьера, неудачи... нужно заказать на вечер горячительных, закуски... Он ругал всех и вся. Виноваты. Они все виноваты в его бедах. Они... Его мрачные мысли, словно тонким осколком реальности, раскромсал женский крик. Аскер испуганно поднял голову. Перед ним картина: Джек впился в ногу какой-то девушке в лиловом костюме. «Черт бы ее побрал, ранним утром шляться в парке...» – с досадой подумал Аскер. Отряхнувшись от призрачного забвения и бесконечной мыслительной пытки, он в три прыжка оказался рядом с неприятным инцидентом. Со второй попытки ему уже удалось разжать челюсти Джека, который почти мертвой хваткой вцепился в голень «этой ненормальной». От перенесенного страха брюнетка только вытаращила глаза и даже не могла говорить. Алая жидкость струилась вниз по ноге и предательски окропила часть белого кроссовка в красный цвет.

На Аскера в детстве напала соседская молодая овчарка, животное,

правда, потом усыпили, но этот день он никогда не забудет. Собака почти впилась ему в горло, оставив, вместо шрама на шее, страх перед четвероногими. Благо, подоспел его дедушка, который отогнал разъяренного пса. Чтобы хоть как-то реабилитироваться и потушить свои страхи Аскер завел после развода питбуля. Это его жизненная позиция – смотреть противнику в лицо. Эта позиция, как оказалось, подвела его сегодня. Молодой Джек покалечил девушку, нужно срочно принимать меры. Одной рукой он уже вызывал с сотового такси, второй крепко держал свою собаку, которая уже успела затихнуть. Вероятно, Джеку приглянулась радостная и не по-утреннему подвижная прохожая, а она, в свою очередь, решила с ним поиграть, несчастная.

В течение пяти минут все трое, Аскер, напуганная любительница утренних прогулок и виноватый во всем случившемся питбуль ехали прекрасным апрельским утром в травмпункт.

Провидение

Знала бы Роза, чем обернется это утро, в котором она успела провести параллели с мировыми художественными шедеврами, – осталась бы дома, наслаждаясь жизнью на своей уютной кухоньке, попивая кофе из дорогого сервиза. Знал бы Аскер, что ему, впервые за многие недели, придется переживать за здоровье незнакомого человека, и как оказалось, очень симпатичной попутчицы, проигнорировал бы просьбы своего бестолочи-пса и досыпал бы спокойно в мнимых объятиях Регины. Только, казалось, Джеку было все равно, куда они едут, из всей компании не досадовали только игривый пес и водитель, который принял первый на сегодня заказ, неприлично зевал и включил на всю громкость радио. Тоже скотина, думал про него Аскер, но все его психические и психологические ресурсы были направлены сейчас на решение проблемы. «Это особенности работы нашего мозга», – ответила бы ему Роза, но она, к сожалению, не обладала даром телепатии, о чем, судя по её романтичному жизненному настрою наверняка жалела бы, узнав, что есть подобная возможность. Кстати, Роза уже не злилась и понимала, что Аскер виновен только в том, что он хозяин собаки бойцовской породы. Перевязав тоненькой курточкой ногу и смирившись с реальностью, девушка молча ехала на хирургическую экзекуцию. Ее укусили впервые. Странное состояние.

Роза попала в кабинет к молодому травматологу сразу и почти без очереди. Перед ней сидела какая-то рыжая молодая девушка и в упор смотрела на её попутчика. Аскер также удостоил взглядом любопытную посетительницу травмпункта. Казалось, они прожигали друг друга глазами. Эту странную картину заметил и дежурный травматолог. Решив, что этот момент затянется не на одну минуту, врач пригласил на осмотр Розу.

Пока судьба молодой студентки и ординатора вершилась за дверя-

ми процедурного кабинета, Аскер во все глаза смотрел на свою бывшую супругу. Он отметил, что Регина выглядела не совсем выигрышно и даже плохо. За эти месяцы из рыжей роковой красотки она превратилась в изможденную женщину, да еще в положении. Под правым глазом расплылось яркое синее пятно, как выяснилось в ходе разговора, им её щедро наградила сожитель, к которому она ушла. Как стало известно, Регина – частый гость в травматологии. Она не раз пыталась уйти от своего возлюбленного, но пока тщетно. Ночью Регина сбежала в одних тапочках, пока спал её любимый дебошир, и направилась сразу в участок снимать побои. Даже просить помощи у Аскера ей было стыдно. Она помнила, что поступила с ним гадко и несправедливо.

Сидящий напротив мужчина в грязной толстовке и с псом, спящим в ногах, слушал её внимательно. Он не чувствовал больше к этой женщине любви, но, возможно, жалость. В течение считанных минут словно рассеялся туман, словно улетучилось забвение и разомкнулись цепи, в которые он добровольно сам себя заковал. Нет никакого потерянного счастья и мнимой мести, нет Регины и желания самоутвердиться, а главное, уже нет обиды.

Аскер молча встал, дернув Джека за поводок, и пулей выскочил на улицу. Он долго брел вместе со своей собакой домой. Домой, где он оставил после себя процветающий хаос, не запертой входную дверь, кучу грязных вещей, страдания и историю конца, которую он сам для себя сочинил.

Тот судьбоносный день и несчастный вид Регины он долго не сможет забыть. Но какая-то неведомая сила решала обстоятельства в его пользу, словно хотела вознаградить мужчину за его страдания. Аскер перестал пить, просто не хотелось. Поменялся круг общения, он снова вышел на работу. Появились клиенты, ему сопутствовала удача, он выигрывал одно судебное дело за другим. Его имя стало нарицательным и отождествлялось окружающими со справедливостью, а то и с успехом. Теперь его сорочки наглаживала другая супруга и не только пекла пироги, но была единомышленницей, спутницей жизни и матерью его детей.

Ее величество любовь

В течение двадцати минут молодой хирург обработал рану, наложил небольшие швы, прописал схему лечения, уколов, перевязок и отпустил милую, как ему показалось, пациентку. От нее, несмотря на потрясение, веяло чем-то неземным, она была прекрасна в этом порванном лиловом костюме, который выгодно оттенял ее черные волосы, крупные миндалевидные глаза, смуглую бархатную кожу. Залим пленился этим волшебным состоянием, ее именем и поступил, вероятно, не совсем прилично, сохранив мобильный номер пациентки у себя

в телефоне. Может получится у него? Сейчас он студент ординатуры, но его уже приглашают на работу в ведущие и престижные клиники столицы. Залим – однолюб и влюблялся лишь однажды. «Эх, вспоминать не хочется», – думал молодой ординатор.

Роза, в свою очередь, не поддалась панике в процедурной, благодаря внимательному, и, что неожиданно, обходительному молодому врачу. Ей не хотелось портить утро ни себе, ни, тем более, обязательному красавчику. И, возможно, она желала произвести впечатление. Хорошее.

То, что ей, уже отошедшей от утреннего потрясения, «предрасветной бабочке», как ее впоследствии будет называть супруг – главный врач ведущей клиники в Санкт-Петербурге, а в прошлом молодой травматолог, удалось произвести в то судьбоносное утро сильнейший эффект, Роза поймет, получив от Залима милое сообщение и приглашение выпить чашечку кофе. Этот напиток ассоциировался у хозяйки имени королевы цветов с положительными переменами и настоящей весной. Главное, думала Роза, в это верить. И все обязательно случится.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Лучи полуденного солнца пробивались через полосатые горизонтальные жалюзи. Окна нараспашку. В квартире приятный сквозняк. Июльское небо словно сбилось с привычного расписания, в городе приятная прохлада. С улиц доносится обычная для городского жителя какофония – неустанное пение птиц, шум проезжающих машин, голоса родителей с балкона, которые пытаются дозваться своих чад к обеденному столу, но пока безуспешно. К этой бытовой суете ненавязчиво и витиевато вплетаются аккорды сонаты Баха. Музыка звучит из смартфона, отзываясь эстетическим наслаждением у хозяйки 225-й квартиры. Сегодня позднее пробуждение. Остатки сна ключьями обволакивали её расслабленный мозг, напоследок демонстрируя кадры ночных видений. Она снова сбегает со своей свадьбы. Она снова в панике швыряет белое пышное платье куда-то в сторону и бежит, бежит в страхе без оглядки. Словно героиня голливудской актрисы Джулии Робертс. «Сбежавшая невеста», подгоняемая своей паникой, вынырнув из омута Морфея, пересекла черту потустороннего и необъяснимого, вязкого и мутного. Многочасовыми усилиями сновидица оказалась в настоящем, где нет ни платья, ни радостной физиономии какого-то мужчины в праздничном костюме. Приоткрыв свои большие голубые глаза, Арина с облегчением вздохнула. Аккорды Баха звучали до сих пор. Эту сонату девушка, которой накануне сделал предложение её давний друг, очень любила. Видимо, только сонату, свое спокойствие и размерен-

ную жизнь, так как через мгновение наслаждение сменилось привычной тревожностью. Брюнетка открыла глаза пошире. Лучи настойчиво будили инфанту своими золотистыми щупальцами, предательски добавляя к своему свечению отблески броского ювелирного изделия, что торжественно восседало на бархатном монаршем троне, подобно императору, голову которого венчает тяжелая бриллиантовая корона. На туалетном столике – Картье.

Арина поморщила нос. Это подарок Аслана, который грозит навсегда впечататься в её безымянный палец в случае согласия. Мужчине скоро тридцать семь. Его родители который год пытаются женить свободолобивого «гуляку». Аслан знает Арину давно. Оба пылали друг к другу чувствами. Дружба не раз пыталась перерасти в отношения, но он и она довольно мнительные личности. Она не была замужем. Он не был женат. Оба ценят свободу и боятся обязательств. Достать из-за пазухи золотое кольцо с бриллиантом, старательно выбранное в самом дорогом ювелирном магазине, стоило Аслану большой смелости. И денег. Из всех девушек он выбрал её. Голубоглазую белокожую брюнетку среднего роста, которая, как ему казалось, настоящая. Ей не доставит труда, на удивление официантам, есть руками в приличном ресторане, она с удовольствием разговаривает с набитым ртом и хохочет так, что её высокочастотным децибелам может позавидовать любой глашатай. Аслан был без ума от её женственной фигурки. Плотные бедра, миниатюрная грудь, гладкие ключицы, тонкие запястья и щиколотки. Ему нравилась её естественность. Она носила мало украшений, подчеркивая свою природную утонченность, а свои шикарные волосы всегда держала распущенными. Аслан любил запах её волос, духов, бархатную кожу. Она была для него совершенством. Что будет потом, если избранница согласится, – неизвестно. Очевидно, что рядом с ним будет женщина, в которую он без ума влюблен. Но покончить с прежней жизнью Аслан был не в силах.

По ту сторону реальности Арина варила себе кофе и примеряла дорогой подарок. Украшение прижилось на её тонких пальцах, как родное. У него получилось угадать размер. Это первый серьезный жест со стороны её сердечного друга. Утреннее беспокойство голубоглазой брюнетки сменилось некоторым смирением. Наверняка, так выходили замуж её мама, сестры, бабушки. Наверняка. У неё еще есть время до вечера, чтобы принять судьбоносное для себя решение.

От беспомощности Арина пыталась прочитать ответ в окружающем. Шум автомобилей так же не стихал, как и птичье пение, а плеер смартфона жил своей жизнью, воспроизводя одну мелодию за другой. Девушка поймала на себе пронизывающий взгляд сероглазой питомицы, казалось, животное читает её мысли. На секунду «героиня фильма Джулии Робертс» начала верить в телепатию, однако её капризная

«шотландка» испортила магию. Кошка, с присущим ей равнодушием, бесцеремонно зевнула и спрыгнула с подоконника, тяжело приземлившись на кафель. Арина с досады шикнула на свою пушистую иж-дивенку и слегка пнула ее ногой. Животное безразлично направилось из кухни. Кофе почти готов. Хозяйка золотого кольца тянется за корицей и осторожно снимает турку с огня. Кофейная пенка неторопливо обволакивает горлышко медной посуды, сворачиваясь в причудливый ободок. Арина внимательно смотрит внутрь турки, приправляя напиток.

Мать Арины разошлась с её отцом, когда девочке не было и трёх. Детство прошло, можно сказать, в обществе сильных и требовательных женщин, которые привыкли всё контролировать. Если учиться, то сразу в нескольких школах, если работать – то с лихвой. Семья «амазонок» рассчитывала только на себя, и Арина, как представительница своего «племени», боялась стать уязвимой перед мужчиной. Эту роковую ошибку Калипсо совершила перед непокорным Одиссеем, когда её возлюбленный через несколько лет совместной жизни решительно и навсегда покинул их Остров любви. Так захотел автор. Что для неё желает тот, к кому она часто обращается в мыслях, неизвестно. Перо Высшей Силы, которое каждое утро может переписать судьбы миллионов, в этот момент, казалось, молчало. Тревога грызла Арину изнутри. Отличница, окончившая школу с золотой медалью и московский университет с красным дипломом, сейчас сдавала еще один важный экзамен в своей жизни.

Кофе на плите давно остыл. На столе сиротливо осталась стоять пустая чашка. Чтобы не путаться в показаниях перед собой, Арина спешно сняла кольцо. Сегодня она примет верное для себя решение. Через час перезвонит и даст утвердительный ответ новому работодателю. Через два начнет собирать чемоданы и закажет билеты на самолет. В Москве её ждет руководящая должность в одном из крупных печатных изданий. А завтра её уже не будет в городе. Кольцо она отдаст Аслану через курьера. Так проще. Она не хочет стать Калипсо. Она хочет контролировать свою жизнь.

Сквозь горизонтальный белый пластик в комнату пробивался сильный жар. Солнце, казалось, собиралось сжечь всё, что находилось рядом с сердцеедкой. Кондиционер сломан. Арина в духоте собирает вещи. Казалось, стихия мстила амбициозной девушке за её природную непокорность. Она не станет Калипсо, она будет Снежной Королевой, которая навсегда приручит это назойливое солнце. В её королевстве будет царить привычная гармония. Это будет пространство вне эмоциональных всплесков и любовной лихорадки. Арина спустила жалюзи и присела. Сделав небольшое усилие над собой, она занесла номер своего жениха в черный список. Теперь её спокойствию ничто не угрожа-

ет. Вздых облегчения. В мыслях Снежная Королева просит прощения у своего Кая и благодарит его за предоставленную свободу. Палитра пережитых потрясений сменяется блаженностью святой. Её начинает клонить в сон. Морфея она встречает с легкой улыбкой. Арина засыпает в душевной темной комнате. Она свободна.

Ей еще много лет будет сниться высокий задумчивый брюнет, который в тот вечер так и не смог дозвониться до своей взбалмошной невесты. Её дорогой Аслан, который дождался ответа только через несколько дней от незнакомого человека, поймет, приметив у посыльного знакомое обручальное кольцо в бархатной коробочке. Арина поступила с ним гадко, разбив ему сердце. Аслан после этого случая навсегда утвердился в репутации «обольстителя». Они оба остались свободны, отказавшись от взаимных привязанностей и всплесков ревности. Впоследствии Арина будет частой гостьей на его страничке в социальных сетях, внимательно изучая фотоальбом и информацию, предназначенную для всех. Её будут забавлять фото располневшей жены и детей, и тот факт, что один из сыновей – его точная копия. В городе знают, что Аслан меняет любовниц, как перчатки, и кто запечатал его сердце, наверняка, также известно. Но однажды, созерцая башни Кремля у себя в офисе, Снежная Королева на мгновение захочет обратно в то позднее утро, когда громоздкое кольцо ждало ее судьбоносного решения, а кофе так и остался недопитым. Арина... Не зря её имя означает «спокойствие».

От автора

Цопанова Аида Сослановна, родилась 29 ноября 1984 года в г. Прохладный КБАССР. Советское искусство во многом сформировало моё мировоззрение. С детства меня завораживала магия слова... В 2000 году окончила среднюю школу в родном Прохладном, здесь же получила средне-специальное образование, сейчас работаю бухгалтером. И хотя работа моя не связана с литературой, творчество – это то, что дарит ни с чем не сравнимое чувство полета. Творчество – моя отдушина, способ выражения чувств и познания мира. А ещё – возможность прожить чужие жизни, увидеть другие времена и страны, делать открытия, изобретать велосипеды... Словом, мой способ жить.

ВЕРЁВОЧНЫЙ МОСТИК

Желтоглазая чёрная кошка
 Подцепила на коготь меня.
 На усах её – звёздная крошка
 Бесконечно далёкого дня.
 Тень и свет – вереница полосок –
 Обвила, заманила в тупик.
 Там, где голос теплел – отголосок.
 Тень и свет – кольца вечной цепи.
 Ненадёжный верёвочный мостик
 С дуновением судьбы заодно,
 Но незваной, непрошеной гостьей
 Я иду по нему всё равно.
 Чтобы в отблесках и отголосках
 Отыскать путеводную нить.
 Чтобы каждая капелька воска
 Научила минуты ценить,
 В невезении видеть удачу
 Чтоб найти между строк и потерь
 Те ладони, что счастья не прячут –
 Нужно только открыть ему дверь.

ЗВОН РАЗБИТОГО СТЕКЛА

Он точно крик подбитой птицы
И смех давно забытых лет.
То наяву звучит, то снится...
Он – мой нательный амулет.
Он жил неназванный, глубокий,
На дне таился меж теней...
Вмурованные в камень строки,
Хрустальный ледяной ручей.
Кружится музыкой снежинок
Над тем, чего не сберегла.
И от подножий до вершины –
Лишь звон разбитого стекла.

***

Мне навстречу мчится ветер
И мелькают, как страницы,
Ивы, дом, собаки, дети...
Чья-то жизнь кому-то снится.
И в слепых разбитых окнах
Заблудились имена.
В гулких омотах холодных
Я не достаю до дна.
Гасну в тишине тумана,
Падаю с отвесных круч.
Небо шарит по карманам
И протягивает луч:
«Страшно? Холодно? Бывает.
Это тоже часть пути.
Кто стучит, тем открывают.
Твою жизнь тебе идти».

МОЖЕТ БЫТЬ

Тяжелобольной улиткой
Тащится рабочий день.
В сердце шоколадной плиткой
Тает смех, и страх, и лень.

Платья, юбки, побрякушки...
Как бы не проделать путь
От царевны до лягушки?
Как бы шею не свернуть?
Вот луна клубком свернулась
На охапке облаков.
Эхо на стене проснулось
Из-за стука каблуков.
Ждёт царевич у подъезда.
Мысли роем мельтешат.
В пятках не находит места
Моя смелая душа.
Бесприютные скитальцы,
Мы вдруг вышли на огонь.
Отчего-то помнят пальцы
Твою тёплую ладонь.
Будто песня, что звучала
Тьму дорог тому назад.
Будто я уже встречала
Этот твой лукавый взгляд.
Может быть, ещё не поздно
Вновь поверить в чудеса
И растить на вишнях звёзды,
И ронять их в небеса...

ПО ВОЛНАМ

Я рисую на песке.
Волны тихо, гладко шепчут:
Путешествуй налегке,
Без цепей плывётся легче.
Все свое носи с собой,
Не рассчитывай на скалы.
Все, что подарил прибой,
Время в вечность расплескало.
Солнце тает в облаках –
Не ищи на дне сокровищ.
Снасти – у тебя в руках –
Не страшись морских чудовищ.
Путеводные мечты

Обернутся ледниками.
Падай в бездну высоты,
Взмахивая плавниками.
...И когда прервется нить,
Чётки лет роняя в воду,
Шире створки распахни –
И найдешь на дне свободу.

ПО НЕБУ КРУГИ

Шпили древних башен,
Арок гулкой свод...
Молчалив и страшен
Всадник у ворот.
Бряцанье кольчуги,
Тихий плач в углу.
Жалкие лачуги
Втоптаны в золу.
Желтый взор свиный
В перьях облаков.
Катятся лавиной
Голоса клинков.
Вздрогнувшее пламя –
Смятый лепесток.
Сдавленный тисками
Воздуха глоток.

...Пламенное сердце
Погребла метель,
Потайная дверца
Сорвана с петель.
Высохший колодец,
Вечности шаги.
Сгинувший народец –
По небу круги.

СКВОЗЬ ПАЛЫЦЫ

По улицам, где бродит моё солнце,
Прозрачные струятся лоскуты.
Заблудится оно или вернётся,
Но встретишь не меня уже не ты.

Как будто в сердце хрустнувшая ветка,
Как волны вспять несущая река,
Так в голосе родного человека
Звучат слова с чужого языка.

Но бережно хранятся те мгновенья,
Что в памяти залиты янтарём,
И от холодного прикосновенья
Готовы лопнуть мыльным пузырём.

Я знаю – был не зря потрачен
Сквозь пальцы убегающий песок,
И обернётся счастьем неудача
В неуловимый, данный свыше срок.

ВОССТАТЬ ИЗ ПЕПЛА

Нурсан долго не могла прийти в себя. «О, Аллах, как хорошо, что это всего лишь сон... но он не сулит ничего хорошего... – Прочитав молитву, она стала медленно одеваться. – Такие сны лучше никому не рассказывать», – подумала она. Затем спустилась вниз, приняла душ и на цыпочках вошла в детскую. Остановилась в дверях, невольно залюбовавшись открывшейся ей картиной: на мягких пуховых подушках, с любовью подготовленных её руками, мирно покоились две родные и очень любимые головки. Рядом с Русланом спала Джанет. Её кудряшки разметались по подушке, а пухленькие розовые губки растянулись в блаженной улыбке, ей снился, по-видимому, чудесный сон. «Милая моя девочка, пусть Аллах одарит тебя счастьем, пусть вас никогда не разлучит судьба. Доживи, сынок, до глубокой старости», – прошептала Нурсан и так же тихо удалилась на кухню.

От сердца немного отлегло. За чашкой чая, наблюдая в окно за синичками и любуясь видом на сад, она мысленно перенеслась в родительский дом: «Сегодня обязательно заеду к ним. Супруг зарезал барана, а папа любит баранину, вот я и завезу их долю...»

За ужином было весело. Джанет своим лепетаньем просто очаровывала всех. Она с удовольствием уплетала за обе щеки бешбармак. Светлана, дочь Нурсан, готовила это блюдо отлично. Можно сказать, что в этом она превзошла даже свою мать. Да и вообще, всё хозяйство в доме вела она. Всё-то она умела и успевала. Нурсан гордилась своей дочерью. Та с отличием окончила школу Бориса Кубатиева и могла готовить триста адыгских блюд. Сегодня же она подала казахский бешбармак и арабский салат «табуле». Позже, за чаем, Нурсан рассказала несколько анекдотов и, наблюдая за Русланом, пришла к выводу, что ничего страшного ни с кем не происходит, правда, приступ, который был у него несколько дней назад, так и остался таинственным. Сейчас он чувствовал себя нормально, и на предложение лечь в больницу на обследование только отшучивался и категорически отказывался. «Стыдно, мама, здоровому мужику отлеживаться в больнице. Ты не заметила, что я уже закончил стяжку в новом доме?» – обратился он к матери. «Конечно же, сынок, ты просто молодчина», – отвечала она.

Казалось, причин для беспокойства нет, но что-то не давало покоя материнскому сердцу. Вдруг она явственно услышала чьи-то на-

ставления... это был мужской голос, голос, который она не слышала никогда прежде: «Нурсан, составь списки своих родных и друзей». Резко подняв голову, Нурсан обратилась к супругу: «Какие списки? О каких списках ты говоришь?» Супруг посмотрел на нее с недоумением. Теперь настала очередь удивляться ему. Ведь «голос» слышала только Нурсан.

...Полнобывавшись крепко спящими Русланом и Джанет, пожелав спокойной ночи дочери Светлане, супруги поднялись к себе в спальню.

Вот уже месяц, как сноха Марианна ушла к родителям. Руслан привёл её в дом так неожиданно, но выбор сына для родителей был неоспорим, поэтому, как положено, отыграли свадьбу, благословив их на счастливую и долгую жизнь. В памяти Нурсан всплывает день знакомства с родными Марианны. Ах, как они были счастливы в тот день! Джэгу устроили во дворе Уматгери – дяди Марианны. Дядя оказался добрейшим, порядочным человеком, каким он и оставался всегда. Нурсан с тётёй Марианны Линой с веранды дома наблюдали за молодыми. Под дружные аплодисменты родни и друзей Руслан танцевал с невестой. В белой дублёнке, зардевшийся от смущения и мороза, он был неотразим. Добрые глаза его излучали море счастья.

Куда всё это подевалось? Что они не поделили? Растёт маленькая Джанет, в которой Руслан души не чает, а Марианна беременна вторым ребёнком...

Может, помирятся? Да, непременно помирятся. Опасность исходит не отсюда. Что же может произойти? «О, Аллах, прости нас грешников, помилуй...» – молится Нурсан перед сном.

Рано утром она ещё раз заглянула к сыну и внучке и уехала на работу. В дороге ей вдруг пришло в голову, что надо купить муку высшего сорта – дефицит продуктов продолжается – запасы не кончились, но внутренний голос гонит её из села в село. Благо, по работе нужно побывать во многих местах Баксанского района. Наконец, в Куркужине она находит то, что искала, а продавец предлагает ещё и соль. Ведь вот-вот начнётся сезон заготовок, а без соли никак. Не знала Нурсан, что она использует эту муку на жьэрэмэ...

Широко улыбаясь, у ворот встречает Руслан, приглашая водителя матери поужинать, но его предложение отклоняется, и он подхватывает мешок с солью, чтобы унести его в дом, однако бумажный мешок вдруг рвется прямо посередине, соль просыпается, и он, зная, что это дурная примета, на минутку замешкавшись, тревожно смотрит прямо в глаза матери. Она не теряет самообладания и быстро собирает соль.

Куда всё это подевалось? Что они не поделили? Растёт маленькая Джанет, в которой Руслан души не чает, а Марианна носит под сердцем второго ребёнка. Кстати, о том, что она беременна, догадалась родственница из Сирии Гания, которой Марианна призналась, что ничего

не хочется есть, кроме рыбы. Светлана сразу поехала на рынок и, вернувшись с рыбой, пожарила её. С каким удовольствием ела Марианна это блюдо, после чего призналась, что она понесла. Конечно же, вся семья была рада этой чудесной новости.

«Может, помирятся... непременно помирятся, – думает Нурсан. – Опасность исходит не отсюда. Сон, приснившийся мне, голос, который я услышала, дурные предчувствия, которые терзают моё сердце... О, Алла, прости нас грешных и помилуй», – молит она Всевышнего, засыпая...

СВИНОПАСКА НАХУНА

Сказка

В те далёкие времена жили в этом благословенном краю Ахмедхан и Кадырхан. Ничем не отличались они от остальных жителей аула, но о любви этой пары знали и стар и млад... Теперь их сыновья повзрослели и настала пора искать счастья старшему сыну. Ему предстояло путешествие в дальние страны, и в доме стоял переполох. Кадырхан напекла чуреки, Ахмедхан укладывал в хурджун копченые сыры и сушеное мясо. Бурдюк с кислым молоком висел на крепкой нижней ветке ореха во дворе.

Солнышко едва показалось, а все домочадцы были уже на ногах. Все желали Беслану – так звали старшего из братьев – счастливого пути и скорого возвращения.

Беслан был поражён красотой родной земли. Он уже миновал огромные поля, покрытые разнотравьем, и густой дремучий лес. Далеко виднелись заснеженные вершины гор-исполинов, казалось, что они окружали весь край, как подкова. На протяжении всего пути он не встретил ни одного поселения.

Вот уже с обеих сторон его окружают поляны, та, что справа, была усеяна маками, и ему показалось, что это красивейший ковер с вытканными красными цветами... идиллию разрушили свиньи. Скоро он увидел и того, что гнал их. Это была старуха, настолько убого одетая, что казалось, будто на ней висят просто обрывки каких-то тканей. «Ах ты мерзавка, для чего ты разводишь этих животных, которые для нас – харам?» – гневно вскричал Беслан и хлестнул ее плеткой. Затем, когда он снова пустился в путь, несчастная женщина с сожалением посмотрела ему вслед, потому что знала, что его ждёт впереди...

Через некоторое время перед ним предстал красивый замок, окруженный частоколом. Подъехав, он спешил и вошёл в открытые ворота. Вокруг ни души. На всякий случай он крикнул: «Есть здесь кто-нибудь?» Ответа не последовало, и он вошёл в дом. В гостиной увидел

накрытый стол. Но и здесь не было ни одной живой души. «Странно», – подумал он и увидел кумган с водой и медный таз. Помыв руки, сел за стол и от души отобедал, приговаривая: «Какой гостеприимный дом, какие славные хозяева... а теперь, пожалуй, можно прилечь отдохнуть», – и шагнул через порог, слегка пригнув голову. За порогом его ожидала участь, о которой знала женщина-свинопас. Вмиг окровавленная его голова покатилась по каменному полу.

...Вот уже три месяца, как Беслан уехал искать счастье, а о нём ни слуху, ни духу. Засобирался в путь и средний сын Ахмедхана и Кадырхан. Арслан – так звали второго сына, пустился в путь, в надежде найти брата и обогатиться. История со старшим братом повторилась в точности, его постигла та же участь.

Теперь собрался в путь их младший брат, Андемиркан, который в отличие от старших был жалостливым, добрым и в то же время храбрым джигитом.

Наступила весна – а это была чудесная пора в этих краях. Очарованный и воодушевленный красотой природы, он вдруг обратил внимание на оборванную женщину, пасшую стадо свиней. «Несчастливая, – подумал он, – кто заставил её заниматься этим делом, негодным Аллаху?» Подъехав к ней, он спешил и, поздоровавшись, обратился с вопросом. Женщина горько расплакалась и рассказала свою историю. Оказалось, что её ещё маленькой девочкой похитили люди с несколькими головами, и с тех пор она прислуживает им. «А разве нет на них управы», – спросил Андемиркан. «Я расскажу, что знаю, а дальше всё будет зависеть от тебя», – ответила она и объяснила ему, как надо действовать.

Всё происходило, как и у старших братьев, только, в отличие от них, по совету женщины-свинопаса, встав из-за стола, он не стал выходить из гостиной, а остановился справа от двери с обнаженной саблей, чтобы, как только иныж, слегка нагнувшись, перешагнёт порог, снести ему все три головы сразу. Второй удар, если даже останется одна из голов, наносить было нельзя, потому что сразу же восстановились бы все головы.

Одним ударом он снёс ему две головы, а третья взмолилась, чтобы он добил и облегчил смерть, но Андемиркан, зная эту тайну, отволол иныжа к подвалу, закинул его туда и опустил железную решётку. Закрыв дверь, вернулся в гостиную и стал поджидать его братьев. От них тоже надо было избавиться.

Через некоторое время услышал, как рассуждали две головы брата иныжа. Одна сетовала на то, что старший брат что-то задерживается, а другая ругалась, что приплод свиней в этом году уменьшился. Иныж пригнулся, чтобы войти – и обе головы покатались по полу. Та же участь ждала и третьего двухголового брата иныжа. Андемиркан выволок их тела подальше от замка и захоронил. Передохнув, он помчался к женщине-свинопасу. «Всё, ты свободна. Распускай свиней, я забираю

тебя в замок. Ты свободна и отныне будешь жить в своё удовольствие!» – заключил он, усадил её на коня и повёз в замок. Он забылся в сладком сне, а женщина стала приводить себя в порядок.

Утром он был удивлён, увидев девушку, которая принесла ему в спальню калмыцкий чай с чуреком и сыром. Женщина-свинопас превратилась в молодую, красивую и стройную девушку с заплетенными косами, вместо косматых нечесаных волос. Пораженный увиденным, он потерял дар речи и даже не поблагодарил её за завтрак.

Оставив на неё хозяйство, он поспешил в свой аул к родителям. Дома его ожидала печальная новость. Его отец Ахмедхан ушёл в мир иной, не дождавшись своих любимых сыновей. Кадырхан не могла налюбоваться своим сыном. Благодаря Всевышнего за то, что даровал жизнь хотя бы младшему сыну, и справив поминки по старшим сыновьям, она огласила своё желание жить там, где считает нужным её сын, и они пустились в путь-дорогу.

Их встретила красавица Нахуна. Обед, приготовленный её добрыми руками, был отменным. Андемиркан всё больше влюблялся в Нахуну, пораженный её преображением.

Так протекала жизнь в замке. Андемиркан каждое утро уезжал на охоту, Нахуна готовила, а мать возилась по хозяйству. Однажды, гуляя по замку, она заметила дверь, которую никогда раньше не открывала. Кадырхан решила открыть ее. Пахнуло холодом, и она, заметив в полу решётку, шагнула к ней. Вдруг оттуда донёсся мужской голос, он молил её приподнять решётку. Дрожащими руками она приподняла... и увидела человека, который лежал на полу. Он был громадным, сбоку головы зияли раны на месте срезанных двух других голов. Она испуганно опустила решётку и попятилась к двери. «Умоляю, не уходи, помоги мне залечить раны», – сказал жалобно иныж, и у неё дрогнуло сердце. «Нет у меня никаких лекарств», – отвечала она ему. «Я подскажу тебе, где взять волшебную мазь, не уходи», – взмолился он снова, и она, вернувшись к нему, спросила, где лежит мазь. Иныж объяснил, как найти волшебное зелье, и лежал в подвале в ожидании чуда. Кадырхан вернулась с маленьким сверточком, бросила его в подвал и быстро удалилась. Через день её потянуло к иныжу. Она решила узнать о его состоянии и направилась к подвалу. Он же, увидев ее, стал горячо благодарить и попросил принести ему что-нибудь поесть. Опять же, из жалости она принесла ему поесть. Потом он стал умолять её, чтобы она нашла лестницу и спустилась к нему. Так они сблизились, а позже сын стал замечать, что мать его стала поправляться, а она все приговаривала: «Больно балуешь ты меня, сынок, я от лени уже и поправляться стала». – «Ничего, ничего, ты заслужила спокойную жизнь, живи и здравствуй на радость», – отвечал Андемиркан.

Вскоре она родила чудесного младенца. Но как сохранить тайну,

как его спрятать? Иныж решил положить его на тропинку рядом с замком. «Андемиркан, конечно же, принесёт его домой и предложит тебе воспитывать нашего сына. Ты сопротивляйся, а потом согласишься, и всё будет хорошо», – успокаивал он её. Как договорились, так и поступили. Вечером Андемиркан занёс в дом малыша и, бережно передав его матери, сказал, что Всевышний подарил ему брата, а матери сына. Конечно, женщина стала говорить, что она уже пожилая и ей не справиться с ребёнком. В душе она радовалась, что сможет теперь смело кормить его своей грудью и воспитывать.

Мальчик рос не по дням, а по часам, а иныж всё думал, как избавиться от Андемиркана, а с Нахуной проблем не будет, считал он. Он всё время настраивал Кадырхан против сына, говоря, что если тот что-то пронюхает, то уничтожит их всех. Постепенно она стала думать, что смерть Андемиркана, подарит жизнь её новой семье. И настал час, когда она согласилась убрать сына с их дороги. Маленький Кантемир полез под кровать за своей игрушкой и случайно подслушал разговор матери с иныжем. Они договорились, что как только Андемиркан поужинает и направится спать, мать бросит ему в спину тарелку с каким-то снадобьем, которое разорвёт его на части. Как только иныж с матерью удалились, он вылез из-под кровати и побежал к брату. А тот, когда узнал о заговоре, почувствовал, что в его душе всё перевернулось. Адская боль пронзила сердце. Подумав, он сказал маленькому Кантемиру: «Будь спокоен, не заходи на кухню, я всё решу». Мать заискивала перед сыном, и было видно, что она взволнована. Андемиркан пожелал ей спокойной ночи, поблагодарив её за ужин, и направился к выходу. У самой двери он резко отскочил в сторону, и тарелка, которую Кадырхан метнула в спину сына, ударила о дверь, разорвав её в щепки.

Вытащив из подвала иныжа, он обратился к нему и матери: «После всего, что произошло, мы не можем жить семьёй. Я дарю вам жизнь. Идите отсюда подальше, куда глаза глядят. Не попадайтесь мне нигде и никогда...»

Так сложилась жизнь Андемиркана. Говорят, что потомки Андемиркана и Темиркана Шараджоковых и теперь живут в пойме реки Малка.

СУДЬБА ЛИНЫ ИЗ ХЫШНИИ

Слёзы душили Лину. Она оплакивала не только свою добрую Жаклин, но и свою жизнь. Годы пролетели как один миг. Теперь уже сравнялось пятьдесят лет, а завтра, после похорон, она останется в этом мегаполисе совсем одна: без жилья и средств к существованию. Слетятся дети и

внуки Жаклин, которые вот уже лет двадцать не навещали её, и станут спорить из-за наследства.

Чувство одиночества и безысходности вдруг охватило её. С уходом Жаклин она осталась совсем одна в Нью-Йорке. Ни одной родной души среди миллионов людей, проживающих здесь, ни крыши над головой. «О, Аллах, почему я, не задумываясь о будущем, полностью отдалась заботам о Жаклин и не откладывала из заработка, который мне платила она, на покупку жилья.

Прикипев к ней всей душой, она ухаживала за ней, как за родной. Тяжело было последние пять лет. Жаклин была в здравом рассудке, но прикована к постели. Никто из её детей и не вспоминал о ней. А Лина прекрасно справлялась со своими обязанностями в кафе и проводила всё своё свободное время с Жаклин. Очень нравилось слушать Жаклин рассказы о судьбе черкесов-мухаджиров. Эта умная, добрая женщина открыла для себя какой-то новый этнос, проживавший в СССР под названием «черкесы». До этого ее представления об этой стране были однозначными. Она представляла ее жителей боролатыми русскими мужиками, ходившими по улицам с медведями, жившими в основном в глухих деревнях и добывавшими пропитание для семей в богатых живностью и съедобными плодами лесах. Теперь она открыла для себя Черкесию, адыгов, которые ещё во времена Ивана Грозного присоединились к ним, а князь Темрюк Идаров отдал в жены царю дочь свою Гуашаней, которую при крещении нарекли Марией. Для неё оставалось загадкой: почему же, невзирая на то, что многочисленные родственники царицы Марии служили верой и правдой и последующим русским царям, поселения черкесов подверглись длительной столетней войне, вследствие которой было потеряно девяносто процентов населения. Те, кто выжили, оказались в Турции, а позже многие рассеялись по разным странам мира. Она пыталась найти литературу об этих событиях, но все было тщетно.

...В кафе вошла молодая девушка. Жаклин сидела в пустом зале за чашкой кофе. Девушка отличалась от завсегдатаев кафе и своим одеянием, и внешностью, ее тугие длинные косы ниже пояса привлекали особое внимание, серые глаза с длинными ресницами излучали доброту.

Жаклин невольно залюбовалась ею. Тут к Лине подошёл официант и потом сразу направился к Жаклин, доложив ей, что девушка желает видеть хозяйку кафе. «Пусть подойдет», – отвечала Жаклин. Лина, так звали девушку, слегка волнуясь, подошла к Жаклин, поздоровалась с ней на ломаном английском и попросила, чтобы та взяла её на работу посудомойкой, заверив, что будет беспрекословно выполнять свои обязанности. Жаклин с первой минуты, как увидела Лину, почувствовала в ней родственную душу и даже обрадовалась, что та нуждается в её поддержке. Позже, узнав, что она снимает квартиру очень далеко от

кафе, предложила ей переселиться к ней в дом. Брат с Лины плату за квартиру она сразу отказалась. Так они подружились.

Долгие зимние вечера они коротали вместе. Жаклин любила слушать Лину. Иногда она просила её надеть наряд, захваченный с собой, когда бежали из Кунейтры и Хышнии, существующих теперь только в воспоминаниях выживших. Она понимала, что этот народ-изгнанник прошёл страшнейшие испытания. А платье говорило о том, что у мужчин-черкесов было особое отношение к женщине – хранительнице очага. Этот наряд Лина и её мать Хайшат сшили, чтобы прийти в нем на свадьбу её подруги Тхэруко, которая выходила замуж по большой любви за Уалида. К свадьбе готовилось всё село. После обручения мастерицы закопали большие кувшины с махсымой с добавлением в них мёда. Через год получился чудесный напиток марамажей, от него слегка хмелеешь, но не дуреешь. А потом он ещё придаёт силу мужчинам. Естественно, надо знать меру.

Каждый мастер знает, чего от него ждут жители: один будет варить мясо, другой готовить халуа – это блюдо из пшеничной муки и топлёного масла, кто-то приготовит халыва – это пирожки с творогом в тонком тесте, прожаренные в большом количестве масла... Каждый из жителей Хышнии в преддверии создания ещё одной семьи внесёт в это событие свою лепту. Девушки шили себе новые платья, юноши обновляли черкески и ичиги, начищали свои шашки и кинжалы до блеска.

Но вот на улице чувствуется оживление. За Тхэруко пришли, так как дом Уалида находится в пятидесяти шагах от жилища невесты. И после обязательного ритуала её на руках уносят в дом жениха. Свадьба продлится три дня и три ночи. В связи с тем, что все друг друга знают, не будет визитов в дом жениха и потом в дом невесты. Просто все вместе будут праздновать образование ещё одной счастливой черкесской семьи.

Вечером девушки во главе с Линой, первой подружкой невесты, появятся в доме жениха и украсят их свадьбу. Лина была просто неотразима в новом наряде. Наконец, затеяли джэгу. Хатяко – управляющий этим действием местный житель – конечно же, знает, кто кому симпатизирует, и поэтому очень удачно выводит в круг пары. Вот он пригласил на танец джигита, которого тут никто не знает. Лина невольно залюбовалась им. Молодой человек был строен и непростительно красив для мужчины. Хатяко подошел к Лине и вывел её в круг, зная, что её сердце ещё никем не занято. Лина танцует, боясь встретиться взглядом с партнером и выдать чувства, которые охватили её с первого взгляда.

Что делает с людьми любовь! Лина, не спавшая всю ночь, была вся во власти чар молодого человека. В свою очередь, Мухамед, так звали гостя двоюродного брата Тхэруко, успел узнать, что она – первая

её подруга и чудесная девушка. Оба с нетерпением ждали следующей встречи. Особенно танца удж, где они имели бы возможность обмолвиться несколькими фразами.

И вот настал этот момент. Они успели познакомиться, и Мухамед сказал, что девушки, прекрасней Лины, он не встречал. Так закружились они в пламене любви, и неделя, которую Мухамед гостил здесь, проскочила, как один миг.

Мухамед уехал в Иорданию, а Лина в нетерпении ожидала сватов. События разворачивались очень уж быстро. Ответ Лины был готов, и она оказалась в кругу большой семьи Мухамеда. У него были живы родители, а сестры его были рады выбору брата и задаривали её золотыми украшениями. Всё происходило, как во сне. И после свадьбы молодые улетели в Нью-Йорк, где он работал на киностудии в Голливуде. Они были счастливы.

Вот уже год, как они вместе. Вроде бы всё у них по-прежнему, но Лина стала замечать, что Мухамед уже не такой пламенный, как прежде. Пришло время, когда он под любым предлогом не возвращался домой сутками. Как-то сказал, что открывает строительную компанию в Испании и ему надо вылететь туда. Ей же посоветовал уехать к родителям в Хышнию.

Лина была растеряна. Она чувствовала, что это не к добру. «Да не может этого быть», – успокаивала она себя. «Ну снял фильм, заработал хорошие деньги и хочет вложить и в недвижимость». На том и договорились. Съёмную квартиру решено было сдать, так как Лине, возможно, предстоит после поездки в Сирию вылететь к нему в Испанию.

Мухамед был уже в Испании, а Лина решила выйти в город и сделать покупки для матери и подруги своей Тхаруко. Ночью не спала, страх перед неизвестным будущим обуял её. Она чувствовала, что Мухамед впустил к себе в жизнь кого-то, кто разобьёт её сердце. Под утро она почувствовала адскую боль внизу живота, и у неё стали отходить воды. Скорая приехала очень быстро. Началась борьба за жизнь человека, который был зачат вследствие искромётной, но короткой любви. Видимо, не готов он был к испытаниям, которые предстояли ему на земле, и жизнь его оборвалась. Лина была разбита, а там далеко, в Сирии, в Акраде, умерла её мать Гуаша, единственная ниточка, связывавшая Лину с тем миром. Теперь уже не было тех адыгских поселений, где компактно проживали черкесы. Хышния, Кунейтра, Барика, Биргаджам были оккупированы израильскими войсками. Повезло жителям Рихании и Куфар-Каши. Их не стали бомбить, а просто присоединили к своим территориям. Деньги, которые оставались у неё на руках на дорогу в Сирию и обратно, пришлось потратить на оплату съёмной квартиры, которую они уже сдали хозяевам. Предстояло найти работу и как-то приспособиться выживать.

От Мухамеда не было никаких вестей, и Лина всё больше уверилась в своих догадках. В поисках работы проходили недели, она была согласна на любую, но ничего не попадалось. Так, в поисках работы она оказалась в кафе Жаклин...

Сейчас она оплакивала женщину и своё одиночество без каких-либо средств к существованию. Уже прилетела дочь Жаклин, следом за ней появился сын. Жаклин похоронили через три дня. На девятый день стали думать о том, чтобы продать кафе, дом и, поделив между собой деньги, разъехаться восвояси. Все их планы разрушил нотариус, появления которого никто не ожидал. Оказывается, мудрая Жаклин втайне от Лины составила завещание, где хозяйкой всей недвижимости и имущества была обозначена именно она. Дети, конечно, были разочарованы, но им пришлось смириться. Ведь все эти годы Жаклин была обласкана и купалась в море открытий и радости от общения с ней, а последние пять лет жизни её, прикованной к постели, Лина старалась вдохнуть ей веру в исцеление и не оставляла её без внимания. Так, неожиданно для себя, Лина сказочно разбогатела, хотя боль утраты Жаклин до сих пор разрывает её сердце...

ТЯЖКИЙ УДЕЛ МУХАДЖИРОВ

Костёр давно уже погас. На этой заброшенной стройке, недалеко от столицы Ливии Триполи уже не осталось даже щепок. Мустафа и Казим сожгли всё, что было можно. Вечером тут довольно прохладно. Ветер, который волнует Средиземное море и прибывает волны к берегу, несёт с собой пронизывающую прохладу.

Месяц назад Казим проснулся очень рано и вышел на улицу. Прямо на обочине дороги увидел мешок. Подойдя, разглядел, что это был мешок с рисом, рядом стояла бутылка с оливковым маслом. «Надо же, – подумал он, – Всевышний послал нам, двум бездомным, пищу». Теперь они не голодали. Мустафе повезло. Вот уже три дня, как он работает, а Казим в ожидании ответа растягивает остаток риса...

Воспоминания опять уносят Казима далеко-далеко... Сирия, село Эйнзиуан. Ещё не произошло аннексии Голанских высот, и черкесы живут в обыденных трудах, которые были уготованы мухаджирам. Конечно, боль от потери родины свербит в их душах постоянно, но надо выживать, и они обживаются, как могут. Уже построили резервуары для хранения воды, и в засушливые времена арабы из соседних поселений пользуются этой водой с большой благодарностью к черкесам.

У отца Казима большое поголовье овец. Работники каждый вечер привозят им сыры, забирая себе договоренное количество, и от продажи этих сыров вся семья живёт без нужды. Уже отстроили добротный

дом, и казалось, что жизнь налаживается... Ан нет... На голову церкесам свалилась ещё одна беда – аннексия Голанских высот, тех самых, на которые они указывали Бекмурзе как на живое напоминание кавказских гор. На что он отвечал: «Да, они красивы, но это не ваша Родина, и неизвестно, что может здесь произойти». В том паломничестве к адыгам Бекмурза Пачев предсказал им, что лет через пятьдесят-семьдесят эта земля покроется огромными чёрными камнями. Это ещё впереди, а села Рейхания и Куфар-Каша уже вместе с жителями отошли Израилю, все остальные вынуждены уходить куда глаза глядят. Да... Пришла беда – открывай ворота.

Подул пронизывающий ветер, и Казим вернулся к реальности. Сон прошёл, он теплее укутался пледом. Воспоминания вновь нахлынули на него, и он оказался уже в Нальчике. Да, он студент КБГУ, он на Родине предков, и первый год группа кабардинцев из Сирии усиленно занимается изучением русского языка и письменности, чтобы обучаться дальше избранной профессии. Студенческая жизнь бурная, интересная. Каждый воскресный вечер – это праздник. Студенты возвращаются в общежитие со всякими вкусняшками. В большой сковороде жарится картошка с вяленой бараниной. Что за блюдо! В считанные минуты сковорода опустеет. И пойдут шутки-прибаутки за питьем чая. Казим и Яхья Кахтан – неразлучные друзья и самые завидные женихи. Девчонки так и обхаживают их, но у них свои планы: после университета – аспирантура в Москве, а дальше будет видно.

Кахтан, похоже, уже решил, что после учёбы вернётся в Сирию, откроет свою клинику и женится на своей любимой Сюзан.

«Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждешь» – как поётся в известной песне, и Казим окунулся с головой в это пламя любви. Зухра была весёлой хохотушкой. С ней было легко. Трудностей она не боялась, и, добившись отдельной комнатки в общежитии, они начали самостоятельную семейную жизнь. На каникулах съездили в Сирию. Сестра и братья Казима сыграли им свадьбу, благословив на счастливую жизнь. Время быстротечно. У Казима и Зухры появился первенец, на радость им и сокурсникам. Источник дохода, на котором держалась семья, иссяк вместе с распадом СССР. Если было достаточно один раз в год съездить в Сирию и привезти джинсы – а они разлетались, как горячие пирожки, – теперь ими уже было не удивить публику. Челночники наполнили рынок. На голый оклад стало жить труднее. Преподавание в Сельхозакадемии приносило гроши. Появился и второй сын. Необходима была более оплачиваемая работа. Так как Казим прекрасно владел арабским языком, он решил искать работу в Ливии, в городе Триполи. Он в подробностях вспоминал разговор, который состоялся между ним и ректором сельскохозяйствен-

ного института Мухамедом Аль Шантой. Оказалось, что им нужен именно Казим: на ветеринарном факультете некому было вести хирургию, а у него за плечами КБГУ, аспирантура в Москве и опыт преподавания. Завтра решится его вопрос.

Он опять съёжился от холода и от волнения. Как дожить до утра? Нужно быть готовым к любому исходу: если отрицательный – остается не солоно хлебавши отправиться домой в Нальчик. Утром надо сварить похлебку из риса и – в путь.

«Да, жизнь прожить – не поле перейти, – вспомнил Казим русскую поговорку. – Никогда бы не подумал, что мне придётся искать работу в Триполи...»

Следующий день стал для Казима самым счастливым. Мухамед Аль Шанта, пожав ему руку, пожелал удачи и добавил, что к хорошему жалованью ему предоставляется и удобная трёхкомнатная квартира с мебелью и даже посудой. Распорядился оформить на должность преподавателя хирургии в институте.

Казалось, что ещё нужно для полного счастья. Семья теперь обеспечена. Живи и наслаждайся благами, которыми теперь вознаградили их Всевышний. Иногда между мужем и женой возникали разногласия из-за того, что выходить в люди Зухре надо было в скромном одеянии, а она у себя выходила в коротких платьях, с декольте, чего здесь не могла себе позволить, но в чужой монастырь со своим уставом лезть нельзя.

Так и жили, не зная нужды, а дети уже свободно владели арабским языком. Казим в это утро почувствовал, что он как-то обессилел, ноги подкашивались, но, поборов минутную слабость, выпив глоток кофе, он ушёл на работу. Во время лекции ему вдруг стало плохо, и очнулся он уже в реанимации. Открыв глаза, увидел Кахтана в белом халате, склонившегося над ним, который произносил мольбы Аллаху за своего друга.

Так судьба вновь свела друзей уже в Триполи. Оказалось, что Казима на скорой доставили в больницу, где работал Кахтан, и, используя все свои связи, тот отправил Казима в Москву, где ему удачно провели операцию, что способствовало его дальнейшему выздоровлению.

Пути Господни неисповедимы... Кто знает, что ждет впереди Казима, Кахтана? На всё воля Божья...

ТОПОЛЯ В ЖИЗНИ БЕКМУРЗЫ

Стояла чудесная осень. Я возилась на участке перед будущим музеем. Закончив обрезку спаргаусов, обратила внимание на женщину, которая вышла из автобуса и направилась прямо ко мне.

Я сняла свои рабочие перчатки и пошла к ней навстречу. «Бог ты мой, – отметила про себя, – как же эта женщина похожа на Алима Пшемаховича». Подойдя ко мне, женщина представилась, и мои догадки оправдались. Это была родная сестра Алима Кешокова – Хамсина. После осмотра музея она поставила на книжную полку две книги Алима и рассказала удивительную историю.

«Наш отец Пшемахо был дружен с Бекмурзой, – начала она своё повествование. – Бекмурза часто приезжал к нам в Шалушку, и они с отцом подолгу беседовали в саду. Нашу усадьбу со всех сторон окружали пирамидальные тополя. Зрелище было завораживающее. Однажды Бекмурза остановился у первого тополя и, устремив свой взор к его вершине, стал читать «лүлхуолэ». Пшемахо молча наблюдал за ним. По окончании молитвы мой отец сказал: «Друг мой, я знаю, что ты боготворишь грушу и даже написал о ней, но чем заинтересовал тебя тополь?» – «На любом дереве, не напрягаясь, можно спокойно увидеть и листья, и плоды, а вот чтобы увидеть вершину тополя, надо устремить свой взор к небу, и при этом сразу хочется обратиться к Всевышнему», – ответил Бекмурза.

...Надежда умирает последней. Я надеюсь, что у землянки, которую мы всё-таки восстановим в «Жэмыжыккьюэ», будут возвышаться стройные тополя.

ЛЕСНАЯ ДЕВУШКА

Повесть

...Бедному Андзору не удалось избежать родительского гнева. Вызванный к отцу, он увидел известного в округе знахаря Локмана, которого приглашали всякий раз, когда дело касалось непонятной болезни, сопровождающейся не столько лихорадкой и телесным недомоганием, сколько бредовыми рассуждениями. Локман сидел за невысоким столом. Перед ним лежал Коран. Отец переводил взгляд с Андзора на Локмана, а потом перестал смотреть на сына, как будто его вовсе и не было.

Андзору Локман был противен и раньше: маленькие злобные глазки смотрели по-змеиному. Сходство со змеей усугубляла длинная морщинистая шея и маленькая голова. Казалось, что знахарь вот-вот зашипит. И вправду, он говорил шипящим шепотом. Время от времени он перелистывал Коран, пытаясь добыть оттуда целительное слово. Андзор смотрел на знахаря с отвращением.

– Скажи, сын мой, – начал Локман, прошептав перед тем неразборчивое заклинание, – пил ли ты из черного кувшина?

Андзор не знал, как себя вести. Не лучше ли вообще не отвечать на вопросы. Но тогда рассердится не только Локман, но и отец, а родительского гнева Андзор все-таки опасался... С другой стороны, распространяться о своих чувствах к Ляне было бы опрометчиво и легкомысленно. Он с детства приучил себя глубоко скрывать свои переживания и гордо нести непроницаемость. Настоящий горец не позволит себе изливать свои чувства первому встречному. Лучше уподобиться скале, чем болтливой бабе.

Андзор молчал. Молчание продолжалось так долго, что Локман не выдержал и отпустил Андзора, не добившись от него ничего полезного.

– Ты иди, сын мой.

Болат (так звали отца Андзора) вопросительно посмотрел на знахаря.

– Трудно будет с ним, Болат, ой, трудно... Не верит твой сын в нашу силу, а когда больной не принимает лекарства, то толку от нашего вмешательства будет мало.

– О, Аллах, как же быть? Ведь он у меня единственный. За что же

Продолжение (начало в № 4, 2023).

такой позор ляжет на мою голову? Вся моя надежда на тебя, любезный. Но сделай что-нибудь, чтобы отвратить его от этой лесной бестии. Ведь ты знаешь много средств. Про тебя чудеса всюду рассказывают. Аллах вознаградит тебя за усердие, ибо надо спасти заблудшую, как овцу в поле, человеческую душу. Да и сам я уважу тебя большим подарком. Вылечи только моего сына, – Болат готов был заплакать, от того, что казался таким несчастным.

– Придумаем что-нибудь, – согласился Локман и улыбнулся подловаемой улыбкой. Но вот он изменился: лицо побледнело, губы зашептали какое-то заклинание, дверь в комнату распахнулась, ворвавшийся сквозняк зашелестел страницами Корана. Локман вынул из кармана втрое сложенную бумажку.

– Сожги ее, – властно приказал он Болату. – Пусть Андзор сидит взаперти и дышит дымом. Ты должен непременно сжечь ее перед его носом и закрой все окна, чтобы дым не выветривался. Другую бумажку, – с этими словами он полез в другой карман и вынул оттуда вчетверо сложенный лист бумаги, – положи в воду и пои его трижды в день, чтобы выгнать дух шайтана. Да не вздумай кормить его. Мори его голодом и одиночеством, авось придет в себя и образумится. Только не пугай ничего, а то не сбудется задуманное.

– Не забуду твоей помощи, Локман. В благодарности моей не сомневайся, – низко поклонился Болат. – О, добрый, мудрый Локман, на том свете тебе уготовлено райское житье. Сколько несчастных ты излечил от телесного недуга. Хвала тебе, дружище!

– Это ты Аллаху воздай хвалу, ибо я выполняю только волю Аллаха.

Болат почтительно проводил Локмана за ворота своего дома.

Андзор по совету Локмана был заперт в комнате. К нему никого не пускали, и сколько бы он ни просил позвать Касбулата, с ним обходились, как с больным, который просит недозволенного и опасного для здоровья.

Положив на поднос вдвое, втрое и вчетверо сложенные бумажки, к Андзору пришла мать, а следом за ней вышел отец. Мать развернула большое одеяло и накрыла Андзора, посаженного на какой-то странный колченогий стул.

– Сынок, ты должен верить в то, что велел делать Локман, иначе Аллах разгневется.

Андзор сразу понял, что означает эта церемония. Он приготовился было возразить, но, взглянув на мрачное лицо отца, решил покорно смолчать.

Мать подождала бумажки, лежащие на подносе, и поставила поднос так, чтобы дым шел под одеяло, которым был накрыт Андзор. Андзор сразу же закашлялся.

– Ой, я задыхаюсь, – простонал он. Дым забивался в нос, рот, глаза, он уже ничего не видел и слабо соображал, что с ним происходит.

Бедная мать испугалась. Она умоляюще посмотрела на отца и прошптала:

– А вдруг он задохнется?

В ее голосе была покорность и мольба.

– Терпи, мой сын, – взревел отец грубо и гневно. – Раз ты мужчина, значит, должен быть выносливым.

Дым застлал одеяло, казалось, что горит вся комната.

– Хватит с меня, – вдруг взорвался Андзор и сбросил с себя дымовую завесу. – Прекратите надо мной издеваться.

Он даже почернел не столько от дыма и пепла, сколько от злости и негодования. Отец побагровел и молча захлопнул за собой дверь.

– Сыночек, – рыдала мать, – выпей-ка воды скорее. На свою беду, ты все это затеял. Ох, боюсь я этих лесных девушек... Колдуньи они все.

Она подала Андзору деревянную чашку с холодной родниковой водой. Андзор выпил залпом.

Поздно ночью тайно от всех проник Касбулат к окну, за которым, как в темнице, томился Андзор. Андзор сидел, потупив голову, но радостно заулыбался, заметив Касбулата.

– Оглянись, никто за тобой не следит? – забеспокоился Андзор.

– Кто в такую темень отважится выйти из дому?

Однако он напрасно понадеялся на темноту. Его братец Мысхуд, заядлый гуляка и полуночник, возвращаясь с гулянки, где до упаду танцевал лезгинку с приглянувшейся ему еще днем девушкой, стал невольным свидетелем разговора двух друзей. Притаившись у плетня, он наострил уши.

– Я уже тебе объяснил, что можно идти двумя путями. Один путь очень крутой и опасный, там можно легко сорваться и угодить в пропасть. А другой путь более надежный, зато длинный. Ты лучше возьми второй путь. Пожалуй, не показывайся ей на глаза, а то она испугается. Положи мешок с едой на крыльцо и гони обратно. Бедняжка, она, наверное, страдает от голода. Ни крошки со вчерашнего дня...

– Все сделаю, как ты сказал, Андзор.

– Торопись. Рассвет скоро наступит.

Мысхуд огородами пробрался домой, предчувствуя неожиданную удачу. Надо же, как повезло. Вечно этот Касбулат все скрывает от него. Теперь Андзорчику не поздоровится, его тайна раскрыта моему брату двоюродному.

Он сразу сообразил, что речь шла о дочери той самой лесной колдуньи, которую он так ловко подстрелил два дня тому назад. Он долго охотился за этой знатной птичкой, не знавшей, куда девать свои сокровища. Мысхуд не мог без зависти смотреть, как она одаривала бедняков

пригоршнями золота. «Молитесь за меня», – просила она всех, кому давала золото.

Теперь Мысхуд заторопился. «Жаль, что толком не расслышал, как туда проехать, – огорчился он, однако кольцо, сиявшее на пальце, подогревало его решимость. – Ах, колечко немного жмет палец. Ну и ведьма же попалась мне! Как она сопротивлялась и не хотела дарить этот перстенок. Конечно, бывают сокровища и покрасивее, а две змеи, обвивающие кольцо, могут и не принести счастья... Ему слишком везло во всех лихих проделках. Он был уверен, что повезет и на этот раз.

Мысхуд вихрем ворвался в дом, чуть было не сшиб замешкавшуюся на пороге мать.

– Куда ты, сынок? – удивилась она, наблюдая, как сын заряжает ружье. – Ночь ведь на дворе.

– Ах, мать, дела не различают, когда ночь, когда день. Только трусы спят дома. А меня ждут опасности и несметные богатства.

– Удачи тебе! – осталось ей только пожелать, сжавшейся от страха в маленький комок.

Мысхуд с детских лет воспылал страстью к деньгам и золоту.

Если случалось ему играть с ребятами, то он всегда норовил выиграть денег побольше. Если дрался, то только из-за денег.

Ночью ему снились пещеры, заваленные золотом, золотые дворцы, клады, зарытые в земле... Частенько Мысхуд исчезал из дому на несколько дней, чтобы возвратиться с добытым богатством. Отец никогда не интересовался, каким способом удалось Мысхуду разбогатеть. Он только хвалил его за ловкость рук и сметливость во всем, что касалось добычи.

Вот и сейчас Мысхуд пришпорил коня, чтобы опередить Касбулата. О, дорогу он прекрасно найдет. Ему сам Аллах поможет. Даром, что ли, он все эти дни протирал коленями богомольный коврик, продырявил, прося Аллаха ниспослать ему покровительство.

Торопясь, Мысхуд не сразу заметил, что собирается гроза. Дождь полил, как из ведра. Мысхуд заторопился. Он решил вырваться из зоны дождя туда, куда он еще не проник. Но опередить дождь ему не удалось. Весь мокрый, заляпанный грязью, едва не провалившись в пропасть, Мысхуд, однако, бодрился и не жалел о затеянной поездке. Только крик совы, показавшийся ему предвестником несчастья, сильно встревожил его, но он тут же разделался с мерзкой птицей, пустив в нее пулю. Сова упала и забилась в судорогах. Он швырнул ее ногой в пропасть, куда чуть было не угодил сам.

И все-таки он разыскал эту хижину. Сопя от нетерпения, отплевываясь от стекающей по лицу дождевой влаги, он ворвался в хижину. Ляна спала и видела во сне Андзора. Рядом с Андзором, даже если он

являлся ей во сне, она всегда чувствовала себя сильной и смелой. Проснувшись от того, что кто-то с шумом распахнул дверь, Ляна радостно вскочила: «Андзор!»

Мысхуд, ухмыляясь, взглянул на нее. Ему и так было ясно, кого она ждала. Он ликовал, понимая, что успел опередить этого недоноска Касбулата, который вечно оскорблял Мысхуда своими благородными порывами. Однако же Андзорчик вовсе не такой дурак: эта дочка колдуньи – очаровательное создание. Он протер глаза той самой рукой, на безымянный палец, который было надето злополучное кольцо с изображением двух свивающихся клубком змей с глазками-изумрудами. Ляна сразу поняла, что перед ней стоит ее кровный враг, нанесший смертельную рану матери. Сгоряча она схватила кинжал и, не целясь, швырнула его в Мысхуда. Кинжал вонзился в косяк двери. Мысхуд снял ружье и прицелился в Ляну. Та чуть не плакала с досады, почувствовав, что попала в ловушку.

Однако Мысхуд проявлял чудеса великодушия. Ему самому понравилась эта маленькая колдунья.

– Я вовсе не желаю твоей гибели. Подойди-ка поближе...

Тут только Ляна окончательно поняла весь ужас своего положения. Ее щеки залились яркой краской – ведь перед незнакомым мужчиной, по-разбойничьи ворвавшимся к ней в дом, она оказалась не только беззащитной, но даже и не одетой. Ее наготу с трудом прикрывала голубая полупрозрачная шелковая рубашка. Мысхуд не сводил с девушки глаз... О, если бы был Андзор на его месте, он непременно сравнил бы возникшее перед ним видение с голубым облаком, обогранным лучами зари...

– Я не хочу твоей смерти, – вполне миролюбиво пытался объяснить Мысхуд. – Я слышал, что у тебя много золота. Покажи, где оно. Я только взгляну и уеду.

Ляна неотрывно глядела на кольцо, так подло и вызывающе сверкающее на пальце. Она хотела откусить этот палец. Ах, если бы эти золотые змеи могли ужалить Мысхуда!

– Тебе нужно золото? – удивилась Ляна. – Только и всего? Пожалуйста, я покажу тебе. Мне оно не нужно...

Ляна никак не могла понять, зачем ему золото. К золоту она относилась равнодушно. Мать презирала и ненавидела золото. Золото – причина несчастий, злобы, распрей, борьбы...

С тревогой на сердце вела Ляна Мысхуда к пещере, где, по словам матери, хранились драгоценности. Если ему нужно только золото, то чего проще отделаться от этого навязчивого негодяя. Но разве не он ее кровный враг, если светится у него на пальце заветное материнское кольцо? Такого кольца ни у кого нет и быть не может. Священное кольцо служило талисманом. Мать рассказывала, что однажды отец

таинственными путями проник в страну оружейников Кубачи, откуда вместе с кинжалом, украшенным золотой насечкой, он привез этот перстень...

Мысхуд ехал несколько позади Ляны, не спуская с нее наглого пристального взгляда. Девушка легко и уверенно подстегивала покорного коня. Ей хотелось поскорей добраться до пещеры. Богатства, схороненные в пещере, совершенно ошарашили Мысхуда. Он с жадностью хватал все, что попадалось под руку: броши, ожерелья, браслеты, а при виде золотых монет издал крик, похожий на ослиный: «И-о-го-го!» Это был вопль души корыстолюбивого проходимца. Когда же он нашел золотую подкову, он был готов скакать на одной ноге от радости, и Ляна очень сожалела, что у этого болвана на ногах не отросли копыта. Вообще в этой пещере, вход в которую был загорожен огромным нартским камнем, непрошенный гость напоминал волосатого одноглазого, задыхающегося от жадности?

Взвалив мешок с награбленным, он хотел было двинуться назад, как вдруг остановился потрясенный. В полумгле пещеры взгляд его нащупал нечто такое, по сравнению с чем все находки разом померкли.

– Ты куда не ходи. Стой, я тебе говорю. Меня Андзор сюда прислал, – объяснил он Ляне и даже не замечал, что его небрежная ложь больно ранит девушку. – Ах, Андзор, вовек не забуду твоей доброты. Какое богатство. Говорят, древние египтяне поклонялись ему, как мы Магомету. И, видать, не зря. Сам Аллах послал мне такое чудо. А шкапулочка с такой красивой резьбой и моей матушке понравится. Отцу же я отвезу меч с серебряной рукояткой.

Мысхуд уже наполнил награбленным весь мешок, набил мелочами свой карман, однако, казалось, сокровищ не убавилось. Его разгоряченный взгляд нащупывал все новые и новые богатства.

– Ах, как Аллах несправедлив, – приговаривал он. – Как он мог позволить, чтобы такие богатства были спрятаны от меня! Клянусь Аллахом, я такого богатства сроду не видывал. Мне кажется, я схожу с ума!

Действительно, с ним творилось что-то неладное: увешанный женскими украшениями, нагруженный неподъемным мешком и обремененный непомерно огромным мечом, он напоминал собой чудовище, тем более что при виде валявшегося в пыли золотого слитка он опустился на четвереньки и ухватил его зубами.

Так он и выполз из пещеры. Ляны нигде не было, но Мысхуда это уже не заботило. «Черт с ней, – подумал он. – Пусть живет хоть сто лет. Впрочем, она долго не протянет, – все равно умрет с голоду! Ах, как обрадуется моя мать. Такие украшения ей и во сне не снились...»

С трудом он взгромоздился на лошадь, но лошадь не могла идти. Ее ноги подкашивались.

– Пошла, чертова кобыла, – заорал Мысхуд и вдруг упал на траву,

как подкошенный. Ляна стреляла без промаха. Подойдя к убитому, она хладнокровно сняла с пальца заветное кольцо. Она чувствовала себя спокойной: мать была отмщена. Разгрузив лошадь, она возвратила пещере только что отобранные сокровища. Пусть лежат они там столько лет и зим, сколько существует эта пещера. Пусть никто никогда не войдет сюда и не осквернит свой взор ядовитым блеском золота...

А мать убитого, не чуя несчастья, стояла в этот момент посреди двора, некрасиво расставив толстые ноги и уперев руки в бока. В таком положении она была похожа на цифру восемь или на две поставленные друг на друга бочки. Она ругала своих слуг.

– Ах ты, собачий сын! Ты посмел забыть свою вину... Вот, погоди, приедет мой сын, он с тобой расправится...

Перед ней стоял тщедушный худощавый паренек, зябко ежась под напором ее грозного крика. Вообще с Нафисат, так звали мать Мысхуда, несмотря на ее преклонный возраст, мало кто осмеливался вступать в спор.

Паренек заикался от страха:

– Не знаю, как получилось, седло слетело с коня и угодило в бурный поток. Его сразу же закрутило и унесло в пучину. Сколь бы я ни старался, поймать его не мог. Чегем – бешеная река, и все, что уносит ее волна, обратно не возвращается.

– Молчи, щенок, мой сын тебе покажет, где Чегем берет свое начало! Ишь ты...

Речь ее, к счастью, была прервана неожиданным сообщением:

– Госпожа, дедушка Мажид привез выкуп.

– Ну, пусти его.

Во двор въехала кибитка, с трудом влекомая клячей. В кибитке кудахтали куры, блеяли овцы, понуро мычала худосочная корова. Старик, остановив возок, низко поклонился госпоже и встал на колени. Черный большеглазый мальчишка последовал дедову примеру и замер в нижайшем поклоне.

– Ну и товары же у тебя, – проворчала Нафисат, оглядев скотину. – Такой жалкой дохлятины я давно не видела. Ты их вовсе не кормишь, что ли? Дешево же ты ценишь свою голову!

– Госпожа, позволь двух тебе оставить.

– Кому они нужны? Одна кожа да кости. Они, должно быть, завтра же околеют.

Ворота за Мажидом медленно закрылись. Во дворе установилась зловещая тишина. Именно в этот момент и ворвался Касбулат на коне с дикой и скорбной вестью. Тело Мысхуда безжизненно распласталось поперек бурки.

Нафисат не сразу поняла, что произошло. Она все еще кипела гне-

вом против нерадивого старика, который за всю свою жизнь ничего не нажил, кроме этих паршивых овец и кур... Увидев Мысхуда, она побежала навстречу:

– Ой, мой мальчик, ты ранен? Что, что с тобой?..

Не зная, что делать, она в бессильном отчаянии ударяет себя по ляжкам, рвет на себе волосы, и, наконец, сообразив, что стряслось с ее сыном, начинает истошно вопить:

– Убили моего мальчика. О, мой бог, накажи убийцу... Что будет с твоим отцом, светик мой...

Вопли Нафисат привлекли внимание всего аула. Скорбно, пряча свои лица и взгляды, жались вдоль стен дома земляки. Мысхуда внесли в комнату и положили на циновку. Мать ввели, держа под руки, две женщины, одетые во все черное.

Нафисат гневно вопрошала Касбулата:

– Ты, ты принес мне ужасную весть. Значит, ты убил моего мальчика, признавайся... Будь ты проклят.

Касбулат почувствовал себя несчастным, потому что перед материнским горем никогда не мог устоять и несправедливые упреки Нафисат он принял со скорбной покорностью,

Все с тайным любопытством следили за ним, терпеливо дожидаясь, что он ответит. Слова долго не шли ему на ум. Наконец, он промолвил:

– Нет, Нафисат, даже если ты заставишь меня поклясться Аллахом, я не убивал Мысхуда.

Ему казалось, что он произнес эти слова громко, но окружающие едва расслышали его робкое оправдание. Впрочем, никто из них и не сомневался в правоте Касбулата. Он был лучшим джигитом в округе, и о нем не зря ходила только добрая слава.

– Нет, Касбулат не мог совершить преступления, – в один голос твердили старики,

– Дайте мне Коран, я поклянусь, что не убивал Мысхуда, – овладев собой, потребовал Касбулат.

Теперь в ауле только и судачили о том, правда ли, что Касбулат убил Мысхуда. Если правда, то из-за чего? Большинство все-таки сходилось на том, что Касбулат не виновен в гибели Мысхуда. В самом деле, если он убил его, разве отважился бы принести его тело на своих руках? Никто в ауле никогда не замечал, чтобы Касбулат и Мысхуд враждовали друг с другом.

Кто же убил Мысхуда? Напрасно родня Касбулата защищала его от несправедливых выпадов против невинного. Оба рода стали кровными врагами. Чтобы разобраться в этом деле по всей справедливости, решено было в ближайшую пятницу собраться всем односельчанам во дворе мечети по окончании обеденного намаза. Касбулат должен был держать ответ перед эфенди.

– Так вот, юноша, сегодня тебя вывели на середину затем, чтобы ты рассказал нам всю правду. Ты был в числе моих учеников, Касбулат, ты с юных лет заботился о том, чтобы не прогневать Аллаха, именно поэтому я взвалил на себя трудную заботу о твоей душе. Ну, давай, рассказывай нам всю правду, но поклянись на Коране, что ты не солжешь.

Касбулат положил на Коран свою правую руку:

– Клянусь этим Кораном, что буду говорить сущую правду. Если же я солгу, пусть тяжелый гнев Всевышнего покарает меня.

Коран унесли. Постояв немного в нерешительности, Касбулат начал:

– Ночью я пошел навестить своего друга Андзора, который томится под замком, и Андзор мне велел съездить в лес, чтобы передать любимой девушке гостинец.

– Любимой девушке? – ахнула толпа. – С каких это пор девушки живут в лесу? Девушки должны блости себя под присмотром родителей. Небось, это дочка колдуньи... Он путается с колдунами, о, Аллах Всемогущий...

– А как же выглядит эта дочка колдуньи? Одни говорят, что она страшна, как жаба, а другие утверждают, что нечистая сила наградила ее неслыханной красотой... Расскажи-ка нам о ней, – мужчины изнывали от любопытства.

– В том-то все и дело, что мне не удалось ее увидеть, – оправдывается Касбулат, сочувствуя, что настроение толпы меняется в его пользу. Теперь уже не он во власти ее требования, а она, затаив дыхание, ждет от него чего-то небывалого.

– Да, я не видал ее: в лесу я наткнулся на тело убитого Мысхуда и тут же заспешил с ним обратно. Но ее видел мой кунак Андзор...

– Позвать сюда Андзора! Привести Андзора! – раздались нетерпеливые крики.

– Приведи его, Болат! – повелительно сказал эфенди отцу Андзора. Тот направился к своему дому, – и через несколько минут перед толпой появился бледный, измученный бессонным ожиданием Андзор.

– Расскажи-ка нам, Андзор, как ты познакомился со своей невестой и какого она рода? Знаешь ли ты ее отца и мать? – обратился к юноше старейший из мужчин аула.

Но Андзор был словно не в себе: столько он передумал и перестрадал, сидя взаперти и гадал, что могло случиться с Ляной и Касбулатом, что из всей толпы он заметил только своего друга, – благо, тот стоял посередине двора, – и бросился к Касбулату.

– Ты видел ее? Что с ней? Почему тебя так долго не было? – как безумный, спрашивал он кунака. Казалось, что, кроме Ляны и вестника Касбулата, для Андзора никого не существовало, ни почтенных старцев, ни эфенди, ни возбужденно гудевшей толпы перед мечетью.

– Нет, Андзор, – покачал головой Касбулат и повторил ему то, что рассказывал всем.

Андзор точно очнулся от сна. Он обвел глазами собравшихся, нетерпеливо ждущих повествования о встрече с лесной девушкой, увидел, как скорбно потупился его отец, чувствующий себя опозоренным, как пристально смотрит на него эфенди, – и каким-то внутренним чутьем понял, что Ляне, любимой, единственной Ляне, грозит беда, очень страшная беда. Он снова оглянулся вокруг, заметил привязанных у ворот коней и стремительным рывком, расталкивая толпу, ринулся со двора, вскочил на первого же оседланного скакуна и твердой рукой опытного всадника пустил его с места вскачь... Когда толпа опомнилась от потрясения, облако пыли уже заволокло след Андзора и смолк вдали топот копыт.

...Солнце заливало лес расплавленным свинцом, в раскаленном полуденном небе парили орлы, поднявшиеся за добычей из скалистых гнезд. Даже ледяные главы Эльбруса казались языками белого пламени в этот знойный день.

Ляна лежала на траве, запрокинув голову, и бездумно наблюдала за одиноким орлом, который кружил высоко в синеве и кликал своего птенца. Сердце ее было полно таким же тревожным зовом, тоской и страхом. Девушка повернулась вниз лицом, оперлась о ствол дерева и стала глядеть на реку, серебристо извивающуюся среди камней и густых зарослей камыша.

«Надо забыть его, забыть и не ждать больше! – твердила себе Ляна. – Легко сказать: забыть. Смогу ли я это сделать? Надо суметь! Ведь я не слабая, я умею бороться даже с лесными зверями!»

Ляна встала и направилась к дому. В руку ей уткнулась влажным носом косуля: ей хотелось, чтобы девушка ее поласкала.

«Ах, ты моя бедненькая, одни мы с тобой остались, совсем одни!» – прошептала Ляна, поглаживая мягкую шерсть доверчивой грациозной козочки. Она хотела было пойти с ней к дому, но, задумавшись, повернулась и скрылась с косулей на руках в чаще: тяжело было смотреть на эти стены, где она была так счастлива и бесконечно несчастна. В дом они вернулись, когда в лесу совсем сгустились летние сумерки, и стало сыро и прохладно. Не зажигая огня и тихо поглаживая косулю, Ляна все думала свою невеселую думу.

Погруженная в печаль, она не слышала, как по траве прошуршали копыта, как распахнулась дверь, и очнулась только тогда, когда увидела перед собой запыленного, по-домашнему одетого Андзора. В порыве радости девушка бросилась к нему, схватила его руку, словно желая убедиться, что это ей не привиделось, что это на самом деле Андзор, которого она уже и не ждала, пришел к ней, вернулся откуда-то оттуда, из аула, где жили люди, которых Ляна не понимала и боялась...

Всех, кроме ее любимого, кроме Андзора. Она хотела подать дорогому гостю умыться, развести огонь в очаге, принять его с почетом. Ей не терпелось поведать любимому, как отомстила она убийце матери, но Андзору, казалось, было не до ужина. Рассказ Ляны о том, что произошло между ней и Мысхудом, заставил его вздрогнуть: «Да, не обмануло меня тогда, у мечети, дурное предчувствие: страшная опасность нависла над Ляной!».

– Я не могу привезти тебя в аул, – сказал он Ляне. – Мой отец не хочет, чтобы мы поженились. Когда я рассказал ему о тебе, меня пытались знахарством избавить от твоих чар... Нет, они хотели убить во мне любовь к тебе! Я не поддался им, и меня заперли на замок. Тело убитого тобой Мысхуда Касбулат нашел в лесу и привез в аул. Жители аула ищут убийцу, и если дознаются... Родня Мысхуда не успокоится, пока не уничтожит того, кто поразил этого жадного шакала, даже если он наказан рукой женщины... Тебе нельзя показываться в ауле, да и мне туда дороги теперь нет!

– Оставайся здесь, – нежно промолвила Ляна. – Разве мой отец не последовал за моей матерью в лес, когда она бежала сюда после убийства князя?

Андзор задумался, окинул глазами стены лесного дома, где чувствовал себя так хорошо и уютно, и тяжело вздохнул:

– Нет, Ляна, нет, любимая моя, нет, прекраснейшая из девушек, нам и здесь оставаться нельзя. За мной, наверно, уже идет погоня. Они обшарят весь лес и обязательно найдут этот дом, отыщут наше убежище. Этот лес – больше нам не защита. Надо уходить далеко, за горы, за реки, как можно дальше от этих мест...

– Куда уходить? – растерянно пролепетала девушка. – Я ничего не знаю, кроме этого леса, я не видела других мест, других дорог...

– Найдем дороги! – решительно сказал Андзор. – Уйдем за горы, к сванам или к грузинам, ускачем в степи, затеряемся среди урусов, в их многолюдных станицах и шумных городах. Плохо, конечно, жить среди иноверцев, но знай, Ляна: всех гяуров сейчас для нас страшнее безжалостный меч адата: он не пощадит ни тебя, ни меня.

– Я готова идти куда угодно, лишь бы вместе с тобой! – осмелев, воскликнула Ляна и нежно прильнула к Андзору. – У нас есть золото, драгоценности, на которые польстился проклятый убийца. – Мы в чужих краях будем менять их на пищу, как это делала моя мать, уезжая из лесу за припасами...

– Можно и так, – ответил Андзор. – А можно и иначе: я научусь работать... Или стану военным... Лишь бы уйти подальше отсюда.

– Когда отправимся? Утром? – спросила Ляна, вся полна радостной готовности повиноваться уму и воле мужчины.

– Немедленно, сейчас! – не раздумывая, сказал Андзор. – Утром

мы должны быть далеко от этого леса. Возьми самое нужное, немного драгоценностей – сколько можно сложить в сумы на коня, – и в путь! И да будет к нам милосердна судьба!

...Когда на следующий день всадники, выехавшие из аула на поиски беглеца-Андзора и его лесной невесты, набрели после долгих блужданий по чашам на избушку Ляны, они увидели опустевший дом, открытый сундучок, где валялись какие-то вещи, наполовину очищенные от посуды полки, холодный пепел в очаге. Никаких следов ни Андзора, ни Ляны, ни даже маленькой косули – любимицы девушки, обнаружить не удалось, хотя поиски продолжались еще несколько дней. Потом еще не раз родственники Мысхуда навевались в чашу, обшаривали окрестные ущелья, карабкались по скалам, все напрасно!

Лесная девушка и ее отважный жених исчезли, будто растворились среди деревьев, в гуще травы, в утренних туманах и горных теснинах, и только овевая легендами быль передавалась из уст в уста в кабардинских селениях, чтобы через столетие дойти до нас...

– Говорили, вроде бы живут они в Грузии счастливо и богато.

Перевела с кабардинского Залина Маршенкулова

ОЧАГ

(из цикла «Черкесские этюды»)

У моего деда по матери был друг детства, к которому он часто заходил, случалось, и я сопровождала деда, восседая при этом на его крепкой не по годам шее. Он был экс-председателем колхоза, то есть первым человеком в ауле, причем то, что никаким начальником сейчас не являлся, ровно ничего не меняло, почета и уважения хватало с избытком. Раз в год дед отдыхал в санатории в Кисловодске, куда отправлялся верхом, а напрямик, через горы, можно было добраться до места через три-четыре часа. Где он там держал своего коня, трудно сказать, но домой его доставлял тот же верный друг, через спину которого были перекинuty две объемистые торбы – одна со сладостями, другая с детской одеждой. Старшая из маминых сестер рассказывала, что как только отец въезжал в село, его встречали ватаги детворы с криками «дядя Хамид приехал!». На эти крики высыпали новые и новые ребятишки, которые, по многолетней традиции, тянули ручонки за подарками.

Хотите верьте, хотите нет, но, когда дед добирался до дома, в торбах, как правило, ничего не оставалось. На упреки бабушки, что у него есть свои собственные дети, и они тоже ждали его с нетерпением и мечтают о городских гостинцах, которые в ауле не видывали, дед виновато улыбался и пытался оправдаться: «Ну как я не порадую сироту или мальчугана, чьи родители нуждаются до такой степени, что не могут купить ребенку обнову? У наших детей есть я и ты».

На что бабушка резонно замечала, что можно было что-то и припрятать. «Где? На груди под рубашкой?» – иронизировал дед. Дом друга, куда мы ходили, был старинным черкесским жилищем, где имелся очаг, не было электрического света, и это приводило меня в восторг. Поэтому каждый раз я напрашивалась с дадой в гости, и каждое посещение того дома приводило меня в состояние неопишуемой радости, я будто окуналась в живую сказку, где «на неведомых дорожках следы невиданных зверей».

Особенно меня потрясал очаг в середине комнаты, около которого сидели старики, ведя неторопливую беседу, изредка подкидывая дрова в огонь и вороша их железной кочергой. Что может быть прекрасней очажного огня? В нем нет ничего резкого, агрессивного, обжигающего. Очаг дает ровное, доброе тепло, а еще он дает свет, который поистине является волшебным. Смягчаются и наливаются таинственным

цветом предметы убранства, и становится драгоценным все, начиная с надочажной цепи, на которой висит котелок, а в нем что-то варится и булькает.

В углах комнаты, освещенной очажным светом, притаились таинственные существа, но они не злые, они не могут принести болезни и причинить какой-нибудь вред, потому что являются полноправными членами семьи, они любят своих домочадцев и оберегают их, и им хорошо и уютно в полумраке интерьера. У очага можно сидеть сколько угодно, глядя на горящие, а потом тлеющие дрова, и каждая искра имеет свой неповторимый цвет и характер. И ты понимаешь явственно и четко: не только свет может дарить яркое впечатление.

Поэтому до сих пор для нас важны тень, полумрак, отсутствие яркого света, столь ценимого в черкесской эстетике. В традиционном адыгском (самоназвание черкесов) доме, где небольшие окошки пропускают мало света, и он, смешиваясь с огнем очага, образует удивительный, сказочный мир игры света и тени, все предметы обстановки, фигуры и лица людей, их движения приобретают волшебное, магическое значение.

Для европейской культуры проблема освещенности проста и однозначна, так как чем больше света, тем для него лучше, в строительстве немаловажное значение имеют большие окна, пропускающие много света, а вечерняя жизнь аристократов, задающих моду на образ жизни, немислима без ярко освещенного зала – чем больше свечей, канделябров и прочих источников света, тем праздничнее бал. Об этом хорошо говорит Арсений Тарковский: «Есть только жизнь и свет, ни тьмы, ни мрака нет». Эта стихотворная строка хорошо передает западную традицию эстетики света, связанного с принципом жизни напрямую.

Для черкесской культурной традиции свет и тень едины и гармоничны, они естественно переходят один в другую, имея свою индивидуальную эстетическую ценность. Когда в адыгские дома провели электрический свет, это вызвало у их обитателей двойственные чувства – с одной стороны, проблема освещения вечернего и ночного жилища решалась одним движением руки, что существенно облегчало практическую, прагматическую сторону жизни, экономя время, силы и средства.

С другой стороны (об этом сохранилось много воспоминаний пожилых людей), интерьер стал голым, скудным, резким. Свет проник во все таинственные уголки дома, лишив его магической, трансцендентной составляющей домашнего уюта. Все неровности стен и потолка беспощадно обнажились, все закопченные уголки резко стали видны и бросались в глаза при первом взгляде, женщины потеряли часть красоты, а мужчины – видимую статью и мужество. Неторопливая беседа у живого пламени очага, бросающего таинственный свет и образующего

причудливые тени на стенах и потолке, зыбкие, меняющиеся границы света и мрака, гармония, рожденная столкновением противоположностей, красота и мистика, как данность этой игры, – вот одно из самых сильных эстетических достоинств традиционного черкесского дома, который принципиально не декорировался ни коврами, ни дорогой посудой, ни другими предметами, потому что он в них не нуждался.

При ярком свете предметы обихода, быта, интерьера теряют свои эстетические качества – самшитовая самодельная посуда, такая светлая и легкая в полумраке адыгского дома, на свету становится неуклюжей, примитивной, некрасивой. То же касается других вещей – деревянной тахты, самодельного шкафа или полок для посуды, железных щипцов для разгребания углей очага, даже простой металлический совок в пламенеющих отсветах очажного пламени приобретает изящество линий, строгость и правильность форм.

Вынужденные жить в доме, где света было не так много, наши предки открыли для себя прелесть полумрака и игры света и тени как великую ценность прекрасного. Вспоминается традиционная японская эстетика жилища, о которой пишет Тонидзаки Дзюньтиро: «Тоно – неясное освещение, когда робкие неверные лучи внешнего света, задерживаясь на стенах гостиной, окрашенной в цвета сумерек, с трудом сдерживают здесь последнее дыхание своей жизни».

Древние греки полагали, что именно благодаря тени возникла живопись. Как гласит старинная легенда, записанная Плинием Старшим, коринфская дева, дочь гончара из Сикиона, обвела на стене профиль своего возлюбленного, отбрасываемый в свете свечи, и попыталась его сохранить. И только в восемнадцатом веке повсеместно развивается эстетика мрачного и зловещего, и тень начинает играть активную роль в повествовании в качестве зла, в качестве негативного начала.

Давным-давно исчезли в черкесских домах очаги, и, пожалуй, трудно сейчас встретить жилище без электричества. Но также трудно встретить человека, который не любит лицезреть живой огонь, такой очищающий, такой дарящий свет и радость. Костер ли это в походе, камин ли в доме, тлеющие ли угли в мангале – как это завораживает, как наполняет душу счастьем, а тело – особой живительной энергией! А я при этом всегда вспоминаю своего даду и посылаю ему частицу любви...

***

А познать себя невозможно,
Доверяясь только другим.
Ложь всегда была только ложью,
Дым всегда был лишь только дым.
Горький вкус вряд ли сладким будет,
А потеря – потеря есть.
Разрисованы наши будни,
В них сомнения, честь и лесть.
И в себе надрыв проклиная,
Перекресток, наш путь далек...
Так хотелось, чтоб весть благая
Засияла, как уголек.
Как любви дать определенье,
Аромат ее как понять?
В жизни только одно мгновенье,
Чтоб любить и огнем сиять.
Отдавать ее по крупицам,
Обходя лабиринт теней,
Узнавая во встречах лицах
Отголоски любви своей.

***

В который раз борюсь с собой,
По острию иду опасно,
Но уходящий день любой
Я проживаю не напрасно.
Он канул, были в нем друзья,
И встречи были, и разлуки.
В нем что-то можно и нельзя,
По телу дрожь, немели руки...
В нем неразгаданности ложь
И утонченная преграда,
Между лопаток – острый нож
И острота чужого взгляда.
Рукой очерчивая круг,
В той несвершенности событий
Не понимаю, кто мне друг,
Событий смысл ищу сокрытый,
И, не найдя слов тайный смысл,
Что были для меня отрада,

Меня пронизывает мысль,
Что в глубине чужого взгляда.

***

Возможное бывает невозможно,
Где надо падать, хочется взлететь,
И только ветер с пылью придорожной
Порывом ударяет, словно плеть.
Все накрывает полотном не тканым,
Через него так трудно видеть мне.
Ты был таким нечаянным, не званным,
Как ураган, как зарево в окне.
Что получилось? Бурное течение,
И ветер чуть коснулся наших губ.
Где откровенье, где-то отречение,
А ветер неумен, свеж и груб.
Унес с собою прошлые обиды,
Непониманье, суетность и дрожь.
Передо мной мелькают жизни виды,
Отодвигая и любовь, и ложь...

***

Вот снег кружит, пришла зима,
А воздух свеж, грустит природа,
И шапкой снежною дома
Достать смогли до небосвода.
Простор раскрылся предо мной
В неповторимости природы.
А снег метет сплошной стеной.
Люблю я это время года,
Когда все в белой тишине,
И словно бы в оцепененье,
И на заснеженной стене
Сюжет на грани откровенья.
Люблю зимы я строгий взгляд,
Когда она рисует белым,
Бреду куда-то наугад,
Ступая робко и несмело.
Как новые слова найти,
Когда мои совсем убоги?
Но длинные мои пути
На зимней встретятся дороге...

***

В тишине прозрачной замер мир...
Чувствуешь торжественность момента.
Жизнь, порой затертая до дыр,
Вьется и струится пестрой лентой.
Мир бывает и жесток, и груб,
Чем-то нас особенно тревожа,
А улыбка, спрятавшись у губ,
Почему-то кажется дороже.
В нашей недосказанности есть
Нежность не свершившихся мгновений.
И полутонов порой не счесть,
Много разных чувств и откровений.
Хочется услышать в тишине,
Как парит над этим миром птица.
И без промедлений в голове
Промелькнут любимых наших лица.
Снегом, запыленным в тишине,
Все они свидетели надежды.
Руку, протянув однажды мне,
Мир не будет уж таким, как прежде.

***

Движение жизни – балаган,
И каждый ищет брод,
То тишь, то сносит ураган,
Но только лишь вперед!
И что-то хочется найти
Сквозь дождик проливной,
Но затеряются пути,
Там где-то, за стеной.
Дверь, что закрыта много лет,
Откроется слегка,
И теплотой согреет свет
С касаньем ветерка.
Мираж, реальность – как понять?
И пусть подскажет мне,
Что повторится все опять
За линией в окне.
Другую дверь закрыть смогла
С разбегу во всю прыть,
А в дрогнувших руках игла
Все продолжает шить...

***

День крадется, как путник усталый
И его не воротить назад,
Но зима в этот раз опоздала
Декабря встретить пристальный взгляд.
Он затмил всю округу собою.
В снежной россыпи тонут дома,
Пробираясь дорогой люблю,
Его поступь искриста, шумна.
Снег на солнце огнями играет,
Затмевая своей белизной.
В череде дней декабрьских мелькая,
Снег и холод играют со мной.
Блики солнца тепло пробудили
И сосульки заплакали с крыш.
Они словно за нами следили
И будили округу и тишь.
Звук ритмичный, вторгаясь в пространство,
С декабрём резво в прятки играл,
А зиме нужно так постоянство,
А декабрь все сгорал и сгорал.
И в обещанной роли, как встрече
Отступала природа сама...
День к закату, вот сумерки, вечер.
Все заполнила белым зима...

***

День уходящий исчезнет в тумане,
Дверь эту ты затвори
И не ищи в кровотокащей ране
Свет, что несут фонари.
Теней в тумане, конечно, не видно,
Кажется, что изнемог,
Но до чего же бывает обидно
На перекрестке дорог
Вдруг потеряться, тропа ускользает.
Мысли и чувства гоню.
Чья-то заведомо страшная, злая
Ложь предаёт все огню.
Ярче огонь и сгорает былое,
Пепел остался у ног,
Пусть потеряется чувство шальное
На перекрестке дорог.

ДОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. М. Моттаева

Поэтами рождаются и редко ими становятся – вероятно, так себя перефразировал бы непревзойденный оратор античности М. Т. Цицерон, если бы ему довелось глубоко проникнуться природой подлинной поэзии. Иначе и не скажешь, думая о жизненном и творческом пути Светланы Моттаевой. Что же это за феномен – поэт? Как бы отвечая на вопрос, датский философ Сёрен Кьеркегор сообщает: «Несчастный человек, носящий в душе тяжкие муки, с устами так созданными, что крики и стоны, прорываясь через них, звучат как прекрасная музыка».

Когда читатель воодушевляется и вдохновляется «прекрасной музыкой» от Светы, он вряд ли представляет себя, чего это ей стоило. Напряженное психофизическое состояние поэта усугубляется социально-политической средой, враждебно настроенной его духу. Об этом как нельзя эффектнее звучит четверостишие французского поэта Шарля Бодлера:

*Так, поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.*

Мысли и чувства видных представителей философии и художественного слова в полной мере применимы к творчеству Моттаевой и как бы служат прологом к нему.

***

Светлана Мустафаевна – многоплановая творческая личность, поэт, публицист, переводчик, редактор. Во всех этих относительно самостоятельных разделах деятельности она – индивидуальность, а там, где ее нет, быть не может и того, что называется Homo Sapiens. Есть стадо.

Слог поэта характеризуется лаконичностью, ясностью, динамичностью, содержательностью и не в последнюю очередь – афористичностью. А емкий афоризм сродни нержавеющей стали мировому открытию. Нелишне здесь напомнить афоризм французского писателя-моралиста Франсуа де Ларошфуко: «Восхвалять государей за достоинства, которыми они не обладают, значит безнаказанно наносить им оскорбление». Как тут не вспомнить Л. И. Брежнева, которого подобострастное

окружение безнаказанно и многократно обслуживало тщеславие старца, восхваляя его за достоинства, которыми он не обладал. Тем временем огромное государство катилось к упадку и распаду.

Сравним эту трагикомическую ситуацию с нынешним руководством страны и отметим один ценнейший факт без тени лести. В текущем году президенту Российской Федерации В. В. Путину исполнилось 70. И – ни слова о более чем заслуженной награде! Блестящий пример личной скромности, в том числе и для чиновников всех уровней.

Философия поэта

В мировоззренческом плане Светлана Моттаева временами склонна к скептицизму – испытывает сомнение в возможности познания человеком объективной реальности:

*На скрижалях судеб наших все
До последней прописано строчки,
Опровергнуть не в силах никто
Тот божественный заданный почерк.*

Как видно, человеческой воле здесь нет места. Разумеется, никто не вправе предписывать другому, какой точки зрения придерживаться в решении сложнейшего философского вопроса. Отметим только, что отдельные течения религиозной мысли, в частности ислам, допускают сочетание предопределения и свободы воли, но в определенных рамках. Это касается философов, которые часто придерживаются противоположных взглядов. Два примера. Древнегреческий философ Ксенофан (580-495 до н.э.): «Нет, достоверно никто никогда ничего не узнает». Древнегреческий философ Карнеад: «Не все, что происходит, происходит от судьбы. Кое-что находится и в нашей власти».

Все это естественное состояние и теоретическое проявление сознания. В то же самое время Светлана Мустафаевна не очень-то верит в предопределенность, когда дело касается вопросов чувств:

*Душу закалит, судьбу изменит
Бремя ожиданий и тревог...
О рассвет! Лишь тот его оценит,
Кто всю ночь от боли спать не мог.*

Философские (мировоззренческие) мотивы прослеживаются в следующем четверостишии, которое оставляет глубокое впечатление:

*И в вышине, в бездонном небосводе
Звезду мою задует, как свечу,*

*И будет сдвиг неведомый в природе,
Постичь который нам не по плечу.*

Строфа в определенной степени напоминает нам агностицизм родоначальника немецкой классической философии И. Канта. Однако воля стихотворца¹.

Следующее четверостишие лишено мажора, но и минор как будто не очень удручает автора. Тут, скорее всего, констатация того, какой предстает реальность, полная негативных зигзагов и превратностей, которые являются частью людских неизбежных ошибок и заблуждений:

*Сердце в ранах, в ссадинах, в ушибах, –
Каждый шаг наш чувствует оно.
Не дано нам избежать ошибок,
Не поддаться чувствам не дано.*

«Сердцу»

Время и Космос по сути идентичны, поскольку без первого нет и второго. Время есть процесс, а во всяком процессе все видоизменяется, трансформируется одно неуловимое состояние в другое. Об этом повествует стихотворение «Время»:

*Время проявит и ангела в демоне,
В демона ангела преобразит.
Высушить реки есть сила у времени,
В пыль превратить нерушимый гранит.*

В индуизме и буддизме есть понятие сансара, когда душа может пребывать в теле человека, животного и растения. Последнее место пребывания души в творчестве поэта отмечено в стихотворении «Даже если стану ивовой лозою...», в котором видны и анимистические компоненты:

*Даже если лозою ивовой
Стану я трепетать на ветру..
И в каком не предстану облике,
Буду верить, любя, дыша,
Что в реке, и в горе, и в облаке
Человечья живет душа.*

---

¹ В данном случае ударение ставится на последнем слог, так как стихотворец – это, по сути, техническая сторона дела. Нет слова творец, а есть только творец. Здесь, кажется, есть над чем подумать лингвистам, поскольку в словах отсутствует слово стихотворец.

О своем месте во Вселенной и тропе, по которой предназначено идти только ей одной, поэт недвусмысленно дает знать читателю:

*Но властной судьбою назначена я
Стать капелькой в том водопаде гремучем,
Частичкой дымки, плывущей по кручам,
Зерном, растворившемся в стебле живучем,
И лучиком в теплом потоке могучем, –
Стезя у меня в мирозданье своя.*

Моя стезя

Обобщая изложенное выше, следует подчеркнуть существенную мировоззренческую особенность Светланы Моттаевой: она, на наш взгляд, состоит в том, что равнозначно соприкасается с различными религиозными и философскими течениями, что гармонично вписывается в творческий мир неповторимого художника слова.

Чувства, продиктованные мгновенными состояниями души поэта, не должны распространяться на весь его творческий путь. Обратимся к стихотворению «Человек»:

*Время настанет, – людей поколенья
В звездных скопленьях дороги проложат,
И человеческой жизни мгновенья
На световые года перемножат.*

В мировоззренческом плане это зрелое произведение, полное разумного оптимизма, в котором ярко выражен безграничный познавательный потенциал человека. В нем от роковой предопределенности – апокалипсиса Иоанна Богослова – не осталось и следа!

Моттаева воспринимает себя как «Неброский сколок Бытия», однако духом не падает. Несокрушима ее обоснованная надежда на то, что в необозримо далекое будущее впишется ее имя. Ведь она сделала столь многое в различных сферах культуры:

*Чтобы из мира прекрасного этого
Мне не с пустыми руками уйти.*

Поэт вправе верить в грядущую значимость своего бытия и, ни от кого не ожидая пустых похвал, вправе во всеуслышание заявить:

*Назначена мне роль,
И суть моя не вечная,
Как мир окрест большой,*

*Мне кажется, отмечена
ТАМГОЮ вековой.
Эмоции, вы солнцами...*

Любовная лирика

Лирика поэта совершенно свободна от сентиментальности и мелодраматизма. Ей свойственно проявление личного достоинства и гордости там, где, казалось бы, впору впасть в уныние и безнадёжность. Как бы ни была влюблена героиня, она никогда не позволит себе ослепнуть и склонить сердце перед красноречивым ничтожеством.

В стихотворении «Я одну лишь голубую долину искала» читаем:

*И я тропе к тебе сказала: нет!
Где наволочь отравы и тумана...
Пусть другая ловит твой лжесвет,
Питая душу собственным обманом.*

Там, где мечта по высоте своего запроса обманывается, озарение перед «лжесветом» предстает уже неприступной скалой:

*И поняла: моей долины нет –
Нет во плоти такого идеала.
А дни с тобой – от них простыл и след:
Я их сожгла, а пепел разбросала.*

В таком же духе выражены сокровенные чувства в целом ряде стихов. Прочитаем две строфы:

*Как этот снег, к тебе я холодна.
И зря взойти мечтаешь ты на кручи.
Души моей чиста голубизна,
Но твой порыв, увы, досадный случай.
«В любви коварства силы – тяжкий грех...»*

*Мне тебе никогда не отдать
Золотые ключи моей тайны,
Мои губы, глаза, мою стать
Ни намеренно, ни случайно.
«Я не та – не придумывай, нет...»*

Комментарий к ним только затруднит читателя полной грудью вдохнуть прелесть женской чести, сумевшей отстоять себя в упорной

душевной борьбе с «досадным случаем», от которого, пожалуй, никто не гарантирован.

Пейзажная лирика

Пейзажная лирика – значимая составляющая творчества Моттаевой. Иначе и быть не могло. Ведь неповторимая красота высокогорного ландшафта малой родины сама просится на бумагу:

*В белых ромашках берег Черека застенчив,
Вечер языческий бродит по Саду Камней.
Слышу, как рядом на верхнебалкарском наречье
Мне о предтечах моих повествует ручей.*

«Тамга»

Многих туристов привлекает завораживающий пейзаж заоблачных вершин, однако они только любуются им. Иные мысли и чувства при всем этом посещают человека, который был вынужден покинуть отчий край и провести золотое детство на чужбине. Вот почему шаловливо с гор спускающийся ручей поэту повествует, увы, лишь о предтечах поэта.

К счастью, минута горьких воспоминаний не вечна, и на смену ей хотя бы на время приходит иной настрой духа. Но и тут автора не оставляют размышления при виде отдельных составляющих флоры. Обращаясь к первому вестнику долгожданной весны – подснежнику, Моттаева задает ему вопрос, который редко кому придет в голову:

*Что за сердце в тебе непокорное?
Что за сила такая в тебе?*

«Подснежник»

С окрестных гор снега еще не все сошли, заморозки и катаклизмы в природе дадут себя знать, однако на вид хрупкий подснежник, смело прокладывая себе дорогу к весне, выходит в свет. Таковы его непокорность и сила, несомненно, свойственные и Моттаевой.

И. В. Гете как-то заметил, что одни и те же мысли могут одновременно возникать в головах сотен людей. Понятно и то, что взгляды людей разных поколений могут быть переключкой эпох и веков. В «Железной дороге» Н. А. Некрасова есть запоминающиеся строки:

*Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –*

*Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...*

Случись «печальнику горя народного» побывать в Балкарии, он мог бы сказать заодно устами Моттаевой:

*«Ах, оставьте ненужные споры...»
Что святее и выше души?
Что красивее – камни на взгорье?
Иль в затонах речных камыши?
«Золотя и сады, и газоны...»*

Поэт-билингв. Переводчик

Весьма важной стороной творческого амплуа любого поэта является двуязычие. В среде балкарских и кабардинских поэтов советского и несколько более позднего периода этим уникальным даром наделена лишь Светлана Мустафаевна. Это обстоятельство позволяет ей плодотворно заниматься таким неоченимым видом литературного творчества, как перевод художественный.

Пушкин отмечал, что переводчики – почтовые лошади просвещения. Вместе с тем, эти лошади по всему свету хромают, и чем глубже поэт, тем сильнее хромают. В этой связи любопытен автограф Р. Гамзатова на книге, подаренной им переводчику Я. Козловскому:

*Когда стихи Гамзата и Чанка
Переводил ты, сам слывя поэтом,
Я сожалею о том, что ты при этом
Аварского не ведал языка.
Теперь ты переводишь молодых,
Каких у нас в Аварии немало.
А то, что с языком оригинала
Ты не знаком, лишь ободряет их.*

Перевод поэзии на иной язык, адекватный оригиналу, возможен при условии, если, кроме призвания к этому виду творчества, есть также знание истории, психического и умственного склада народа, которому принадлежат переводимый автор, а такого переводчика, пожалуй, не найти.

Что касается стихов Светланы Мустафаевны, подлинность их не вызывает сомнений, поскольку она, как сказано выше, раскованно владеет и русским языком. Говоря о переводах, остающихся хронически слабым звеном в национальных литературах, следует особо

подчеркнуть такой момент. Если бы Моттаева была переведена на иностранные языки, она бы за рубежом пользовалась репутацией американки Эмили Дикинсон, Анны Ахматовой или Марины Цветаевой. Кстати, выскажем еще такое соображение, в связи с тем, что Светлана посвятила Ахматовой одно стихотворение. У обеих есть некоторое корневое и по судьбам родство, что дает основание сказать, что Моттаева – Ахматова в балкарской поэзии. Скажу больше: пройдут года, наступят дни такие, и уголок в Хасанье, где она захватывающе трудится не покладая рук, может быть, благодарные соотечественники назовут Светлой поляной.

Патриотическая лирика

Чувствовать себя в долгу перед Родиной, а не требовать и не ждать от нее признания и почета – характерная черта поэзии Светланы:

*Душой тила, как воду, синеву –
Для нежности, любви еще не зная...
Вот так всю жизнь должницей я живу
Перед тобой, Земля моя родная.*
«В долгу я»

Патриотизм, или социальная философия поэта, не заикливается на малой родине – «сероглазое крае» – но широко распространяется вплоть до всеобщности:

*Еще за отчие пределы,
За милый край и всю страну,
Веду отчаянно и смело
Свою неженскую войну.*
«Женская философия»

Любовь к Родине содержит в себе негативный оттенок, если она противостоит другой родине и вырождается в губительный для нее же радикальный национализм. Патриотическая любовь Светланы светла. Она не только не допустит слепой любовью навредить ей наяву. Поразительно, что почувствует она себя виновной и в том, не зависящем от нее случае, тревожном сне:

*Пусть ночь меня томит бессонницею снова, –
Бывает, что глаза закрыть еще страшней:
У родины просить прощенья я готова
За каждый сон дурной, приснившийся о ней.*
«Пусть ночь меня томит...»

Вся линия жизни поэта пронизана неизбывной памятью о горестных годах изгнания из родной земли, которым подверглись балкарцы и карачаевцы. Сердце содрогается при каждом воспринимаемом звуке, напоминающем о горестном пути выселения народа. Думаю, что ни один нравственно полноценный человек иной национальности не останется без сопереживания прочитав, например, это:

*Я не люблю ночные поезда,
Их перестук баюкающе ровный...
Как будто предо мной они виновны
За памятно печальные года...
«Ночные поезда»*

Глубокое чувство родины придает дополнительное очарование красивому пейзажу родного края:

*Я взглядом огляжу дочерним
Аула отчего красу,
Все вынесим камням бессмертным
Поклон свой низкий принесу.
«Нравственный облик поэта»*

*И навстречу им, как ветвь древесная,
Как река, звенящая в тиши,
Рвется к солнцу и простору песня
Из моей, простившей все, души.
«Из глубин ночей моих бессонных...»*

Редкостно оригинальная и, вероятно, единственная поэтическая мысль. Она, на наш взгляд, сравнима с одним эпизодом из жизни Иисуса Христа, о котором немецкий философ Георг Гегель пишет: «В истории Иисуса есть также прекрасный эпизод, в котором рассказывается об обращении грешницы, известной своей красотой, Марии Магдалины» (Гегель. Философия религии в 2-х томах. Т. 1. М., 1975. С. 137).

Обращение Марии Магдалины к Иисусу Христу завершилось тем, что он проник в душу раскаявшейся грешницы и простил ее. Поступок, достойный Бога Сына. Вместе с тем, заслуживает быть особо отмеченным другое обстоятельство: Христос простил одну женщину, но только после того, как она действительно раскаялась, а Светлана – женщина-поэт душевно возвышается до того, что прощает все и всех. При этом удивительно и то, что она взамен ничего от людей не требует, по-видимому, надеясь на конечное торжество разумного начала над суетной жизнью.

Кое-кто может подумать (мир не без зоилов), что мы здесь перегибаем палку, мол, это мгновенный всплеск души, или разовое просветление сознания. Душа поэта предельно – лучше сказать, беспредельно – широка:

*Все оправдать судьбой своей натруженной:
Раскаявшихся всех понять спешу,
И недруга простить, и зной и стужу я,
Гнев камнепада и наветов шум,
(Палящий зной окутает округу...)*

Трудности на пути, препоны и рогатки для поэта не то, что преграда для других – они своего рода абразивный камень, призванный шлифовать их и точить наперекор изменчивой судьбе:

*Плачу за право быть собой
Покою, счастьем, настроеньем.
Бешу их неповиновеньем,
Неподмандатною душой.
«Узду обдуманных интриг...»*

Неподмандатная! Не ищите этого замечательного по своей социальной сути слова в популярном словарном фонде. Поиски приведут к Мотгаевой...

Подлинному поэту суждено обманываться чаще, чем иным людям. Такова природа чувственного созерцания, крепкого задним умом, а этим свойством в той или иной мере наделен всяк живущий.

Вдумаемся в эти щемяще-трогательные строки:

*Сквозь решетчатый купол вокзала
Вижу звезды – корону земли.
Я, свою выбирая, не знала,
Что не мне она светит вдали.
«Не предвижу душе облегченья...»*

Каково душе при этих звуках, полных молчаливой грусти, доступно только ей самой. Но все же, думается, можно выразить это состояние по-лермонтовски:

*И скучно, и грустно и некому руку подать
В минуту душевной тревоги.*

Для принятия жизненно для людей необходимых решений Государственной думе достаточно второе чтение проекта документа. Значительно сложнее приходится человеку, когда речь идет о женщине. В этом случае и второе чтение может оказаться лишь тем же первым. Однако кажущаяся трудной проблема часто как рукой снимется, при знакомстве всего с одной-двумя строфами. Вот как отзывается она тому, что поверхностно принято считать дружбой.

*Январь суров, как перст судьбы,
Как тень знаменья рокового,
Боюсь я – тлеющей молвы
И даже дружеского слова.
«Январь суров...»*

Каламу поэта есть дело до всего, что случается в повседневности. Не по нутру ему гипертрофированная массовая культура и всякая там поп-музыка:

*Так что ж теперь, и Моцарт нам не Моцарт?
И с этим я неужто соглашусь?
Но лжеорфеи заслонили солнце,
Творя с благословения лжемюз.
«Творит оркестр симфонию природы...»*

Тяготит поэта и одиночество, в котором виноватого не отыскать, но все же находится косвенная причина:

*Я виню предначертанье,
Разлучившее с тобой...
Кто тебе я в жизни странной?
И не друг и не жена...
В днях, в делах, в речах, в молчанье, –
Все одна, одна, одна...
«Я виню предначертанье...»*

Когда думаешь о поэте нельзя торопиться с выводами, поскольку он – живая переменчивость:

*Свою судьбу мне не в чем упрекнуть, –
Она меня ничем не обделила...
И если нива принесет моя
Добротных спелых зерен отблеск медный, –
Судьбе скажу свое спасибо я*

За то, что сгинуть не дала бесследно.

«Моя судьба»

У святых и «простых» смертных – одни и те же чувства. В одном из ранних стихотворений поэт в духе Адама обращается к Творцу, не без тактичной укоризны:

За что мне эта привилегия, о Боже? –

Ты с каждым днем ко мне все строже, строже,

И в строгости своей не знаешь меры,

Прости, но есть, увы, тому примеры.

«За что мне эта...»

Человеку с тонкой физической организацией претит «привилегия», когда она, как непрошенная гостья, тягостно влияет на психику, а ему, как правило, ничто человеческое не чуждо. Даже праведникам нередко снятся минуты сокровенной слабости. Известен дерзкий совет, с которым главный представитель западной патристики Августин Блаженный (354-430) обратился к Богу: «Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши».

Торопливостью Творца вызвано следующее откровение поэта из того же стихотворения:

Слепая Вера, та, что юности опора,

Как было мне не покориться ей?

Меня она покинула так скоро

И отказала в милости своей.

Здесь, на земле, вас было только двое:

Ты, Боже, да Возлюбленный души,

Зачем Ты, Веры подорвав устои,

Любовный кубок не дал осушить?

Краткая исповедь души. Ей вовсе не по нраву смотреться некоей мистической иконой в безжизненном ореоле. Желание состоит в другом – предстать перед читающей публикой со всеми своими достоинствами и присущими каждому индивиду неизбежными слабостями, которые не должны считаться недостатками.

Публицист

Мотгаева – межнациональная личность. Ее социальная сущность ярче всего проявляется в публицистике. Оставаясь верной дочерью Балкарии, Светлана Мустафаевна одновременно умеет сочетать любовь к родному краю с глубоким уважением к другим этносам, в частности к народам Кабардино-Балкарии. Этот факт свидетельствуется тем, что ее перу принад-

лежат многочисленные очерки и другие отзывы о кабардинцах, русских и представителях других наций, живущих в республике и за ее пределами.

Публицистика, как жанр литературы, затрагивает все сферы общественно-политической, культурной и экономической жизни. Ее характер и содержание определяются качеством и видом деятельности публициста.

Публицистика Светланы Моттаевой одушевлена поэзией. Проникновение в самую сущность излагаемого материала в сочетании с захватывающим художественным слогом – отличительная черта моттаевской публицистики. Это принесло ей бесспорное признание читательской публики и, можно сказать, в профессиональной среде. Публицистика Моттаевой – поучительный пример ее межнациональной сущности, столь актуальной во все времена.

Редактор

Редакторская деятельность Моттаевой – почти неизвестная страница ее творческого бытия. В одно время я работал вместе с ней в Кабардино-Балкарском книжном издательстве и как коллега по редакторскому цеху могу сказать следующее. Светлана Мустафаевна продолжительное время находилась на ответственной должности главного редактора редакции по издательству литературы на балкарском языке.

Редактирование разнообразных по своему содержанию и форме текстов – тяжелый, кропотливый, часто доводящий до полного изнеможения труд. Иногда это литературная доработка сырых рукописей до приемлемого чтения, о чем и не подозревает широкая читательская аудитория.

Занимая указанную выше должность, Светлана Моттаева редактировала всех балкарских поэтов, писателей и драматургов всех поколений. Тем самым она внесла неоценимый и потому пока не вполне оцененный вклад в национальную художественную литературу и культуру в целом.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЛИКТНОЙ
МОДАЛЬНОСТИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

ЗУБЕРА ТХАГАЗИТОВА

(к 90-летию З. М. Тхагазитова)

Особенность вхождения литературной традиции новописьменных народов Северного Кавказа в общекультурный советский контекст 20-30 гг. заключается в том, что это еще парадигмально оформленное многообразие устойчивых схем художественного представления разных уровней презентации – от ритмики до концептуального содержания текстов.

Однако в том, что касается внутритекстуальных оценочных адресаций, устойчивой автономной семантики традиционных образов, ассоциативных полей, связанных с теми или иными постоянно употребляемыми образами, – всего, что относится к общей культуре поэтической когниции, уже фольклорные системы народов Северного Кавказа обладали высоким эволюционным статусом. Любой смысловесущий элемент текста в фольклоре народов региона, особенно в кабардинском фольклоре, плотно интегрирован в достаточно обширные семантические ряды, оказывается в положении взаимной зависимости с другими группами смыслов и оценок посредством особого механизма интертекстуальности, апеллирующей к общему культурному полю традиционной этики и задаваемой ею народной эстетики.

Достигалось это за счет детализированности и безусловности положений обычного права народов Северного Кавказа. Закрепленный характер имели даже самые незначительные моменты, вплоть до деталей одежды и оформления предметов быта. В этом смысле упоминаемая в народных произведениях многих народов «коновязь с кольцом» у дома фольклорного героя была прозрачным указанием на его происхождение и однозначно задавала отношение слушателя к образу – в зависимости, естественно, от общей социальной модальности текста.

Полностью расписаны были и элементы внешнего облика человека: например, по усам, опускающимся ниже уголков губ, окружающие знали, что собеседник является человеком женатым, в адатах были учтены даже стандартные мимические реакции человека.

Комплекс этикетных норм, таким образом, выступал в качестве

З. М. Тхагазитов

особого механизма консолидации, посредством которого выражалась синкретическая сущность культурного пространства народов Северного Кавказа. Здесь не было и не могло быть ничего, что не входило бы как составная часть в этот единый организм, основу которого составляла мораль общества, и прежде всего это относится к этико-эстетическим воззрениям этносов региона. Иначе говоря, в лингвокультурном плане фольклор региона изначально предоставлял возможность художественной апелляции к внешним, не присутствующим в тексте объектам и явлениям, что, собственно, и свидетельствует об эстетической функциональности художественного слова.

Система же этикетного мироустройства Северного Кавказа базировалась на концептах и категориях, имеющих непосредственное отношение к культу мужчины-воина, мужчины-защитника. Можно отследить, как воинская функциональность определяет эстетические требования, например, к тому же внешнему облику в каждой конкретной ситуации, причем связь между актуальным моральным императивом и эстетическим стандартом однозначна.

Так, неприметность, отсутствие ярких цветов в одежде было обязательным требованием к внешнему облику мужчины. Цвет черески мог быть серым, черным либо коричневым. Причина была проста: секундная готовность к набегу, к походу, к сражению, во время которых скрытность и незаметность воина во многом определяли успех предприятия. Боевые действия кавказских горцев в реальных условиях распались на совокупность индивидуальных поступков каждого участника, координированного командования как такового не существовало, личное пространство индивидуума свято блюлось и в сражении. Поэтому у горцев и не существовало потребности в заметности на поле боя, облегчавшей задачу предводителя, в отличие от европейских армий.

Наряду с кинжалами парадными, сплошь отделанными серебром и блестящими на солнце, существовали боевые кинжалы «адыгского» типа, количество металла на ножнах и рукояти которых было минимизировано. Это было, так сказать, требование военной эстетики в условиях «партизанской» войны.

Но, как свидетельствует А. С. Пушкин, в определенных случаях горцы отступали от этих стереотипов воинской функциональности:

*Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
Па холме пред казаками
Вьется красный делибаш...*

Вспомним строки Лермонтова: «...А вот в чалме один мюрид // В черкеске красной ездит важно...» В символике цветов одежды Северного Кавказа красный занимает особое место. Красные чуваки, красные

сафьяновые сапоги, красная черкеска всегда были признаками аристократического происхождения и высокого достоинства их обладателя. И в ситуации открытого противостояния армий, когда уже не было нужды скрываться и быть незаметным, воин выходил на предварительную индивидуальную схватку, демонстрируя свое презрение к смерти яркостью одежды и, соответственно, собственной уязвимостью. Красное пятно на поле боя – в сущности, это реальное проявление культа воина, презирающего смерть, в его этико-эстетическом воплощении.

Разница в общественном восприятии цветовой семантики вполне определенно зафиксирована в фольклоре народов региона. Во всяком случае, в текстах народных и авторских песен адыгов упоминание красного цвета одежды в условиях войны никоим образом не осуждается, в эпизодах же, посвященных мирному времени, красные детали одежды почти всегда играют роль идентификаторов ненужной родовой спеси, четко выстраивая сатирические образы. Особенно примечательным при этом видится то, что в общественном восприятии явно осознается противоречие между воинской символикой красного цвета и несоответствием его обладателя, как правило, весьма далекого от представлений адыгов о внешности воина и мужчины. И если у Б. Пачева «чуваки красные» («Кинжал») говорят лишь о непомерном высокомерии их носителя:

*...Вот сидит в кунацкой князь,
Подбоченившись надменно.
Он сидит над всей вселенной,
Убежденный, что она
На подметки лишь годна.*

Для его чувяков красных... – то в народных воспоминаниях о мирном времени красные чуваки, как правило, ассоциируются с людьми, никак не способными к выполнению воинских обязанностей дворянина. К слову, красная обувь является непременным атрибутом упоминаемого в нескольких текстах Беслана Жирнотелого, в силу непомерной тучности даже на охоту выезжавшего не верхом, а на арбе.

Модальность социального конфликта при вхождении кабардинской поэтической традиции в поток литератур народов СССР была полностью оснащена всеми компонентами оппозиционных представлений и, столкнувшись с жесткой идеолого-эстетической доктриной классового, партийного толка, была подчинена ей, тем более, что, как уже говорилось, устойчивый сословный конфликт устного народного творчества структурно полностью соответствовал предпочтительному в советской эстетике классовому конфликту.

Идеологема непримиримого противостояния для нескольких поколений советских поэтов стала генеральной сюжетообразующей, нарративной детерминантой поэтических произведений, включая ли-

рические. Её относительная парадигмальная полнота в кабардинской литературе, достаточность когнитивного потенциала в рамках предъявляемых теорией социалистического реализма требований привели к художественной функциональности в различных эволюционных ипостасях на протяжении долгого времени.

Первые модификации поэтических моделей конфликтной модальности реализовывались в описательных поэтических текстах, напрямую восходивших к соответствующим фольклорным аналогам. Это были либо сюжетные представления, либо прямые эмотивно-оценочные тексты, семантика которых базировалась на однозначных ситуативных нарративах и любовых аксиологических определениях.

Вторым эволюционным этапом в развитии идеологемы стало презентативное противопоставление конфликтных элементов. Эта модель позволяла более широко использовать аналитические возможности национального эстетического сознания, тем более что в 20-30-е годы произошло существенное расширение бытийной сферы национальной поэзии, прежде всего за счет внедрения в круг её представлений новых объектов, как реальных, так и умозрительных. Схемы оппозиционной модальности приобретали в подавляющем большинстве случаев вид сравнения и итоговой оценки, что само по себе являло новый уровень осмысления окружающего мира.

Эволюционная проблема кабардинского поэтического мышления заключалась в первую очередь в том, что традиционные для него представления конфликтности были поддержаны новой идеологией прежде всего на образном уровне. Выражение внутренних движений лирического субъекта, в фольклорных текстах зачастую аргументированное элементами материального характера, конкретикой реальных объектов окружающего мира, в условиях императивного воздействия абстрактно-понятийных символов стало попросту невозможным, тем более, при исконной, шедшей из глубины народной традиции категоричности конфликтных схем, а следовательно, идеологем кабардинской советской поэзии.

Конечно, воздействие культуры классового, партийного мироощущения, базировавшегося на комбинировании иллюзорных понятий типа «справедливость», «партия», «Ленин», «угнетение», «свобода» и так далее, было общим для всех литератур Советского Союза и не только новописьменных – своеобразное правило обеспечения коммуникативности текста, когда в одной лексеме сходятся и уникальная её информация, и в силу скудости последней – обязательная смысловая соотнесенность. Плоскостной, целиком политический взгляд на окружающий мир был естественным итогом комплексного воздействия на сознание всей новой для народов Северного Кавказа советской культуры. Сегодня нам трудно представить масштабы и силу этого

воздействия, но даже в послевоенный период поэзия и проза страны находились в глубочайшем кризисе, ангажированность официальной культуры государства была такова, что открытые декларации политической и личной преданности идеологии и идеологическим символам страны ощущались как часть обязательного ритуала.

В подобных условиях потенциально возможные области эстетического отражения были крайне сужены, когнитивные возможности художественных текстов ограничивались разветвленным набором обязательных тем, проблем и, еще раз повторимся, выразительного инструментария – ситуация, весьма напоминающая внутренний регламент канонических и близких к ним религиозных произведений.

Большинство кабардинских авторов 20-30-х годов прошлого века остаются в рамках конфликтной модальности – даже в тех жанровых формах, которые вполне позволяют обойтись без нот социального звучания. Идеологема этико-эстетической оппозиции, чётко присутствующая в лирических сюжетах кабардинских поэтов, формирует особый тип когниции, когда даже абсолютно конкретные и овеществленные словесные картины приобретают характер обобщающих символов.

Мы видим, как в соседстве с абстрактно-символьными формулировками «дитя страны свободной», «счастье сына и свобода», «солнце радости живой» получают соответствующее понятийное содержание и конкретная «книжка с золотыми буквами», и «седло для гнедого жеребенка».

Кабардинская поэтика уже к началу 40-х годов набрала тот потенциал рефлексивных возможностей, который гарантировал полноценную художественную реакцию. С другой стороны, сами вызовы этой среды локализовывались в совершенно определенной области. Опираясь на высокоразвитые схемы конфликтной модальности, кабардинская художественная мысль вынуждено актуализировалась в системе абстрактных категорий, что, в свою очередь, задерживало эволюцию собственно лирического начала, ибо трудно ожидать индивидуально-личностный подход в координатах группового этико-эстетического отражения.

Поэтому третья формация схем конфликтной модальности в кабардинской поэзии абсолютно закономерно представляла собой попытку перехода от представлений коллективных рефлексий к презентациям внутреннего «Я» автора. Первые поэтические образцы, свидетельствовавшие о достижении этого уровня эволюционного развития, связаны с именем А. Кешокова. Собственно говоря, явление лирической поэзии в полном смысле этого слова изначально сформировано именно в его творчестве, что не раз отмечалось исследователями.

Генетическое родство его, казалось бы, сугубо лирических произведений со стихами общественного звучания, со стихами, семанти-

ческой детерминантой которых выступает идеологема конфликтного противостояния, очевидно. Более того, эта идеологема зачастую подспудно определяет и характер переживания в его индивидуально значимых текстах, сознательно – на тематическом и жанровом уровне – уведенных из сферы социального звучания:

Надели горы облаков кудлатых

Прославленные бурки...

...А ливень льётся яростно, отважно,

Всем в мире завладел водоворот...

...На щедрость неба сочными плодами

Земля ответит и ответит сад.

Пейзажная зарисовка, в которой нет ни намека на какое-либо противостояние социального толка, тем не менее, ожидаемо оказывается выстроенной в духе и нарративной манере идеологической поэзии. Даже на уровне лексики Кешоков остается в русле соцреалистической конфликтной модальности, применяя для описания чисто природных явлений определения, прочно связанные с опытом предыдущей традиции, – «прославленные», «раскаты», «грозно», «сверкнула», «яростно», «отважно» и так далее. Резюмирующая же концовка стихотворения однозначно напоминает дидактические выводы о неизбежности победы нового над старым, столь свойственные идеологической кабардинской поэзии.

Перед нами индивидуально-личностное преломление ставшей уже стандартной идеологемы конфликта, конечно, с весьма заметными новационными наращениями. Тем не менее, в данном случае, как и во множестве других, мы сталкиваемся именно с традиционной семантической структурой, предполагавшей дуальное противопоставление различных состояний описываемого, конкретно в этом тексте – духовные состояния «Я» Кешокова, спроецированные на природу до дождя и во время него, с явной когнитивной адресацией к картинам классово-вой борьбы и не столь далеких военных столкновений.

Надо сказать, что подобная нарративная конструкция стала на этом этапе эволюции кабардинского эстетического сознания основной, отметим лишь то обстоятельство, что перенос душевных движений субъекта на картины окружающего мира свойственен наиболее прогрессивным системам поэтического мышления вообще – это, по сути, одна из парадигмальных конституирующих черт лирического рода вообще. Кешоков вплотную подошёл и даже перешагнул рубеж истинно лирического переживания в своих довоенных произведениях, подавляющее же большинство текстов других кабардинских поэтов в эти годы представляют упрощенную модификацию модели лирического переживания – сюжетное описание действий и ситуаций иного лица с определением оценочной позиции со стороны автора.

Эта модель поэтического представления оказалась весьма живой и, фактически дожив до наших дней, определяет стиль многих современных поэтов, обуславливая как пафос их текстов, так и схему последовательных переходов от одного рефлексивно-эмоционального состояния к другому:

*...Глядит спокойно в небо человек,
За жизнь свою познавший всё на свете:
А град – с дождём соединенный снег,
Как по мишени, метит по планете.
И ледяные пули в цель летят,
Как будто землю прострелить хотят... [236:35]*

Справедливости ради необходимо отметить, что и Кешоков чаще всего оставался в рамках подобной схемы, берущей своё начало в фольклорных лирических текстах с последовательным сюжетом. Идеологема конфликта в них представлена в пограничной фазе, когда речь идет не столько о столкновении самостоятельных объектов, сколько об эмотивной внутрисубъектной оппозиции. В этом ключе написано подавляющее большинство стихотворений великого кабардинского поэта до Великой Отечественной войны, во время неё и в 50-60-е годы. То же самое можно сказать о других кабардинских авторах, довольно часто создававших произведения-двойники в смысле схожести лирического сюжета, набора оценочных определений, эпитетики и, главное – полного доминирования абстрактно-понятийной образности как неотъемлемой черты системы конфликтной модальности, задававшей кабардинской поэзии её характерный, так называемый «устойчивый» стиль.

Даже в 70-е годы прошлого века для многих национальных авторов, зарекомендовавших себя в качестве действительно одаренных людей, подобная сюжетно-нарративная конструкция лирических произведений оставалась не просто обычной, но и доминирующей в их творчестве. Прогрессивные эволюционные приобретения за практически полвека существования советской кабардинской поэтической традиции оказались минимальны и проявились в разве что во все более и более чётком проявлении индивидуального «Я» автора в тексте, зачастую местоименно оформленного.

Полнота и функциональность поэтической когниции в координатах конфликтной модальности, в конце концов, негативно сказались на всем ходе развития кабардинского художественного мышления. Фактически оппозициональная идеологема узурпировала значительное количество жанровых форм кабардинской поэзии, проникнув в совершенно неожиданные области и создав цельную унитарную систему обязательных эстетических представлений на всех слоях рефлексии – от ритмики до концептов и топологических картин, выстраиваемых

авторами в текстах, фактически исключив из процесса поэтической когниции творческое начало.

Со временем функциональная полнота идеологемы конфликтного противостояния – вначале даже избыточная – перестала отвечать вызовам и запросам коллективного читательского сознания. Авторы, ощущая узость рефлексивных возможностей традиционной модальности, по-разному пытались преодолеть границы устойчивой образности, ограниченного пафосного набора, тематики, проблем и лексического фонда, приемлемого в рамках идеологической эстетики. Эволюционные поиски кабардинской поэзии, начавшиеся в первые послевоенные годы (у некоторых писателей еще в 30-е), приобретали различный вид, в том числе ухода в альтернативные жанровые ниши, например, в сатирические и юмористические формы, сложившиеся еще в досоветский период.

В целом же процесс преодоления конфликтной модальности в общем потоке развития кабардинской поэзии приобрел вид жанровой структуризации, при которой за теми или иными составляющими жанровой парадигмы постепенно закреплялись определенные модели художественных представлений. Так, кабардинская любовная лирика действительно избавилась от давления схем конфликтной модальности, от соответствующей абстрактно-понятийной образности, переориентировалась на традиционную кавказскую символику, но при этом приобрела – за редчайшими исключениями – камерный характер. Пейзажная лирика, изжив оппозициональную идеологему, освоила спокойное медитативное описание в контексте абстрактной же, но деидеологизированной образности, подкрепленной народной символикой, и относительно описаний природы и природных явлений кабардинскими поэтами можно уверенно констатировать, что в целом в ней, по крайней мере до 80-х годов прошлого века, презентуется очень ограниченный образный ряд, т. е. опять-таки это были в основном камерные произведения.

Камерность и мелкотемье альтернативных схем модальности в условиях полного вхождения общественно-социального содержания в границы конфликтного дуализма кабардинской поэтической мысли были предопределенным и неизбежным явлением. Эстетическое сознание народа уже в первые послевоенные десятилетия вплотную подошло к некоей кризисной ситуации, обусловленной исконным, идущим от фольклора качеством художественных представлений. Национальной литературе была необходима личность, которая смогла бы, не абстрагируясь от идеологемы противостояния, не избегая её в жанровых ответвлениях, трансформировать и саму модель оппозиции.

Весьма успешным в этом смысле явилось раннее творчество А.

Кешокова, пошедшего по пути «размывания» самой схемы конфликтной модальности за счет экстенсивного расширения горизонтов описываемого, в том числе обращения к объектной экзотике, включения в круг кабардинского литературного языка и поэтического интереса новой топонимики, предметов и символов, ритмических и образных рисунков. Однако задачу онтологической модификации идеологемы, когда модальная схема оппозициональности из цели художественного текста превращается в средство, продолжил другой кабардинский поэт – Зубер Тхагазитов.

Традиционная модальность кабардинской поэзии, как уже было сказано, предопределила её быстрое вхождение в общий идеологический контекст советской литературы на первом этапе развития. Агитка и лозунг как начальные формы новой утилитарной эстетики в рамках национального художественного сознания оказались не менее функциональны, чем в своих русских вариантах. Именно поэтому эстетическая ценность подавляющего большинства произведений молодой советской литературы 20-х годов прошлого века приблизительно одинакова вне зависимости от их этнической принадлежности. В новописьменных системах в целом это объяснялось диктатом политизированного общества, а в русской литературе – давним тяготением русской либеральной интеллигенции к некоему духовному мессианству, вылившемуся, в конце концов, в повышенную адаптивность, что заставило некоторых исследователей вообще выделить русскую духовную элиту в особую общественную страту [228]. Пожалуй, из всех известных нам стихотворений этого периода, в концентрированном виде выражающих сиюминутную необходимость политически и классово обозначенного действия, особняком стоит лишь «Левый марш» Маяковского. Весь остальной объем новой советской поэзии этих лет в значительной мере унифицирован по всем параметрам, а знаком национальной принадлежности текстов оставался лишь язык.

Освоение исходных, наиболее примитивных поэтических форм неаналитического характера, имеющих в виду императивное воздействие на сознание читателя, оказалось абсолютно органичным для кабардинского художественного сознания – адаптация к новому идеологическому содержанию требовалась лишь в части концептуально значимой символики. Включение же в орбиту поэтических представлений таких объектов, как «Ленин», «знамя», «Москва», «коммунизм» и им подобных идеологических знаков нового строя, кабардинских поэтов затруднило не больше, чем их собратьев по перу на всей территории огромного государства.

Однако уже следующий шаг в развитии эстетических представлений идеологического характера выявил неготовность этнической традиции к синтезу политического, классового толкования окружаю-

щего в некоторых сферах человеческого общежития и в координатах системы этических ценностей. Конечно, кабардинским поэтам были не чужды попытки реализации новой идеологии в традиционных сферах, стремление к модификации образов матери, любимой девушки, друга, природы явно прослеживается в стихах практически всех авторов, однако так же явен и нарочито дидактический, морализаторский пафос всех подобных текстов.

Фактически уже в 30-е годы XX века сфера поэтических представлений кабардинского народа вошла в полосу глубокого кризиса. Парадигмальный характер конфликтной модальности, тотальность оппозиции в политических координатах привели к изживанию внеидеологической эстетики в текстах. Всё, не соотносящееся напрямую с реалиями классовой борьбы, борьбы за новый строй и миропорядок, не трактовалось как художественно значимое, пригодное для включения в область эстетического – достаточно давняя, хотя и трансформировавшаяся позиция для русской культуры [247:414]. В подобном положении находились все новописьменные системы и даже русскоязычная поэзия, но у русских поэтов всё же никогда не было абсолютно жесткой связи между тематикой, пафосом, образным строем, символикой и лексическим составом произведений, что позволяло им оставаться свободными в реализации своих замыслов. Вспомним, хотя бы хрестоматийных «миноносца» и «миноносицу» В. Маяковского и Иисуса Христа, возглавляющего революционный патруль в поэме А. Блока.

Для новописьменных же литератур единственным средством преодоления узости эстетических представлений в условиях обязательного взаимного соответствия тематики, проблематики, образности и лексики – и всё это в рамках соответствующей идеологии – стало формирование жанровых ответвлений с определенной «внеклассовой» эстетической онтологией: «чистая» лирика, «пейзажная» лирика и так далее.

Это явление в той или иной степени наблюдается в любой литературе на любом этапе её развития, оно обусловлено естественной разницей в целевых установках литературных форм и сопровождается видимой избирательностью жанров в смысле лексики, тематики, концептуалистики, образных рядов, в крайних своих формах воплощаясь в искусство внеконтекстуального знака, в эмблематизм. И именно в условиях мощного идеологического давления и ускоренного вхождения национальной традиции в общий поток политизированной советской литературы жанровое развитие так называемых «новописьменных» поэтических систем приобрело жесткий изолированный характер, когда избирательность форм становится абсолютной или весьма близкой к таковой.

В пределы одного онтологического направления допускаются со-

вершено определенные и ограниченные наборы изобразительно-выразительного инструментария, служащие для воплощения соответствующих концепций и тем. Например, стихи политического, гражданского звучания выстраиваются исключительно в системе условно-понятийной образности, в ожидаемом лексическом обрамлении.

То же самое у Али Шогенцукова: если речь идет о частном, индивидуально значимом, поэт прибегает к зримым картинам, обогащенный подчас даже физиологическим описанием:

В общественно значимых текстах наблюдаются явное преимущество высокой пафетики и понятийно-символьное осмысление как национальной фольклорной образности, так и реальной объектности:

*...Хмур был удел материнский,
Слёзы текли по горам;
Крыльев размах исполинский
Ныне сужден дочерям... [233:165]*

Понятно, что в смысле наполнения образов приведенного отрывка из произведения Али Шогенцукова конкретикой реальных объектов и «слёзы» и «размах исполинских крыльев дочерей» находятся в одной плоскости – вторые, так сказать, по определению, а первые – ввиду целенаправленной «эстетизации», проведенной с помощью переноса их с материнского лица на склоны гор.

Большинство стихов раннего Кешокова также разнесены по онтологическим направлениям, и мы видим, как далеки друг от друга в части суггестивных механизмов (образный строй, общая эстетика, темпоральные представления) тексты в разных жанровых нишах. При этом «чистая» лирика поэта – «Одуванчик», «Родник», «Вдоль парка» – напрочь лишена каких бы то ни было идеологических мет.

Необходимо отметить, что поэтическая практика кабардинских авторов, равно это относится и к любым другим этническим поэтическим школам, и по сей день во многом сохраняет предпочтительность в выборе определенных компонент эстетической рефлексии в границах тех или иных жанровых форм. Это явление обедняет возможности национальных поэтов в наше время, для авторов же, создававших свои произведения в 30-40-х годах и в первые десятилетия после войны, проблема ограниченности поэтического выражения в границах того или иного типа рефлексии ощущалась, по всей видимости, крайне остро.

Лицо кабардинской поэзии определяла оппозиционная дихотомия, модальность конфликта, но, как показала практика, уже в 30-х годах подобный подход был полностью функционален лишь в социально значимых произведениях, частная же проблематика не могла полноценно реализовываться в рамках этого традиционного направления. И дело было совершенно не в том, что с переходом в идеологическое ка-

чество описание, например, любовных переживаний приобретало вид гротеска – так, как это было с многочисленными поэтическими сравнениями потенциальных объектов воздыхания, в которых выигрыш всегда оставался за трудолюбивым колхозником (колхозницей), в идеале – членом ВЛКСМ.

Национальное поэтическое мышление за кратчайшее время лишилось главной составляющей эстетической рефлексии – собственно говоря, лирического субъекта, авторского «Я» [149:116]. И первой эволюционной задачей кабардинской поэтической школы было возвращение активно переживающего и рефлектирующего субъекта в поэтическое представление.

Учитывая общий характер конфликтной модальности кабардинского поэтического мира, по крайней мере в части, касающейся значимых с точки зрения государства произведений, единственным путем преодоления наметившегося кризиса была трансформация поэтической рефлексии «внутри» конфликтной идеологической модальности. Первым стилеобразующим шагом в этом направлении стала творческая практика А. Кешокова. Именно в его стихах сначала намечался, а затем и оформился переход от обобщенного коллективного субъекта «Мы» (при прямой номинации, затем – подразумеваемого) к условно индивидуальному «Я».

Прежде всего у него происходит реформация рефлекторных стандартов, проще говоря, индивидуальная эстетика Кешокова более свободна в своих канонах, он более демократичен в осмыслении окружающего с позиции советской идеологии. У поэта нет столь четкого соответствия жанровой направленности и образного строя, которые наблюдались в кабардинской поэзии 20-х – начала 30-х годов, материальность и реализм в отображении идеологемы становятся его фирменным знаком, хотя, конечно же, в большинстве случаев речь идет о конкретике с явным «социалистическим» подтекстом:

...Из глуби шахт удары полновзвучные

Подхватывает эхо гулких гор.

Колхоз-миллионер отары тучные

Выводит на сияющий простор... [238:8]

Выход за рамки коллективного позиционирования был мучительно трудным процессом. Классовое, политическое отражение продолжало господствовать в новописьменных литературах вплоть до 60-х годов прошлого века. Неудивительно, что в довоенные годы стихи общественного звучания представляли собой те или иные формы актуализации идеологемы: в эстетическом плане – отвлеченную риторику и созданный за годы Советской власти фонд условных формул, образная конкретика в этом случае – лишь иллюстрация, и «отары тучные», и

«удары из глубы шахт» в подобных текстах – не более чем аргументы центральной мысли автора, выраженной донельзя абстрактно:

...Вся родина, свои удачи празднует,

Идёт в одном незыблемом строю.

Со славою дела многообразные

Завершены в моем родном краю... [238:8]

Тем не менее, будет полностью справедливым утверждать, что в 30-40-е годы в кабардинскую поэзию входит – особенно у Кешокова – частное лирическое начало, причем в отдельных случаях именно этот автор решает идеологическую задачу произведения через индивидуально-личностное «Я».

В кабардинскую лирику приходит авторское «Я», но как правило, условное «Я», имеющее отношение к системе советской личности вообще, а не к конкретному человеку – некое коллективное «Мы», особенно чётко проявляющееся в текстах гражданского «советского» звучания.

Тем не менее, необходимо, по всей видимости, признать, что условно-индивидуальное «Я» – опосредованная форма «Мы» в сопровождении целого комплекса обязательной атрибутики, к которой относятся обязательная «высокая» тематика, проблематика, пафос и обращение к переживаниям коллективного универсального характера – представляет собой высшую точку развития конфликтной модальности в кабардинской поэзии вплоть до начала творческой деятельности Зубера Тхагазитова. Актуализация эстетической рефлексии в поле этого типа активного субъекта по сей день имеет столь широкое распространение, что и в наше время во многом определяет специфику кабардинской поэзии.

Для Зубера Тхагазитова эта ступень эстетического осмысления окружающего явилась начальной, что понятно даже при беглом обзоре его первых произведений. Индивидуальной особенностью его поэтических представлений были изначальное органичное единство идеологической семантики, присущее всей советской литературе, и этничность образного мышления. Даже самые ранние его стихотворения, весьма неоднородные в плане художественной состоятельности, отмечены явным интегративным качеством, естественным синтезом национального и гражданского в его «государственном» понимании. Справедливым будет утверждать, что условно-индивидуальное «Я» в творчестве Тхагазитова – исходная точка осмысления окружающего в рамках традиционной конфликтной модальности, причем традиционной в её этническом аспекте:

Когда свершить я подвиг не смогу,

Ты изгони меня, о родина моя...

Но и прости меня.

*Когда же я смогу, но убегу,
Когда же я сумею, но солгу,
Ты прокляни меня, страна кипучих рек!..*

Лирическая канва произведения реализуется, как мы можем видеть, в русле советской патетики, патетики подвига и долга личности перед родиной. Одновременно мы наблюдаем равноправное присутствие в приведенных строках и этико-эстетических норм адатного происхождения – понимание сущности долга в данном случае полностью соответствует советским идеалам и одновременно представлениям кабардинского народа, зафиксированным в кодексе «адыгэ хабзэ».

Особенно примечательным видится то обстоятельство, что ни советская пафосность, ни этническая не выражены в данном стихотворении прямо, с помощью каких-либо знаковых символов: здесь нет ни презентативной этнической объектности типа «кинжалов», «вершин», «скакунов» и так далее, ни советской условно-абстрактной риторики, видимая же патетичность приведенных строк локализована исключительно в сфере национальных представлений о мужской чести и достоинстве.

По всей видимости, личность Зубера Тхагазитова формировалась в среде устойчивого влияния советской идеологии и национальных представлений этико-эстетического характера таким образом, что два эти начала образовали единый и действительно органичный сплав. Поэт уже в начале своего творческого пути демонстрирует естественность восприятия и осмысления идеологического и этнического в той степени, которая позволяет ему обходиться без каких бы то ни было «внешних» антуражных обращений к универсальным эмблематическим обозначениям советского и национального бытия. В произведениях это выливается в особом поэтическом строе, не предполагающем вычленения семантических областей разного – государственного и национального – происхождения. Иначе говоря, у Зубера Тхагазитова мы сталкиваемся с совершенно новой формой образных представлений, предполагающей полное тождество идеологического и этнического:

*Памятник стоит в саду колхозном,
Бронзово тяжел суровый взгляд...
...Но давно покой его нарушен,*

Все уже забыли про беду... – обращает на себя внимание абсолютный генерационный синкретизм образа памятника. Памятник в стихах кабардинского поэта априори принадлежит к миру советской идеологии, к области донорной культуры. Однако у Тхагазитова, помимо этого ожидаемого содержания, памятник явно адресует читателя к каноническому образу мужчины-адыга, мужчины-защитника,

более того, взгляд памятника – явная дань фольклорной традиции, особое внимание уделявшей именно глазам и взору героя. В дальнейшем совмещение советской и фольклорной образности станет заметной чертой индивидуального стиля кабардинского поэта и позволит ему взломать жесткие границы жанрового онтологического деления, границы, которые к началу 60-х годов уже выглядели явным анахронизмом.

Но главной чертой развития поэтики и образного мышления Тхагазитова в этот период была всё же субъективизация эстетического переживания. Это явление в его творчестве носит ярко выраженный дуальный характер: с одной стороны, поэзия Тхагазитова личностна и представляет собой огромный шаг вперед по пути формирования в национальном эстетическом сознании парадигмы действующего субъекта, с другой – уходя от обобщенного коллективного переживания, молодой автор пытался сохранить в своих произведениях идеологическое начало, идеологическую семантику и даже риторику. В этом смысле можно смело утверждать, что З. Тхагазитов был человеком, для которого советская мифология стала центральным стимулом и мерилем в осмыслении и классификации окружающего мира. Подавляющее большинство его ранних стихов – «Моим односельчанам», «Пучина», «Песня о Родине», даже сугубо интимный цикл «Девушка и весна» – отмечены наличием отвлеченно-абстрактного «Я» поэта, либо даже коллективного лирического субъекта, и, как правило, переходность формы лирического «Я» в стихотворениях этого периода сопровождается интегративным качеством образных представлений, когда невозможно выявить, что в представляемых Тхагазитовым картинах берет начало в национальном фольклоре, а что относится к общемировым культурным универсалиям. Иногда это выливается в произведения акцентированно космополитичные в смысле тематики, объектного мира, проблем, концептуально значимой образности и в то же время полностью разворачивающих перед читателем мир адыгской этики и эстетики, например, «Венера», «Две розы», «Казбек», «Тучи» и многие другие. Главное, что мы можем отметить в стихах первых сборников поэта – органичность идеологической канвы в поэтических представлениях Тхагазитова. Это качество проявляется в том, что даже в сугубо камерных пейзажных зарисовках он может вводить нотку идеологической адресации, например, неожиданным употреблением образа, полностью актуализированного в сфере идеологических, патриотических представлений:

*Гимнастерку зеленую
на землю весна надела.
Выжгло лето её,
она пожелтела... [253:64]*

И наоборот, реализация идеологемы может идти у него через уникальное индивидуализированное поэтическое представление:

Снег выпал.

Яростный, добротный.

О, пусть он будет глубже, глубже!..

... и он растает,

и потечёт по чёрным жилам,

как кровь мятежная густая, и даст он хлебу

славу,

силу! [253:70]

И «мятежная кровь», и «слава», и «сила» хлеба – всё это знакомо нам в качестве образных клише поэзии первых лет Советской власти, но «яростный и добротный снег», равно как «густая кровь» и «чёрные жилы» – личные находки З. Тхагазитова. Но использованы они в приведенном произведении для аргументации идеологемы в привычном ключе советской кабардинской поэзии 50-60-х годов прошлого века. В любом случае художественное сознание молодого кабардинского автора находилось на новом эволюционном витке развития по сравнению с большинством собратьев по перу.

Будучи советским поэтом, Тхагазитов в силу внутреннего эстетического самоощущения не мог ограничиваться рефлексией в границах обезличенного субъекта. Даже в текстах, в которых он вынужден обращаться к ходовым сравнениям, в текстах, насквозь пропитанных патетикой и идеологией, он вносит элемент личностного переживания, и мы видим, как плоскостное эмблематическое представление наполняется частным неповторимым смыслом, обретает уникальность единичного факта:

...Но когда дракон нагрянет

на орлиное жильё,

Отдают орлята жизнь,

Отдают без страха жизнь

За гнездо своё.

Сумма смыслов стихотворения вырастает на образном ряде камерного, интимного характера, это обстановка разговора ребёнка с матерью, первичный образный зачин – тлеющий в углях огонёк – придает новый статус многожды апробированным в горской поэзии «орлятам» и «драконам».

Следующим шагом З. Тхагазитова по пути реформации кабардинской поэтической школы стал его выход на осознание и отражение окружающего в поле уникального авторского «Я» со всеми сопутствующими этому феномену составляющими и антуражными элементами, в первую очередь – с опорой на частный характер переживаний, никак не связанный с эмотивностью коллективного плана. Как правило,

это четко проявляется в произведениях в виде уникальных визуальных картин, часто в составе традиционной образности и концептуалистики либо в тесном переплетении с ними:

*Зной сгустился невозможно –
ливню быть, значит.*

*Скачет дождь в пыли дорожной,
белый всадник скачет...*

Кабардинская поэтическая традиция, в принципе, зиждилась на концептах всадника, дороги, не меньшее место в ней занимали и устойчивые образы дождя и пыли, то есть в определенном смысле данный отрывок можно считать эталонным произведением, унифицированным в соответствии с негласными запросами предыдущей национальной художественной практики. Тем не менее, детализированная до максимума зрительных возможностей человека картина капель дождя, разбивающихся и отскакивающих от дорожной пыли, сенсорный посыл, предвещающий всю сцену, – «зной сгустился невозможно» – переводят всё описание в разряд актуального ощущения отдельно взятого человека, ощущения мгновенного и реализованного исключительно в пределах личностной системы восприятия. Такого уровня индивидуализации, такой степени точного восхождения к рефлексам и органам чувств авторского «Я» кабардинская поэзия до Зубера Тхагазитова попросту не знала.

Кстати, З. Тхагазитов, скорее всего, четко осознавал ценность этой составляющей своего таланта, его стремление к описанию уникальных мимолетных ощущений очевидно и зачастую приобретало вид прямого «физиологического» представления, когда мысль поэта выстраивается в виде последовательности сенсорных ощущений, например:

*Холод розы щекам
щедро раздаривает.
под ботинками снег скрипит –
разговаривает...*

Итак, уже на первых этапах своего творческого пути Зубер Тхагазитов выступил как решительный реформатор наработанной и закрепившейся до него в качестве общепринятой кабардинской поэтики в части её концептуалистики, художественной топологии, образного наполнения. В его произведениях видимым изменениям подверглись все составляющие поэтического текста, и это было тем более заметно, что подавляющее большинство поэтов-кабардинцев периода 50-60-х годов XX века в общественно значимых секторах своего творчества продолжали создавать произведения, качественно не отличавшиеся от образцов довоенных лет.

Новационный вклад молодого кабардинского автора в развитие национальной поэтической традиции в эти годы был сконцентрирован

в двух основных областях. Во-первых, Тхагазитов вслед за А. Кешоковым, изменил само понимание лирического субъекта, выведя его из пространства коллективных эстетических переживаний и представлений в сферу индивидуальной рефлексии.

Во-вторых, это естественным образом сформировало фонд выразительных средств и состав лирического нарратива Тхагазитова, уже в первых его текстах разительно непохожий на национальную «советскую» идеологизированную лирику 50-60-х годов. Инструментарий его – вторая отличительная черта стиля – базировался на нескольких фундаментальных компонентах, главные из которых происходили из особенностей лирического субъекта молодого автора: уникальность и единичность образной конкретики, реальных воспоминаний, обращение к понятийно-эмоциональным полям, изначально актуализированным в поле индивидуальности автора, – воспоминания о матери, разговор с сыном, детские впечатления (подчеркнуто наивные), вообще широкое употребление первичных естественных и достаточно простых форм личностной версификации поэтического переживания, в целом свойственных передовой поэтической мысли кабардинского народа, в частности, подобные модели индивидуализации лирического представления широко использовал и А. Кешоков. Однако неоспоримо одно: тот эволюционный уровень, который осознается сегодня как значимый в кабардинской поэзии середины прошлого века, для З. Тхагазитова был исходным этапом, с которого началось развитие его поэтического мышления.

«АДЫГИ» АСХАДА ШЕУДЖЕНА

*Бывают края, что недвижны веками,
Зарывшись во мглу и мох,
Но есть и такие, где каждый камень
Гудит голосами эпох!*

Этими замечательными стихотворными строками талантливого русского поэта Ильи Сельвинского открывает свой рассказ об удивительно яркой и трагичной истории адыгов академик РАН А. Х. Шеуджен. Эта история народов, по словам Б. Б. Шарданова, сказанным еще в 1914 году, «является редкой не только в русской, но также и в мировой истории».

В свое время А. С. Пушкин, порой критиковавший выдающегося русского историка Н. М. Карамзина (1766–1836 гг.) за его отношение к самодержавию, в конце концов пришел к выводу: «"История государства Российского" есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека. Этот труд открыл Россию Европе. Прежде до допетровском прошлом нашей страны за границей судили с известным пренебрежением, теперь же главное произведение Николая Карамзина перевели на европейские и даже китайский языки».

Эти слова можно адресовать и неутомимому труженику науки А. Х. Шеуджену за его глубоко содержательный двухтомный труд об истории адыгов (черкесов) «Адыги» – за «подвиг честного человека».

Являясь одним из официальных рецензентов этого двухтомного труда «Адыги» [1] академика РАН, доктора биологических наук, профессора Асхада Хазретовича Шеуджена, не могу не высказать своего отношения к этому большому научному труду. В первую очередь, хотел бы отметить весьма уважительное, порой трепетное отношение к истории одного из древнейших народов мира – адыгах, являющихся автохтонным народом Северного Кавказа, письменные известия о которых известны из древнейших греческих источников, в том числе «отца истории», древнегреческого ученого Геродота (около 484 – 425 гг. до н.э.). Он высказал справедливую во все времена, весьма удивительную мысль о том, что нет великих и малых народов: «Те, кто были великими в древности, стали незначительными ныне, и, напротив, те, которые при мне стали большими, прежде были малыми» [2. 301]. Как актуально звучит эта мысль древнегреческого ученого в наш бурный XXI век.

Во-вторых, особо хотелось бы подчеркнуть, что для написания этого уникального во всех отношениях научного труда автором при-

влечено свыше 1700 различных письменных источников (монографии, энциклопедические издания, сборники материалов научных конференций и статей, опубликованных в различных журналах и др.). Впечатляет документальная база. Для исследования использованы материалы 300 различных фондов из 15 различных архивов, включая Архив внешней политики Российской империи (Российской Федерации) – (АВПРИ – АВПРФ), Архив Правительства Российской Федерации (АПРФ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, бывш. РЦХИДНИ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственные архивы Северо-Кавказских республик, краев и Ростовской области, Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИА Грузии). Все это позволило А. Х. Шеуджену создать емкий научный труд об адыгах (черкесах) России, ближнего и дальнего зарубежья, который мог бы составить честь и гордость любому научному учреждению исторического профиля России.

Главное достоинство книги «Адыги» в 2-х томах – объективное изложение многотрудной истории адыгов – одного из коренных народов Кавказа. Читая этот солидный труд (1620 стр.), обращаешь внимание, сколь скрупулезно относится А. Х. Шеуджен к авторам, которые оставили свои труды по истории адыгов – Шоре Ногмову, Султану Хан-Гирею, Сефербию Сиюхову, Федору Щербине, автору «Истории кубанского казачьего войска» (в 2-х томах), Валентину Гарданову, Георгию Дзидзария и многим другим, включая современных и зарубежных авторов. К примеру, на работы С. Сиюхова А. Х. Шеуджен ссылается, цитирует его в своей 2-х томной научной монографии более 30 раз. Активно используются в монографии ссылки на ведущих адыгских ученых Кабарды, Адыгеи и Черкесии, ведущих ученых-кавказоведов.

Что из себя представляет этот научный труд академика А. Х. Шеуджена?

Первый том (752 с.) автор посвятил раскрытию основной темы, которая вызывает вот уже на протяжении нескольких столетий повышенный интерес во всем научном мире: «Адыги: происхождение и расселение в историческом прошлом». Он состоит из 10 глав, каждая из которых имеет от 4 до 18 параграфов. Повествование начинается с первобытнообщинного строя – (каменный век, неолит, энеолит, эпоха бронзы, плавно переходящая в эпоху раннего металла). Это делается для того, чтобы обосновать автохтонность на Северном Кавказе одного из древнейших народов мира.

Второй том (868 с.) открывается большим разделом: «На пути к обретению адыгской государственности» и состоит из 4-х глав, в каждой из которых от 2 до 9 параграфов. Широко представлены следующие

разделы: 1. «История происхождения и расселения адыгов в народных преданиях»; 2. «Религиозные верования адыгов», отдельно выделена в этом разделе глава «Адыги и ислам», состоящая из 8 параграфов; 3. «Адыги и рабство»; 4. «Культура и быт адыгов», с параграфами, посвященными уровню развития материальной и духовной культуры адыгов, а также приоритету адыгов в различных областях знания, культуры, общественной и военной сфере; 5. «Язык и письменность у адыгов»; 6. «Адыги – рыцари спортивных состязаний»; 7. «Современное расселение черкесов-адыгов в странах мира»; 8. «Ономастика и топонимика: к истории собственных имен и географических названий земли адыгов».

Монография завершается списком использованной литературы. В конце двухтомника в качестве приложения даются «Материалы судебного процесса над убийцами Моса и Гошевной Шовгеновых», проходившего в а. Хакуринохабль с 13 по 19 января 1926 года.

Ограничимся пока этим небольшим обзором этого уникального научного трактата.

Надо отдать должное академику РАН А. Х. Шеуджену. Он смог представить в своей 2-х томной монографии «Адыги» национальную историю и культуру адыгов (черкесов) очищенные от идеологического пресса, от разного рода нападок, грязных оскорблений, наконец, глумления некоторых политизированных псевдоученых и объективно ее воссоздать, превратив многотрудную историю адыгов в объект глубокого уважения и почитания.

Адыгам (черкесам) возвращены сотни событий и фактов, десятки имен. В этом несомненное достоинство книги А. Х. Шеуджена «Адыги». Полагаем, что со временем обильный материал двухтомника послужит нашим писателям основой для воссоздания правдивой истории адыгов (черкесов), в первую очередь, в интересах детей и юношества, широкой общественности.

В свое время Кавказская война разрушила до основания цветущую Черкесию, и, как говорит Я. А. Гордин: «Мифологическая Атлантида рухнула в океанскую пучину в результате грандиозного природного катаклизма. Историческая Черкесия исчезла в результате катастрофы военно-политической... Пространство обитания адыгских народов было пространством богатой и своеобразной культуры. Это был особый мир, производивший сильное впечатление на европейцев. Мир, безжалостно и – как теперь очевидно – неоправданно разрушенный» [3]. Весь адыгский (черкесский) мир до сих пор считает своей родиной не страну обитания, в которой он оказался в результате депортации после войны, ставшей для них национальной катастрофой, а «Хэкуж» – свою историческую, материнскую родину – Кавказ! Этот особый мир и удалось воссоздать А. Х. Шеуджену.

Как и всякое сложное научное издание, двухтомник А. Х. Шеудже-

на не лишен недостатков и упущений. Нам, ныне живущим на своей исторической родине адыгам, хотелось бы больше получить информации о том, как встроились адыги (черкесы) в общественно-государственную структуру других стран, в которых они оказались в результате национальной катастрофы, которая произошла с адыгами (черкесам) в годы Кавказской войны. Несмотря на эту трагедию мы должны знать, что адыги (черкесы) остались до конца преданы своему неписанному своду законов – «Адыгэ хабзэ» и черкесскому этикету «Адыгэ нэмыс». Они покинули свою историческую родину не сложенные духом, непокоренные.

Отмечая в ауле Тахтамукай пятую годовщину Советской власти и предоставление адыгам 27 июля 1922 г. национальной автономии, выдающийся просветитель адыгов С. Х. Сиюхов говорил: «Мы считаем, что в этот знаменательный день черкесы празднуют свое национальное воскресение из мертвых. Этот праздник будет торжественным гимном Советской власти, власти, даровавшей черкесам самое высокое благо для нации – свободу самоопределения и национального возрождения». К этим словам трудно что-либо добавить!

Сведения об авторе монографии «Адыги» в 2-х томах:

Шеуджен Асхад Хазретович – академик Российской академии наук, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат премии имени Д. Н. Прянишникова Российской Федерации в области агрохимии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник сельскохозяйственного производства Республики Адыгея, лауреат Государственной премии Республики Адыгея, Герой труда Кубани.

Литература

1. *Шеуджен А. Х.* Адыги. В 2-х томах. Том I. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2022. – 752 с.; Том II. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2022. – 868 с.
2. Большая историческая энциклопедия / *Новиков С. В.* и др. – М.: Слово, Эксмо, 2006. – 943 с. [1]: ил. – С. 301.
3. *Гордин Я. А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. – М.: Время, 2014. – 512 с. – 2-е издание. Дополненное («Диалог»).
4. *Сефербий Сиюхов* – адыгский просветитель. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1991. – 192 с. – С. 128.

В номере:

Танзиля Зумакулова. К 100-летию Р. Гамзатова. <i>Стихи</i>	2
Магомед Кудаев. Проклятие оборотня. <i>Повесть</i> (перевод Ларисы Аахаевой)	7
Саадула Кануков. Девушка из Ленинграда. <i>Главы из романа</i> (перевод Ларисы Маремкуловой)	33
Адам Гутов. Журавль одинокий – журавль головной. <i>Статья</i>	49
Заур Налоев. Берега. <i>Рассказ</i> (перевод Асият Карма).....	56
Бригантина Исмела. <i>Рассказ</i> (перевод Заремы Князевой)	66
Гульфия Базиева. Лирическая проза Б. Чипчикова. <i>Статья</i>	79
Борис Чипчиков. Мы жили рядом с Граалем. Возвращайся свободной! <i>Рассказы</i>	85
Сергей Еремеев. <i>Стихи</i>	106
Амина Ворокова. История одного дня. Предложение. <i>Рассказы</i>	109
Аида Цопанова. <i>Стихи</i>	119
Елена Пачева. Восстать из пепла. Свинопаска Нахуна. Судьба Лины из Хьшнии. <i>Рассказы</i>	124
Лилия Киббишева. Лесная девушка. <i>Повесть</i>	137
Людмила Шауцукова. Очаг. <i>Рассказ</i>	149
Татьяна Подыман. <i>Стихи</i>	152
Сафарби Бейтуганов. Достояние национальной культуры. <i>Статья</i>	156
Юрий Тхагазитов. Индивидуализация национально-конфликтной модальности в раннем творчестве Зубера Тхагазитова. <i>Статья</i>	169
Казбек Ачмиз. «Адыги» Асхада Шеуджена. <i>Статья</i>	187

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.08.2023. Подписано к печати 05.09.2023.
Выход в свет 25.10.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 903 экз. Заказ № 2209. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 41,77 руб., за 6 мес. – 125,31 руб. В
розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-28-49,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

---

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с
электронной версией.*

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона, адрес электронной почты).

1.09.23. КБР, г. Прохладный. Открытие новой школы в День знаний

9.09.23. На праздновании Дня государственности Кабардино-Балкарии

